

(90)

ВИЗАНТІЙСКІЙ ПАПА.

Изъ исторіи церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи.

Н. СУВОРОВА,

профессора церковнаго права въ Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

1902.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Константинопольскій патриархъ Михаилъ Керуларій (Κηρουλάριος) извѣстенъ въ исторіи, во-первыхъ, своими мѣропріятіями противъ Рима, завершившими тотъ церковный разрывъ между востокомъ и западомъ, который подготовлялся еще задолго до патриарха Фотія и при Фотіѣ выяснился съ достаточною отчетливостію, но до половины XI в. практически не былъ проведенъ, и иногда даже совсѣмъ забывался, во-вторыхъ, своими попытками подчинить себѣ императорскую власть и поставить патриарха новаго Рима приблизительно въ то же положеніе, какое создадось для епископа стараго Рима на западѣ. Правильное пониманіе всего вообще образа дѣйствій Керуларія, равно какъ хода историческихъ событій начала второй половины XI в., невозможно, если имѣть въ виду только столкновеніе этого патриарха съ Римомъ, оставляя въ сторонѣ его отношенія къ императорской власти и въ особенности его конфликтъ съ Исаакомъ Комненомъ, и, наоборотъ, если имѣть въ виду единственно эту церковно-политическую сторону дѣятельности Керуларія, оставляя въ сторонѣ его образъ дѣйствій по отношенію къ Риму. Только изученіе всей вообще дѣятельности Михаила Керуларія можетъ привести къ выясненію исторически—вѣрнаго образа этого, не имѣвшаго себѣ подобныхъ, константинопольскаго патриарха, высокоумѣнный нравъ котораго, по выраженію Рамбо, столько же, сколько и гордость римскихъ первосвященниковъ, содѣйствовали церковному разрыву, и который, какъ кажется, понушался сдѣлать то, что сдѣлалъ Григорій VII на западѣ, возбуждая конфликтъ между sacerdotium и imperium, стремясь основать, въ виду латинской теократіи, нечто въ родѣ теократіи греческой (Rambaud въ *Revue historique*, 1877, № 3). Одинъ и тотъ же человекъ дѣйствовалъ и въ столкно-

веніи съ Римомъ, и въ столкновеніи съ императорскою властію. Между тѣмъ въ литературѣ до сихъ поръ мало обращалось вниманія на эту взаимную связь обоихъ моментовъ. Не говоря о Димитракопуло, который въ своей *Ἱστορία τοῦ σχίσματος τῆς λατινικῆς ἐκκλησίας ἀπὸ τῆς ὀρθοδόξου ἐλληνικῆς* (1867), пишетъ нѣчто не совсѣмъ похожее на дѣйствительную исторію, даже такіе ученые, какъ Вилль, Гергенрёттеръ, Пихлеръ, Неандеръ, Гефеле и даже Гөререръ, оставляютъ въ тѣни церковно-политическую сторону дѣятельности Керуларія. Изъ русскихъ ученыхъ г. Скабалановичъ имѣлъ случай выяснитъ цѣльную личность этого патріарха, такъ какъ въ своей статьѣ: «Раздѣленіе церквей при патріархѣ Михаиѣ Керуларіѣ» (въ Христ. Чтен. 1884 ч. 2 и 1885 ч. 1) поставилъ себѣ цѣлью изложить церковныя мѣропріятія какъ съ восточной, такъ и съ западной стороны, а въ монографіи: «Византійское государство и церковь въ XI в., отъ смерти Василія II Болгаробойцы до воцаренія Алексѣя I Комнена, Спб. 1884»), явившейся почти одновременно съ названною статьёй, долженъ былъ изобразить церковно-политическую сторону дѣятельности патріарха Михаила. Но отчасти нашъ ученый съ явнымъ пристрастіемъ въ пользу Керуларія оцѣнивалъ его дѣятельность, отчасти невольно допускалъ неправильную оцѣнку, такъ какъ, по всей видимости, незнакомъ былъ съ содержаніемъ обвинительной рѣчи Пселла, которая имѣла быть произнесена на судѣ надъ Михаиломъ Керуларіемъ по волѣ Исаака Комнена, но осталась не произнесенною за смертію патріарха. Другой русскій ученый, г. Безобразовъ, въ своей монографіи: «Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ», Москва, 1890, не только имѣлъ въ виду упомянутую обвинительную рѣчь Пселла, но и издалъ большую часть ея въ дословномъ русскомъ переводѣ (въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1889 г. ч. 264), что, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ его заслугу, такъ какъ эта рѣчь (πρὸς τὸν σύνεδρον κατηγορία τοῦ αὐριερέως) до сихъ поръ находится въ рукописи (Парижск. Націон. Библ. № 1182), и Саваа, помѣстившій въ IV и V томахъ своего изданія «Средневѣковой библиотеки» (Σάβας, Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη) разныя произведенія Пселла, обвинительную его рѣчь противъ Керуларія не соблаговолилъ издать. Но Керуларій для г. Безобразова все-таки остался побочнымъ лицомъ, главный же предметъ его монографіи есть личность и дѣятельность Михаила Пселла,—этого, по выраженію Рамбо, «софиста и куртизана» въ монашескомъ образѣ, да и въ томъ немногомъ, что относится къ Керуларію, г. Безобразовъ, подвліяніемъ нерасположенія къ Пселлу, конечно, заслуженнаго этимъ послѣднимъ; не придаетъ должнаго значенія не только его обвиненіямъ, но и свидѣтельствамъ другихъ византійскихъ писателей, и въ общемъ остается на точкѣ зрѣнія г. Скабалановича.

Не такъ давно изъ подъ пера французскаго ученаго вышла книга, заслуживающая нашего вниманія, именно какъ воспоминающая уваженный литературный пробѣлъ: *Louis Bréhier, Le schisme oriental du XI siècle, Paris, 1899.* Подобно нѣкоторымъ другимъ конвентристамъ, Брейе не можетъ воздержаться отъ разныхъ lapsus, въ родѣ того, что Зонара умеръ въ началѣ XII в. (стр. XIX введ.), что полемическій трактатъ Никиты Пектората противъ латинцевъ, *написанный на латинскомъ языкѣ*, усиліями Керуларія былъ распространенъ по всей греческой церкви (стр. 94), что трудьскій соборъ 692 г. призналъ за константиновскимъ патриархомъ право на титулъ «вселенскаго», дарованный ему Юстиніаномъ (стр. 195 и 203), что во время III и IV всел. соборовъ теорія пяти чувствъ вполне соответствовала дѣйствительному положенію дѣлъ церковныхъ (стр. 198) и проч. Далѣе можно находить произвольную и натянутую общую историческую концепцію дѣятельности Керуларія; который, по мнѣнію Брейе, систематически, шагъ за шагомъ, шелъ въ выполненіи широкаго, заранѣе обдуманнаго имъ, плана. Михаилъ Керуларій, какъ извѣстно, началъ свою карьеру съ заговора противъ императора Михаила IV Паслагона, и, въ случаѣ успѣшнаго исхода заговора, ему открывалась перспектива занятія императорскаго престола, такъ какъ онъ именно наибѣе былъ заговорщиками въ качествѣ кандидата на тронъ. Заговоръ не удался; Керуларій поплатился за него ссылкой, которая довела его до рѣшенія постричься въ монахи. Но, возвращенный изъ ссылки Константиномъ Мономахомъ и вскорѣ затѣмъ возведенный въ патриархи, Керуларій, по мнѣнію французскаго ученаго, сразу же составилъ себѣ опредѣленную программу дѣйствій, выработалъ себѣ ясный планъ, проводившійся съ неуклонною послѣдовательностію. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы рано или поздно упразднить императорскую власть и соединить въ своихъ рукахъ sacerdotium и imperium. Церковный разрывъ въ этомъ планѣ долженъ былъ служить однимъ изъ этаповъ, ведущихъ къ достиженію конечной цѣли. Керуларію, разсуждаетъ Брейе, нужно было сначала порвать съ западомъ, для того чтобы стать единымъ главою востока, соединяющимъ въ своихъ рукахъ господство и въ церкви, и въ государствѣ, можетъ быть съ совершеннымъ упраздненіемъ императорской власти, можетъ быть съ удержаніемъ императорства, какъ хранителя или держателя матеріальной силы, на подобіе того, какъ со времени Григорія VII римскіе папы трактовали императорскую власть (стр. 213, 276 и сл.). Впрочемъ, и самъ Брейе оговаривается (стр. 273), что о Керуларіѣ судить затруднительно, такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя сочиненій, по которымъ можно бы было воспроизвести образъ его мыслей, какъ

возможно это относительно Григорія VII; въ распоряженіи науки находятся лишь отрывочныя свидѣтельства историковъ и намекы современниковъ, такъ что отсюда оправдывается стремленіе исследователя догадываться и предполагать, для того чтобы установить разумную связь между отдельными дѣйствіями Керуларія. Во всякомъ случаѣ, концепція Бреге не есть неизбежный путь къ раскрытію этой связи. Съ одинаковымъ, а пожалуй и болѣе надежнымъ и болѣе свободнымъ отъ упрека въ произвольности, успѣхомъ, можно доказывать, что Керуларій лишь послѣдствительно, толкаемый событіями, дошелъ до идеи восточнаго папства, которая бесспорно проглядываетъ въ его образъ дѣйствій, особенно за время царствованія Исаака Комнена. Затѣмъ, и въ отношеніи къ обстоятельствамъ церковнаго разрыва, Бреге судитъ пристрастно, не видя въ дѣйствіяхъ палы ничего неумѣстнаго. Настоящая моя работа имѣетъ цѣлью изложить и освѣтить фактическія данныя, которыя служатъ къ выясненію пѣльшой личности патріарха Михаила Керуларія, насколько она выразилась въ его церковно-политической дѣятельности. При этомъ само собою разумѣется, что я не біографію названнаго патріарха пишу, а рассматриваю и оцѣниваю его дѣятельность съ историко-юридической точки зрѣнія. Поэтому работа моя будетъ представлять собою этюдъ въ области исторіи церковнаго права. Такъ какъ, согласно вышесказанному, дѣятельность его проявилась въ двухъ направленіяхъ: по отношенію къ Риму и по отношенію къ императорской власти, и въ послѣднемъ направленіи проявилась болѣе рѣзко лишь послѣ состоявшагося церковнаго разрыва, то мы сначала скажемъ о раздѣленіи церквей, предпославъ краткія свидѣнія объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ разрыву, затѣмъ познакомимся съ его мѣропріятіями по отношенію къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.

Н. С.

ГЛАВА I.

Обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церкви при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.

Михаилъ Керуларій, по происхожденію, былъ изъ знатнаго рода. Его историческая карьера началась, какъ отмѣчено исторіею, съ заговора противъ императора Михаила IV Пафлагона. По словамъ Кедрена, повторяющаго Стилицу, главою, *ἑξαρχος*, заговора былъ именно Керуларій съ зятемъ своимъ Іоанномъ Макреболитомъ, мужемъ сестры Керуларія, при участіи немалаго числа другихъ гражданъ: ¹⁾. Заговоръ былъ открытъ, и заговорщики отправлены были въ ссылку, съ конфискаціей ихъ имущества. Цель заговора—*μελέτη τυραννίδος*, по выраженію Кедрена, т. е. низверженіе законнаго императора и возведеніе на его мѣсто Керуларія; по византійской терминологіи, «тиранн» всегда означалъ узурпатора законной власти, а *μελέτη τυραννίδος* умыселъ, направленный на такую узурпацію. Заговоры и открытыя возмущенія съ политическими переворотами были, какъ извѣстно, обыкновеннымъ явленіемъ византійской исторіи, и изъ того, что предпріятіе Керуларія не удалось, не слѣдуетъ, что оно, само

¹⁾ Ἐγένετο δὲ κατὰ τοῦτον τὸν καιρὸν μελέτη τυραννίδος κατὰ τοῦ βασιλέως, ἑξαρχὸν ἔχουσα Μιχαὴλ τὸν λεγόμενον Κηρουλάριον καὶ Ἰωάννην τὸν Μακρεβολίτην καὶ ἄλλους οὐκ ὀλίγους τῶν πολιτῶν, οἱ καὶ δηρευθέντες ἐκωρίσθησαν. Corp. scriptor. Histor. byzant. Georgius Cedrenus, t. II, p. 530, по боннскому изд. 1839 г.

по себѣ, было химерическимъ. Историческая иллюстрація налицо. Константинъ Мономахъ, также отправленный въ ссылку при Пафлагонѣ, въ самомъ дѣлѣ сдѣлался потомъ императоромъ. Пселлъ въ своемъ надгробномъ панегирикѣ въ честь Михаила Керуларія, въ которомъ ему нужно было во чтобы то ни стало прославить память умершаго Керуларія ¹⁾, придаетъ участію его въ заговорѣ очень искусственное освѣщеніе, выгораживая и честь Пафлагона, противъ котораго составленъ былъ заговоръ, и честь Керуларія. Съ вступленіемъ на престолъ Михаила Пафлагона, говоритъ Пселлъ, обнаружилась двойственность режима: самъ Пафлагонъ стоялъ на сторонѣ законности, но свора его родственниковъ (имѣется въ виду родной братъ Пафлагона, извѣстный монахъ-схоластъ Іоаннъ Орфанотрофъ), вела; тираническое и насильственное правительство, отъ котораго множество людей всачески старалось избавиться. И вотъ немалая часть города, въ томъ числѣ знатнѣйшіе изъ родовъ (*τὰ πρῶτα τῶν γένων*), болѣе сильные и мужественные и скорые на рѣшеніе, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, условились между собою упразднить тиранию и поставить на ея мѣсто законную власть, причемъ, когда возникъ вопросъ о личности будущаго царя, заговорщики, каждый отъ себя, отстранили эту честь и общимъ голосомъ рѣшили выбрать лучшаго изъ всѣхъ. Въ качествѣ таковаго, общій голосъ указалъ на Михаила Керуларія. У нихъ не было намѣренія убить царя, т. е. Михаила Пафлагона, продолжаетъ Пселлъ, они желали сохранить его, отставивъ лишь его отъ власти, и возвести на царство того, кого считали лучшимъ, самому же Керуларію ничего не говорили объ этомъ, изъ опасенія, что, быть можетъ, онъ не одобритъ ихъ мысли. Итакъ Михаилъ сидѣлъ дома, не вѣдая какихъ относительно его существовали намѣренія, а между тѣмъ

---

¹⁾ Похвальная рѣчь держалась предъ Евдокіей, дочерью названнаго въ текстѣ Макремболита, слѣдовательно племянницей Керуларія, которая, съ возведеніемъ на престолъ мужа ея Константина Дуки, сдѣлалась императрицей, а по смерти Дуки даже правительницей имперіи. Пселлъ, который раньше по волѣ Исидора Комнина составилъ громоздкую обвинительную рѣчь противъ Керуларія, былъ настолько ловокъ, что съ перемѣною правленія, удержался въ интимности двора, и, согласно новому теченію въ политикѣ, сочинилъ похвальную рѣчь въ честь умершаго патріарха.

во открытіи заговора, онъ-то именно, невиннѣйшій изъ всѣхъ, и пострадалъ болѣе всѣхъ. Двухъ братьевъ Керуларіевъ отправили въ заточеніе, разлучивъ ихъ, и Михаила стали принуждать къ постриженію; но онъ мужественно сопротивлялся, не потому, что ненавидѣлъ самое монашество, а потому, что не желалъ, чтобы близость къ Богу была послѣдствіемъ наказанія. Однако, чего не успѣли достигнуть принужденіемъ, то сдѣлала трагическая смерть брата, потерявъ котораго Михаилъ пострится, и такимъ образомъ «посвятилъ себя Богу тотъ, кто уже до рожденія былъ посвященъ Ему». Сообщая далѣе о возведеніи Михаила въ патриархи, по воцареніи Константина Мономаха, Пселль заключаетъ: изъ двухъ вещей, украшающихъ жизнь,—царства и архіерейства, онъ былъ достоинъ и той, и другой, и каждой изъ нихъ удивительно соотвѣтствовалъ, а между тѣмъ ни той, ни другой не желалъ и лишь другимъ признавался достойнымъ обѣихъ, мало того,—даже высланнымъ той и другой! ¹⁾ Изображенная Пселломъ, почти идиллическая картина заговора, въ которомъ желаютъ сохраненія наличнаго императора, а то лицо, въ пользу котораго дѣйствуютъ заговорщики, остается въ неизвѣстности насчетъ ихъ плановъ, мало согласуется съ тѣми византійскими приемами, которые въ дѣйствительности практиковались узурпаторами по отношенію къ свергаемымъ съ престола царямъ. Пселль пытается даже играть понятіями «тиранніи» и «законной власти», представляя дѣло такъ, что «тираннія» была на сторонѣ правительства Михаила Пафлагона, а заговорщики стремились къ установленію «законной власти». Но тотъ же Пселль раньше въ обвинительной рѣчи, говорилъ иначе, приписывая Керуларію «вождевніе царства» (*τὴν βασιλείαν ἔρωτα* ²⁾), и послѣднее представляется болѣе сообразнымъ съ обстоятельствами дѣла и вполне согласнымъ съ показаніемъ Свиглицы и Кедрева, которые Михаила Керуларія называютъ главой или начальникомъ заговора (*ἄρχος*). Впечатлѣніе, которое получается изъ вышеприведеннаго разсказа Пселла о постриженіи Керуларія въ монашество, также въ значительной степени ослабляется тѣмъ

¹⁾ Ἐγκωμιαστικὸς εἰς τὸν μακαριώτατον πατριάρχην κύρ Μιχαὴλ τὸν Κηρουλλάριον, въ изд. Саен, т. IV, стр. 313—328.

²⁾ Bréhier, 56.

мѣстомъ въ обвинительной рѣчи, гдѣ говорится, что перемена жизни, была вынужденная (τὴν κατὰναγκασμένην τοῦ βίου μεταβολήν ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ мы должны помнить, что Керуларій чуть-чуть не сдѣлался императоромъ, и едва ли могъ тогда либо за-быть, что колесо фортуны могло тогда обернуться и въ его сторону, а сравнивая себя съ другими счастливыми, случайнымъ образомъ попадавшими на императорскій престолъ, назови этоъ же самый Михаилъ Пафлагонъ, заговоръ противъ котораго окончился неудачей, племянникъ его Михаилъ Калафатъ, Константинъ Мономахъ, Михаилъ VI Стратіотицъ, могъ, и не безъ основанія, считать себя болѣе достойнымъ императорской короны, чѣмъ названные императоры.

Керуларій былъ возвращенъ изъ ссылки, по смерти Пафлагона, при племянникѣ его Михаилѣ Калафатѣ, но оставленъ былъ вдали отъ двора: Пселлъ даже въ своемъ панегирикѣ проговорился, что Калафатъ сталъ сожалѣть о томъ, что вернулъ Керуларія изъ ссылки ²⁾. Обстоятельства рѣзко измѣнились, когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, новая революція низвергла Калафата, и императрица Зоя, состоявшая раньше въ замужествѣ съ покойными императорами Романомъ Аргиромъ и Михаиломъ IV Пафлагонемъ, вызвала изъ ссылки Константина Мономаха и вступила съ нимъ въ третій бракъ. Мономахъ былъ отправленъ въ ссылку тѣмъ же Пафлагонемъ, какъ и Керуларій, и естественно долженъ былъ смотрѣть на послѣдняго, какъ на товарища по заключеніямъ. Керуларій, еще въ качествѣ простого монаха, сдѣлался самымъ приближеннымъ и довереннымъ совѣтникомъ Константина IX Мономаха и пользовался безграничнымъ вліяніемъ на ходъ дѣлъ въ имперіи. По словамъ Пселла, императоръ, зная въ Михаилѣ человека, свѣдущаго въ божественныхъ и въ человеческихъ дѣлахъ, ввѣрилъ ему и тѣ и другія ³⁾, и не мудрено, что когда наличный патріархъ Алексій умеръ, Керуларій былъ возведенъ на патріаршую кафедру. Канцмъ образомъ совершилось избраніе Керуларія, трудно составить себѣ объ этомъ ясное представленіе. Пселлъ въ обвинительной рѣчи говоритъ, что Ке-

¹⁾ Тамъ же, 58 въ прим. 2.

²⁾ Еукш. 322.

³⁾ Еукш. 325.

руларій подкупили избирателей ¹⁾, а въ посмертномъ панегиричѣ утверждаетъ, что онъ долго отказывался отъ патриаршества и далъ согласие только благодаря настойчивымъ требованіямъ Мономаха ²⁾. Папа Левъ IX въ своихъ посланіяхъ въ Керуларію находилъ какой-то дефектъ въ его избраніи на патриаршество, обвиняя его въ несоблюденіи послѣдовательности и законныхъ промежутковъ при посвященіи (*ordinatio per saltum sine canonico intervallo*) и называя его «неофитомъ» ³⁾. Подкупать во всякомъ случаѣ едва ли была надобность при ясно выраженной волѣ императора имѣть патриархомъ Керуларія, а не кого-либо другаго. Съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что дѣло замѣщенія патриаршей кathedры велось спѣшно, вѣдь и вообще историческія событія шли быстро (въ 1040 г. имѣлъ мѣсто заговоръ Керуларія противъ Михаила Пафлагона, а въ началѣ 1043 г. Керуларій былъ уже патриархомъ), такъ что едва ли соблюдаемы были какіе-либо сроки при послѣдовательномъ посвященіи монаха Михаила въ разныя степени духовнаго сана до патриаршества включительно. Промежутокъ (около мѣсяца) между смертію патриарха Алексѣя и возведеніемъ на патриаршество Михаила, былъ самъ по себѣ, не очень продолжителенъ, и, кромѣ того, не исключено предположеніе Геррера ⁴⁾, что въ это время происходили важныя церковно-политическія переговоры между императорскимъ правительствомъ и будущимъ патриархомъ относительно назначенія императоромъ высшихъ должностныхъ лицъ по церковноимущественному управленію (см. объ этомъ ниже), въ связи съ сообщаемымъ Кедреномъ фактомъ, что послѣ умершаго Алексѣя оказалось 25 центенаріевъ золота (т.-е. 2,500 фунт. зол., около 5 милліоновъ рублей) ⁵⁾.

На первые года патриаршества Керуларія падаетъ возстаніе Льва Торакія, во время котораго самъ Мономахъ готовъ былъ

¹⁾ Bréhier, 67.

²⁾ Сѣкши. у Сааы, т. IV стр. 327.

³⁾ Migne, Patrol. lat t. CXLIII p. 764 и 771. Это выраженіе употреблено также въ грамотѣ объ отлученіи Михаила, положенной папскими легатами на престолъ Софійской церкви.

⁴⁾ Gfrörer, Byzantinische Geschichten, B. II, Graz, 1874, стр. 275.

⁵⁾ Cedren, II, 560.

потерять голову и упасть духомъ. Патриархъ поддержать въ немъ бодрость, и это обстоятельство немало должно было содѣйствовать престижу патриарха въ глазахъ и императора и народа. Въ похвальной надгробной рѣчи Пселла мы читаемъ восхваление Керуларія за такія дѣйствія, которыя, хотя бы исходили и изъ похвального мотива, все-таки даютъ намъ видѣть въ немъ человека, привыкшаго повелѣвать, не справляясь объ императорской волѣ. Когда, не смотря на обѣщаніе амнистіи бунтовщикамъ, ихъ стали предавать казнямъ, патриархъ, по словамъ Пселла, собственноручно снималъ съ висѣлицъ и освобождалъ отъ казни тѣхъ, кому угрожала неминуемая смерть ¹⁾.

Константинъ IX Мономахъ былъ, самъ по себѣ, далеко не изъ худшихъ императоровъ Византіи: онъ умѣлъ иногда быть и мужественнымъ, и до известной степени настойчивымъ, и человекомъ здраваго смысла настолько, чтобы рѣшаться на известныя политическія комбинаціи, требовавшіяся интересами имперіи. Но онъ былъ, по выраженію Рамбо, вверомъ, больше чѣмъ императоромъ. Очаровательный кавалеръ и красавецъ, вѣроятно еще при жизни Паологона имѣвшій связь съ женой его императрицей Зоей и, можетъ быть, только по мотивамъ ревности (какъ утверждаетъ Зонара ²⁾), а не въ качествѣ заговорщика отправленный Паологономъ въ ссылку, Мономахъ даже и послѣ того какъ былъ постигнутъ тяжелою болѣзнію, продолжалъ быть вверомъ и ухитрялся устраивать неслыханныя доселѣ комбинаціи: при жизни своей жены, престарѣлой императрицы Зои, на торжественныхъ выходахъ являлся вмѣстѣ съ женой и съ любовницей (Оклерей), официально утвердивъ за нею, а по смерти ея за другою любовницей (аланскою княжною) титулъ Августы (Σεβαστή) т.-е. императрицы ³⁾. Если въ отношеніяхъ императора къ Склерей могли быть извиняющія обстоятельства (императрица Зоя была шестидесятилѣтнею старухой, а Склерей, которая могла считать себя принцессой по ея родству съ императоромъ

¹⁾ Слжщ. 347.

²⁾ Ioannis Zonarae Epitomae historiarum, томъ III боннскаго изд. 1897, стр. 615.

³⁾ Тамъ же, стр. 620 и 648.

Іоанномъ Цимисхіемъ, добровольно послѣдовала за Мономахомъ въ мѣсто его заточенія и дѣлила съ нимъ горе), то для отхожденія императора къ аланкѣ такихъ извиняющихъ обстоятельствъ не было. Какъ бы то ни было, Мономахъ ввѣрилъ Коруларію, по выраженію Пселла, «дѣла божественныя и человѣческія». Поэтому неудивительно, что когда интересы вѣдшей политики заставили императора дѣйствовать самостоятельно и помимо патріарха, послѣдній выступилъ рѣшительнымъ противникомъ императорской политики и заставилъ императора признать себя побѣжденнымъ.

Внѣшнія дѣла имперіи были таковы, что нужно было зорко слѣдить за ея врагами и держать наготовѣ оружіе противъ печенѣговъ на Дунаѣ, руссовъ на Черномъ Морѣ, турокъ въ Арменіи, и кромѣ того, въ южной Италіи заявила себя еще новая грозная сила—норманны, одинаково опасные и для византійскихъ владѣній въ Италіи, и для папской области. При такомъ положеніи дѣлъ, византійскому правительству естественно было искать союзниковъ противъ норманновъ. Не только при византійскомъ дворѣ были люди, находившіе, что враждовать съ папой не входить въ интересы имперіи, но и многіе изъ италійцевъ, которыхъ ненависть къ норманнамъ заставляла прямо служить интересамъ императора, были сторонниками союза между императоромъ и папой. Таковъ былъ въ особенности италіецъ Аргиръ, въ началѣ своей политической карьеры склонявшійся къ союзу съ норманнами ¹⁾, но потомъ сдѣлавшійся горячимъ сторонникомъ и пропагандистомъ идеи союза между византійскою имперіей и папой, и, облеченный саномъ магистра и дуки, каталана, т.-е. военного и гражданскаго правителя южной Италіи, принадлежавшей византійскому императору, въ этомъ именно смыслѣ старался повліять на константинопольское правительство. Папѣ тоже интересъ минуты подсказывалъ дѣйствовать солидарно съ византійскимъ правительствомъ противъ норманновъ, хотя послѣдствія показали, что норманны оказали величайшую услугу римской церкви: завоевавъ императорскія владѣнія въ южной Италіи, норманны тѣмъ самымъ положили конецъ всякимъ притязаніямъ константинопольскаго патріарха на церковную власть въ южной

---

¹⁾ *Gfrörer*, *Byz. Gesch.* II, 242 и сл.

Италия и безповоротливо подчинили ее римской церковной власти. Но в половине XI в. нельзя было предвидеть этого результата, и папа не менее императора был чужд всякой мысли о возбужденія борьбы между старым и новым Римом на религиозной почвѣ. И если въ началѣ второй половины XI в. борьба возгорѣлась и закончилась ошочательнымъ церковнымъ разрывомъ, то не императоръ и не папа были виновниками этого разрыва, ни тому ни другому изъ нихъ не приходило въ голову вступать въ борьбу на религиозной почвѣ и вызывать тѣмъ самымъ нежелательныя политическія осложненія.

Прежде чѣмъ изложить мѣропріятія Керуларія, направленные противъ Рима, мы должны еще бросить ретроспективный взглядъ на отношенія между обоими Римами со времени патріарха Фотія, который въ своей знаменитой энцикликѣ 867 г. обвинилъ латинскую церковь въ разныхъ заблужденіяхъ, каковы: постъ въ субботу, употребленіе въ пищу на первой недѣлѣ великаго поста молока, сыра и яицъ, безбрачіе духовенства, непризнаніе миропомазанія, совершеннаго простыми священниками, и ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына.

Положеніе патріарха Фотія относительно Рима, при предъявленіи имъ своихъ обвинительныхъ пунктовъ, было оборонительное, вызванное, во-первыхъ, осужденіемъ въ Римѣ Фотія, какъ незаконно занявшаго патріаршую кафедру въ Константинополь, во-вторыхъ, дѣйствіями латинскаго духовенства въ Болгаріи. Въ Римѣ, конечно, никому не приходило тогда въ голову вводить на греческомъ востокѣ латинскую церковность, какъ она сложилась къ тому времени въ западныхъ странахъ; но Болгарію латинское духовенство считало, такъ-сказать, дѣвственною почвою, на которой можно было насаждать латинскую церковность, тѣмъ болѣе что имѣло нѣкоторыя историческія основанія включать Болгарію, какъ часть Иллірика, въ сферу власти римскаго епископа. А такъ какъ латинское духовенство призвано было болгарскимъ княземъ въ его страну послѣ того, какъ греческое духовенство начало уже насаждать въ Болгаріи свою греческую церковность, то латинскій клиръ сталъ раздѣлывать, такъ-сказать, то, что было уже сдѣлано греческимъ клиромъ (по крайней мѣрѣ отчасти, потому что о всецѣломъ обращеніи страны въ христіанство тогда

еще не могло быть и рѣчи); не признавать муропомазанія, совершеннаго простыми священниками, и слѣдовательно вновь муропомазывать, внушать презрѣніе къ женатому духовенству и требовать, чтобы соблюдалось нѣчто такое, чему греческое духовенство не учило. Самое правильное было бы, конечно, — разъ обнаружился въ восточномъ свѣтѣ не замѣчавшіяся раньше церковныя разности восточна и запада — путемъ мирныхъ сношеній и совмѣстныхъ обсужденій выяснить, что на которой сторонѣ правильно и что неправильно, или, можетъ быть, обѣ стороны могутъ bona fide оставаться при своей, вѣками складывавшейся, церковности. Къ несчастію, церковная исторія еще и теперь едва ли доросла до мирнаго и спокойнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ (а о среднихъ вѣкахъ и говорить нечего): спорные церковные вопросы всегда осложнялись соображеніями политическими и человѣческими страстями. Повторимъ все-таки еще разъ, что хотя нападеніе на греческую церковность сдѣлано было не оффиціально со стороны римскаго церковнаго правительства, а со стороны латинскаго духовенства, дѣйствовавшаго въ мѣстныхъ предѣлахъ Болгаріи, и хотя первый историческій примѣръ осужденія обрядовъ имѣлъ мѣсто не на западѣ, а на востокѣ (трульская соборъ 692 г.), энциклика патріарха Фотія, въ обстоятельствахъ даннаго времени, имѣла характеръ оборонительный, и притомъ, въ числѣ другихъ пунктовъ, выдвигала важный догматическій вопросъ объ исхожденіи Св. Духа. Когда на соборѣ 879 г. Фотій былъ признанъ со стороны Рима въ качествѣ законнаго патріарха, то и самъ онъ забылъ на время о своихъ обвиненіяхъ, а когда онъ былъ окончательно низложенъ, то и весь православный востокъ, съ императорскимъ правительствомъ во главѣ, также забылъ про эти обвиненія, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы не прерывать церковнаго общенія съ западомъ. Императоръ Левъ Мудрый въ своемъ словѣ, обращенномъ къ народу константинопольскому, возстаетъ противъ латинскаго Filioque, повторяя доводы низложеннаго имъ Фотія ¹⁾, но тотъ же самый Левъ Мудрый поддерживаетъ съ Римомъ наилучшія отношенія и жаждетъ, чтобы въ Римѣ признали его брата Стефана патріаркомъ, вмѣсто низложеннаго Фотія, а также при-

---

¹⁾ *Migne, Patrol. gr. t. CVII, λόγος ιγ'.*

знали законнымъ четвертый бракъ императора. Тоже было при Романѣ Лекапентѣ, желавшемъ, чтобы сынъ его Θεοφιладъ былъ признанъ патриархомъ, а затѣмъ, чтобы Римъ подтвердилъ воспрещеніе четвертаго брака, въ противность тому, что раньше было опредѣлено, при жизни Льва Мудраго, на соборѣ 906 г. Прибывшіе по приглашенію Романа Лекапена въ Константинополь, римскіе легаты и византійская церковная іерархія ознаменовали даже взаимное общеніе совместнымъ совершеніемъ Евхаристіи. Всего замѣчательнѣе то, что патриархъ Николай Мистикъ, низложенный Львомъ за непризнаніе его четвертаго брака и не встрѣтившій никакой поддержки въ римскихъ легатахъ, которые одобрили его низложеніе, не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки возбудить религиозную полемику съ Римомъ. Что фактъ существованія западной имперіи былъ въ высшей степени непріятель въ Константинополь, и что по этой причинѣ могли прорываться крайне непріязненныя чувства по отношенію къ западу вообще, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но о церковномъ разрывѣ серьезно не думали ни на западѣ, ни на востокѣ, хотя мысль о такомъ разрывѣ иногда проявлялась съ восточной стороны. Въ отчетѣ Луитпранда кременскаго рассказывается, что Никифоръ Фока (963—969) униженнымъ образомъ третировалъ посольство западнаго императора, что Оттону I-му отказывалось въ титулѣ Августа Римлянъ и признавался за нимъ лишь титулъ короля (ρῆξ), что въ Византіи требовали очищенія Италіи и Рима германцами и возстановленія тамъ власти восточнаго императора. Но что касается религиозныхъ вопросовъ, Никифоръ ограничился ироніей надъ «саксонскимъ соборомъ, который въ кодексахъ греческихъ не значится, какъ грубый и варварскій, и никогда не вѣдетъ въ нихъ», и, кромѣ того, воспретилъ въ Апуліи и Калабріи употребленіе латинскаго обряда, предписавъ совершать богослуженіе по греческому обряду. Въ тоже время Луитпрандъ представляетъ себѣ церковное общеніе между востокомъ и западомъ настолько несомнѣннымъ и не требующимъ разъясненій фактомъ, что предлагаетъ созваніе собора для суда надъ константинопольскимъ патриархомъ, позволяющимъ себѣ носить pallium безъ дозволенія папы ¹⁾. При Іоаннѣ Цимисхѣ (969—976) отношенія

¹⁾ *Luitprandi legatio ad Nicephorum Phocam imperatorem Constantinopoli-*

между имперіями улучшились настолько, что состоялся тотъ самый брачный союзъ между германскимъ императорскимъ принцемъ (Оттономъ II) и византійскою принцессою Теофанѣ (сестрою малолѣтнихъ императоровъ Василія II и Константина VIII),—для переговоровъ о которомъ являлся въ Константинополь Луитпрандъ, и о которомъ не хотѣлъ слышать Никифоръ Фока. Затѣмъ случай изъ царствованія Цимасхія, о которомъ кратко говорится у Зонары ¹⁾ и подробности у Льва діакона ²⁾, изложеніе патріарха константинопольскаго Василія (Скамандрина), отказавшагося явиться на судъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его можетъ судить только вселенскій соборъ (т. е. съ участіемъ папы), по весьма правдоподобному разъясненію Грѣрера ³⁾ и Шлюмберже ⁴⁾, свидѣтельствуеъ, конечно, о противоположности византійской политики въ римскихъ дѣлахъ политикѣ германской и о томъ, что Византія охотно поддерживала ту римскую партію (Кресценціевъ), которая ненавидѣла германское владычество надъ Римомъ и надъ римскимъ престоломъ, а равно поддерживала и выдвигаемыхъ Кресценціями папъ. Но этотъ же случай свидѣтельствуеъ вмѣстѣ и о томъ, что церковное общеніе между Римомъ и Константинополемъ продолжалось. Случай, о которомъ говорятъ названные византійскіе историки, состоялъ въ томъ, что римлянинъ Бонифацій, занявшій римскій престолъ съ помощію Кресценція и черезъ мѣсяць вынужденный бѣжать изъ Рима, нашелъ себѣ убѣжище въ Константинополь, а выдвинутый противною партією (тускуланскою), при германской поддержкѣ, Бенедиктъ VII произнесъ проклятіе бѣжавшему Бонифацію. По разъясненію Грѣрера и Шлюмберже, столкновеніе въ Константинополь между царемъ и патріархомъ, закончившееся изложеніемъ этого послѣдняго, было

---

tanum pro Ottonibus Augustis въ Corp. script. hist. byz. p. XI по боннек. изд. стр. 344, 350—352, 370.

¹⁾ III, 536.

²⁾ Corpus script. hist. byz. p. XI, 163.

³⁾ Byz. Gesch. II, 552 и сл. Подробности въ V томѣ сочиненія того же Грѣрера: Pabst Gregorius VII und sein Zeitalter, Schaffhausen, 1860, стр. 473 и сл., 554 и сл.

⁴⁾ Schlumberger, L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle, Paris, 1896, стр. 263, 270 и сл.

вызвано тѣмъ, что Василій Сканандринъ, въ противность видамъ императорской политики не желалъ признавать законнымъ ппной бѣжавшаго въ Константинополь Бонифація, признавая таковымъ Бенедикта VII, который осмѣлился послать проклятіе византійскому протезе. Подобный же случай поддержки Византією антипапы имѣлъ мѣсто при Василіѣ II Болгароктоуъ, послѣ того какъ послѣдній, по смерти Цимисхіа, какъ совершеннолѣтній, вступилъ въ управление имперіей. Василій II (976—1025) привлекъ на свою сторону и въ качествѣ антипапы выставилъ природнаго италійскаго грека Іоанна Филагатоса, епископа пьаченцскаго, любимца германской императрицы Теофанѣ (сестры Василія II), который былъ отправленъ въ Константинополь въ качествѣ посла отъ сына Теофанѣ, германскаго императора Оттона III ¹⁾. На этотъ разъ трагическая судьба византійскаго протезе, съ которымъ жестоко расправилась германская партія, какъ скоро онъ попался въ ея руки, вызвала такое раздраженіе въ Константинополѣ, что тамъ, повидимому, вспомнили о религіозной борьбѣ, поднятой въ началѣ второй половины IX в. патриархомъ Фотіемъ. О патриархѣ константинопольскомъ Сисиніѣ конца X в. рассказываетъ, что онъ публиковалъ снова и подъ своимъ именемъ энциклику патриарха Фотія противъ латинянъ. Гергенретеръ ²⁾ справедливо говоритъ, что если этотъ фактъ и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ мѣсто (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ энциклики носятъ имя Сисинія), то никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій онъ не имѣлъ, тѣмъ болѣе что Сисиній патриаршествовалъ всего три года (996—999). Достоверно извѣстно, что въ самомъ началѣ XI столѣтія церковное общеніе между Римомъ и Константинополемъ существовало, но затѣмъ дальнѣйшая исторія первой половины этого столѣтія остается до сихъ поръ неясною. Въ разныхъ греческихъ полемиическихъ статьяхъ противъ латинянъ, о которыхъ ведется рѣчь ниже, время патриаршества Сергія (999—1019) представляется даже тѣмъ самымъ рѣшительнымъ моментомъ, когда совершилось раздѣленіе церкви. Между тѣмъ, и вообще

---

¹⁾ См. *Gfrörer*, *Pabst Gregorius VII*, B. V, 547, 555 и сл. 591, 642—649. *Его же*, *Byzant. Geschichten*, III, 100.

²⁾ *Photius*, III, 727.

эти статьи представляют собою довольно недоброкачественный исторический материал, и мало согласуются съ известными намъ фактами. Въ пользу показаній полемическихъ статей, говорить, конечно, то обстоятельство, что включеніе латинянами *Filioque* въ символъ вѣры, которое въ полемическихъ статьяхъ считается существенною, почти единственною причиною раздѣленія, дѣйствительно должно быть относимо ко времени патриаршествованія Сергія ¹⁾. Но на самомъ востокѣ установленіе этого взгляда на *Filioque*, какъ на существенную причину раздѣленія церкви принадлежитъ не началу XI в., а позднѣйшему времени. Во всякомъ случаѣ, въ первые годы XI в., и вмѣстѣ въ первые годы патриаршествованія Сергія существовало общеніе между церквами. Въ итальянскихъ источникахъ сохранилась эпитафія папы Іоанна XVIII († 1009), въ которой онъ восхваляется за то, что, по устраненіи раскола съ греками, онъ восстановилъ миръ въ церкви ²⁾. Патриархъ Петръ Антиохійскій въ своей перепискѣ съ Михаиломъ Керуларіемъ, падающей на 1054—1055 гг. (объ этой перепискѣ будетъ сказано ниже), говоритъ, что онъ, сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, собственными глазами видѣлъ имя римскаго папы въ константинопольскихъ диптихахъ. Политическія отношенія между Римомъ и Константинополемъ въ первое десятилѣтіе XI в. рѣшительно не могли подать повода къ разрыву. За это время домъ Оттоновъ угасъ, Германію постигло политическое крушеніе, въ Римѣ господствовали (1003—1012 гг.) Кресценцій, тнувшій въ сторону Василія II противъ германцевъ и распорядившійся замѣщеніемъ римскаго престола. Что въ послѣдующее десятилѣтіе могъ произойти разрывъ, не невѣроятно, и напримеръ Герреръ даже рѣшительно убѣждаетъ въ этомъ ³⁾. Около половины 1012 г. тускуланская партія завладѣла властію въ Римѣ, и глава тускуланской фамиліи, въ лицѣ папы Бенедикта VIII, вошелъ въ соглашеніе съ германскимъ королемъ Генрихомъ II и даже возложилъ на него императорскую корону въ 1014 г., а чтобы защитить себя отъ

¹⁾ *Hergenröther*, III, 729.

²⁾ Тамъ же, стр. 728. *Gfrörer*, *Byz. Gesch.* III, 107. При этомъ могъ имѣться въ виду расколъ, произведенный публикаціей энциклики Фотія патриархомъ Сисивіемъ, если таковая публикація дѣйствительно имѣла мѣсто.

³⁾ *Gfrörer*, о. с. 107.

мести Васидія II, призвалъ въ Апулію норманновъ¹⁾, которые затѣмъ и самому папству доставили не мало хлопотъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при такихъ обстоятельствахъ, имя папы было вычеркнуто изъ константинопольскихъ диптиховъ, и напротивъ довольно невѣроятно предположеніе Брейе²⁾, что имя папы поминалось въ Константинополѣ вплоть до патріарха Михаила Керуларія, который, по мнѣнію названнаго ученаго, свои наступательные шаги противъ Рима началъ именно съ того, что втихомолку, безъ шума и безъ огласки, вычеркнулъ изъ диптиховъ имя папы. Замѣтимъ, что Керуларій въ посланіи къ Петру антиохійскому увѣрялъ этого послѣдняго, какъ мы увидимъ ниже, будто бы уже со времени шестого вселенскаго собора имени папы не было въ церковныхъ диптихахъ. Допустить, что одно и то же лицо могло собственноручно вычеркнуть имя папы и увѣрять, что имени его не было въ церковныхъ диптихахъ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не рѣшается даже самъ Геререръ, при всей его ненависти и къ Керуларію, и къ грекамъ вообще, хотя приписка неизвѣстнаго греческаго монаха XII в. на полѣ хроники Кедрена подъ 1044 г. указываетъ дѣйствительно на Керуларія, какъ на виновника исключенія папы изъ греческихъ диптиховъ. Въ припискѣ говорится: «Новый патріархъ (Михаилъ Керуларій), тотчасъ послѣ своего возведенія на кафедру, вычеркнулъ имя папы изъ диптиховъ константинопольской церкви, и это онъ сдѣлалъ подлѣ предлога спора объ оірѣснокахъ. На сторонѣ Михаила стояли Петръ, патріархъ антиохійскій, Левъ, архіепископъ болгарскій, и всѣ знатнѣйшія лица церкви. Также и съ тогдашнимъ настоятелемъ Студійскаго монастыря (извѣстнаго своимъ традиціоннымъ тяготѣніемъ къ Риму со времени знаменитаго Феодора Студита) Мерментуломъ, онъ вступилъ въ распрю, вычеркнувъ имя Св. Феодора Студита изъ числа тѣхъ, которые провозглашаются въ церковныхъ молитвахъ. Однако, настоятель Мерментуль этого дѣла не оставилъ, а обратился къ императору съ жалобой и т. д., — результатъ жалобы былъ таковъ, что имя Феодора громко про-

¹⁾ *Gfrörer*, III, 108.

²⁾ *Bréhier*, 92.

возглашено было самим же патриархомъ при богослуженіи ¹⁾. Составитель записки, относящей къ 1044 г. возбужденіе спора объ опрѣсновахъ и переписку съ Петромъ антиохійскимъ, въ исторіи очевидно не силеиъ, и придавать вѣсь сообщаемому имъ свидѣнію рискованно.

Не получается также рѣшительнаго вывода изъ сообщаемаго западными писателями факта переговоровъ, происходившихъ въ 1024 г. между Константинополемъ и Римомъ при преемникѣ патриарха Сергія Евстаѣя. По свидѣтельству Родульфа Глабера ²⁾, константинопольскій патриархъ съ императоромъ, желая, чтобы римскій епископъ призналъ константинопольскую церковь такою же вселенскою въ ея кругу, какъ римская называется вселенскою въ цѣломъ мірѣ, отправили съ этою цѣлью въ Римъ посольство съ богатыми подарками какъ самому папѣ, такъ и прочимъ, которые могли благоприятствовать исполненію византійскихъ желаній. Буквальный смыслъ этого извѣстія даетъ мѣсто разнымъ толкованіямъ: можно толковать его такъ, что въ Константинополѣ желали признанія патриарха вселенскимъ въ кругу восточной имперіи, не отрицая въ тоже время высшаго авторитета папы для цѣлой церкви; въ томъ числѣ и для восточной имперіи ³⁾, но можно толковать и въ смыслъ полнаго равенства обоимъ епископовъ; съ устраненіемъ всякаго авторитета папы надъ восточнымъ кругомъ. Въ послѣднемъ смыслѣ понято было византійское желаніе на западѣ въ то время, послѣдній смыслъ оно и на самомъ дѣлѣ должно было имѣть: Анастасія бібліотекаря, по его словамъ, греки увѣряли, что, называя константинопольскаго патриарха вселенскимъ (*ἁποστολικός*), они подѣ вселенною разумѣ-

¹⁾ *Gfrörer*, *Vizant. Gesch.*, III, 563. Почему г. Свободановичъ (Христ. Чт. 1884, II, 732) приписываетъ это историческое извѣстіе куріалату Иоанну Скилицѣ, неизвѣстно.

²⁾ *Glaber Rodulf*, *Hist.*, IV, 1, (въ латин. патролог. Миня, t. CXLII p. 671): „Constantinopolitanus praesul cum suo principe Basilio aliisque nonnullis consilium iniere, quatenus cum consensu Rom. Pontificis liceret Constantinopolitanam Ecclesiam in suo orbe, sicut Romanam in universo, universalem dici et haberi. Qui statim miserant, qui differrent multa et diversa donorum xenia Romam tam Pontifici, quam ceteris, quos suae parti favere conspicerent.“

³⁾ См. *Pichler*, *Geschichte der kirchlich. Trennung zwischen dem Orient und Occident*, B. I, München, 1864, стр. 211, и ср. *Hergenröther*, III, 730, прим. 119.

ють не весь міръ, а часть вселенной ¹⁾, именно воздѣланную, культурную, обитаемую, цивилизованную часть, которой противопоставался, слѣдовательно, міръ некультурный, варварскій, такъ что въ этомъ самомъ, повидимому скромномъ, ограниченіи скрывалась мысль о превосходствѣ греко-римской вселенной надъ всѣмъ остальнымъ міромъ и о невозможности подчиненія восточнаго вселенскаго патріарха западному. Если напр. византійскій историкъ о патріархѣ Игнатіѣ выразился, что, при возведеніи его на патріаршій престолъ, ему ввѣряются бразды управления вселенной ²⁾, то другой византіецъ, Прокопій кесарійскій на соборѣ 879 г. соотвѣтственную мысль выразилъ слѣдующими словами: патріархъ получаетъ попечительный надзоръ надъ всѣмъ міромъ во образъ Архипастыря Христа Бога нашего (τοῦτον ἔπρεπεν ἐπὶ ἀληθείας εἶναι τὸν τοῦ σὺμπαντος κόσμου τὴν ἐπίστασιν λαχόντα εἰς τύπον τοῦ ἀρχιεπίσκοπος Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν) ³⁾. Герёереръ ⁴⁾ удовлетворительно выясняетъ положеніе дѣлъ въ Римѣ, при которомъ константинопольское правительство могло сдѣлать подобный шагъ, какъ вступленіе въ переговоры по означенному вопросу. По смерти Бенедикта VIII (тускуланца), въ Римѣ поставили папой, не спрашиваясь императора Генриха III, родного брата умершаго папы Романа, подъ именемъ Іоанна XIX, вслѣдствіе чего предвидѣлся неизбежный разрывъ между новымъ папой и германскимъ правительствомъ, которое при Генрихѣ III больше, чѣмъ когда-либо, стремилось взять въ свои руки замѣщеніе римскаго престола. Византійское же правительство ни болѣе, ни менѣе, какъ воспользовалось этимъ благопріятнымъ случаемъ, для того чтобы привлечь Іоанна XIX (хотя и тускуланца) на свою сторону. Затруднительное положеніе, въ которомъ находился Іоаннъ XIX, дѣйствительно заставило его пойти на встрѣчу византійскому предложенію: онъ нуждался и въ деньгахъ, и еще болѣе въ византійской поддержкѣ. Итакъ, подарки онъ взялъ и сталъ изыски-

¹⁾ *Migne, Patrol. latina, t. CXXIX, c. 195. sqq.*

²⁾ *Theophanes Continuatus, по болонск. изд. 1838 г. стр. 193.*

³⁾ *Mansi, Concilior. collectio amplissima, XVII, См. 7-е зазданіе стр. 519 и сл.*

⁴⁾ *Byzant. Gesch. III, 109.*

вать способы къ удовлетворенію желанія грековъ безъ шума и безъ огласки, но это okazaлось невозможнымъ: слухи о предложенной комбинаціи огласились вскорѣ по Итали и по всему западу и вызвали негодованіе. По словѣмъ Глабера и другаго, подтверждающаго его слова, западнаго писателя, Гугона, настоятеля аббатства Флавинья ¹⁾, въ Римъ полетѣли укоризненные посланія изъ Ключни и изъ другихъ мѣстъ, а нѣкоторые даже лично приходили въ Римъ вразумлять папу. Западная точка зрѣнія на данный вопросъ съ особенною отчетливостію выразилась въ посланіи къ папѣ одного аббата, разсуждавшаго, что если власть политическая, нѣкогда единая въ римской имперіи, въ данное время оказывается раздѣленною между безчисленными скипетрами, то власть вяжущая и разрѣшающая всегда должна принадлежать папѣ, и приглашавшаго папу одуматься и слѣдовать законамъ и дисциплинѣ церкви, какъ приличествуетъ вселенскому предстоятелю. Этотъ взрывъ негодованія напугалъ папу, и византійское посольство должно было отправиться въ обратный путь, не получивъ желаемаго.

Трудно предположить, чтобы подобные переговоры могли вестись съ папой, который считался бы состоящимъ внѣ общенія съ восточною церковью, и тѣмъ самымъ слѣдовательно подвергается сомнѣнію и фактъ разрыва въ предшествующее Евстафію патриаршество Сергія. А съ другой стороны, раздраженіе, которое естественно должны были почувствовать въ Константинополѣ, въ виду неудачнаго результата переговоровъ, само по себѣ могло быть достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы вычеркнуть имя папы изъ церковныхъ диптиховъ, такъ что Михаилу Керуларію не было надобности самому совершать этотъ актъ.

Византійскіе историки не обмолвились ни однимъ словомъ о переговорахъ 1024 г., но это не можетъ служить основаніемъ подозрѣвать въ невѣрности показанія западныхъ писателей. Византійскіе историки, какъ мы сейчасъ увидимъ, не говорятъ даже и объ обстоятельствахъ раздѣленія церкви при Михаилѣ Керуларіѣ. Ни Іоаннъ Скилица, ни Михаилъ Аталпоть, ни Кедрень, ни Зонара, ни даже Пселль въ его официальной, такъ-сказать,

---

¹⁾ См. *Pertz*, Monumenta Germaniae historica, Scriptor. t. VIII, p. 392.

исторіи ¹⁾) ни слова не говорятъ о столбовеніи Михаила Керуларія съ Римомъ, потому ли: что они не придавали событіямъ 1054 г. той важности, которая выяснилась лишь въ дальнѣйшей исторіи церкви ²⁾), или потому, какъ говорятъ другіе, что фактически восточная и западная церкви уже раньше были раздѣлены, такъ что событія 1054 г. по этой причинѣ считались неважными ³⁾). Только въ своей похвальной надгробной рѣчи въ честь Керуларія, гдѣ оратору нужно было изыскать все, что могло быть сказано для прославленія его героя, Пселль, восхваляя его ревность о вѣрѣ, говоритъ, что старый Римъ вбунтовался противъ новаго и не въ чемъ-либо иномъ, чему можно бы было не придавать важнаго значенія, а въ самомъ первомъ словѣ благочестія въ богословіи о Св. Троицѣ, развивая дальше нечестіе Арія и Евномія. Для другихъ, замѣчаетъ Пселль, это не назалось ужаснымъ, но поборнику благочестія и ревностному за слово Волюе борцу это было нестерпимо. Патриархъ вразумлялъ, писалъ посланія, убѣждалъ; приводилъ доказательства изъ Писанія; составлялъ силлогизмы, прибѣгалъ ко всякимъ способамъ и мыслямъ; но такъ какъ вразумляемые оказались дерзкими и безстыдными, то безстыдству нечестія восхваляемый патриархъ противопоставилъ акривію благочестія. Римскіе легаты, по словамъ Пселла, сразу же потерпѣли поражение отъ великаго нашего вождя и рѣшились бѣжать; повергнутые въ стыдъ, они не рѣшились явиться на собраніе и попасться въ руки (*συμίζαι μὲν αὐτῆς καὶ εἰς χεῖρας ἔλθεῖν οὐκ ἐτόλμησαν*), и держась вдали отъ нашего общества, пустили въ насъ нѣкоторыя стрѣлы словъ, которыя обратились противъ нихъ же. Патриархъ, какъ скоро узналъ про эти слова; или, лучше сказать, про эти засады, отлучилъ нечестивцевъ отъ церкви и подвергъ страшному проклятію ⁴⁾). Риторическое упражненіе

¹⁾ „Столбѣіе византійской исторіи“ (*Ἐκονταετήρις βυζαντινῆς ἱστορίας*) у Саенъ въ IV томѣ.

²⁾ *Brehier*, введ. XVII. Мнѣніе это нужно признать болѣе вѣрнымъ, въ виду многочисленныхъ историческихъ свидѣтельствъ о фактическомъ общеніи между восточнымъ и западнымъ христіанствомъ до половины XI в. См. *Brehier*, стр. 1 и сл.

³⁾ *Zeitschr. f. wissensch. Theologie* 32 Jahrg. стр. 324.

⁴⁾ *Μεσαιωνικῆ βιβλιοθήκη*. IV, 348—349.

Иселла несомненно содержит въ себѣ историческія черты, какъ составленное въ виду дѣйствительно случившихся фактовъ, и въ тоже время мало согласуется съ дѣйствительною исторіею, которая будетъ изображена ниже, начиная съ того, что не учение о св. Духѣ послушило поводомъ къ разрыву. Иселла, какъ болѣе ученый и образованный, сравнительно съ его современниками, писавшій притомъ же свое похвальное слово заднимъ числомъ, когда было уже возможно бросить извѣстный ретроспективный взглядъ на событія предшествующаго времени, выдвинулъ именно ту изъ латинскихъ равностей, которая имѣла важнѣйшее, догматическое значеніе, чего Керуларіемъ не было сдѣлано. Въ этомъ отношеніи на общей съ Иселломъ почвѣ стоятъ тѣ quasi—историческія, по-слѣдовательно повѣнныя статьи, которыя имѣли цѣлью установить, съ какого времени и какимъ образомъ латиняне отдѣлились отъ истинной церкви; и при такихъ дѣятеляхъ совершилось это раздѣленіе. Таковы три статьи, изданныя Гергенрѣтеромъ¹⁾, въ которыхъ былъ обыкновенно перемѣшивается съ неблизкой, и событіямъ 1054 г. не усвоится того значенія, которое они въ дѣйствительности имѣли, но цѣль ихъ тяжести въ церковномъ раздѣленіи поставляется въ ученіи о св. Духѣ²⁾, причемъ, впрочемъ,

---

¹⁾ *Hergenröther, Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia quae ex variis manuscriptis, Ratisbonae, 1869, стр. 154 и сл.* Эти статьи нужно отличать отъ чисто полемическихъ сочиненій, какова, напримеръ, статья о фразѣхъ и о прочихъ латинянахъ, занесенная и въ нашу кормчую книгу, въ которой не исторія раздѣленія излагается, а перечисляются лишь по пунктамъ заблужденія латинянъ.

²⁾ Иной характеръ имѣютъ и иное впечатлѣніе производятъ статьи, имѣющія цѣлью историческое обозрѣніе случаевъ разрыва между востокомъ и западомъ, или собственно одна статья, получившая различныя редакціи, доводившая случаи разрыва то до Фотія, то до Сергія, то до Керуларія, и носившая въ рукописяхъ, то имя Фотія (см. у Павлова, Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб. 1878, прил. II на стр. 132 и сл.), то Никиты (см. у Миня, *Patrol gr. t. OXX. c. 713* и сл.). Въ этой статьѣ исторически вѣрно исключаются случаи церковнаго разрыва до Фотія, съ тѣмъ лишь дефектомъ, что рядъ этихъ случаевъ начать почему-то съ царствованія Градіана, а не съ царствованія Констанція, какъ бы следовало. Темъ какъ виновниками во всѣхъ случаяхъ разрыва, бывшихъ до Фотія, представляются греки, а не латиняне, (что въ дѣйствительности и было), то статьи

упоминается и объ опрѣсновахъ и о постѣ въ субботу. Распространителями ложнаго ученія въ Итали представляются франки, прибывшіе въ Римъ въ святѣ короля Карла, котораго папа Левъ III призвалъ для защиты его отъ родственниковъ умершаго папы Адриана, и котораго онъ вѣнчалъ императорскою короною. Лжеученіе быстро распространялось по Итали, но папы стойко противились ему, такъ что всѣ римскіе епископы вплоть до Формоза представляются ревнителями православнаго ученія о св. Духѣ, въ томъ числѣ и Николай I и Іоаннъ VIII. Послѣдній представляется дѣйствующимъ солидарно съ Фотіемъ на константинопольскомъ соборѣ въ укрѣпленіи истиннаго ученія о Св. Духѣ, а Фотій представляется писавшимъ свои каноническія посланія къ распространителямъ лжеученія въ Болгарію, изгнаннымъ папой Іоанномъ VIII изъ Итали. Да и о самомъ Формозѣ съ его ближайшими преемниками говорится, что они все еще держались лжеученія въ тайнѣ, не рѣшаясь высказать его открыто. Первые, кто открыто провозгласили лжеученіе, были папы Христофоръ и Сергій (въ разсматриваемыхъ статьяхъ называется имя то одного изъ нихъ, то другого, то обоихъ вмѣстѣ) и были за то исключены изъ церковныхъ диптиховъ патриархомъ константинопольскимъ Сергіемъ. Собственно этотъ моментъ и считается рѣшительнымъ въ раздѣленіи церквей. Въ одной изъ статей упоминается объ анаематствованіи латинянъ Михаиломъ Керуларіемъ, въ другой о томъ, что къ одному изъ преемниковъ папы Сергія Льву (очевидно Льву IX-му) императоръ Константинъ Мономахъ и тогдашній патриархъ Михаилъ Керуларій отправили пословъ, желая знать, намѣрены ли папы оставить свои заблужденія, но послы, подвергшіеся безчестію отъ Итала Аргира, вернулись ни съ чѣмъ. Слѣдовательно то, что происходило при Керуларіѣ, представляется попыткою соединить то, что уже раньше отдѣлилось.

должна была производить на подлѣйшихъ грековъ странное впечатлѣніе. Поэтому немудрено, что въ московской синодальной рукописи № 207, по словамъ проф. Павлова, посланной въ Москву іерусалимскимъ патриархомъ Досиеемъ (въ концѣ XVII в.), трактатъ о схизмахъ (съ именемъ Фотія) перечеркнутъ и снизу написано, кажется, рукою самого Досиея: „καπιστικόν“. (Бритич. Опыты, стр. 66, прим. 1).

Винovníкомъ ученія объ опрѣснокахъ и субботнемъ постѣ въ концѣ первой статьи представляется король «вандаловъ», т. е. нѣмецъ», который будто бы научилъ италовъ этой практикѣ, а въ началѣ третьей статьи внесенію джеученія въ Италію свитою короля Карла предпосылаются историческія свѣдѣнія о виновникѣ распространенія ереси въ землѣ самихъ франковъ. Въ качествѣ такового называется Левкій¹⁾. Любопытно еще, что въ припискѣ къ этой статьѣ, по одной изъ рукописей, читается замѣчаніе, будто исключеніе папы изъ диптиховъ состоялось при Михаилѣ Керуларіѣ за то, что папа не позволялъ Керуларію носить пурпурныя туфли, считая ношеніе ихъ своей исключительною прерогативой²⁾. Но за этой припиской сейчасъ же слѣдуетъ другая, въ которой опровергается какъ то, что Михаилъ носилъ красныя туфли, такъ и то, что онъ впервые вычеркнулъ римскихъ первосвященниковъ изъ диптиховъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждается, что патриархъ Фотій не возставалъ противъ римской церкви.

---

¹⁾ Левкій упоминается въ декретѣ папы Геласія de libris recipiendis 495 или 496 г., какъ „сынъ сатаны“, подъ именемъ котораго ходили разныя апокрифическія книги (см. *Langen*, Geschichte der römischen Kirche von Leo I bis Nicolaus I. Bonn, 1885, стр. 197). Въ приписаніи римскихъ разностей еретикамъ, отвергнутымъ самою же римскою церковью, сказалась та же полемическая черта, которою объясняется появленіе въ полемической литературѣ имени знаменитаго легендарнаго папы „Петра Гугниваго“, облюбованнаго въ особенности въ старинной славянской письменности. Въ эпоху борьбы съ восточными монофизитами, папа Феликсъ, осудивъ вожака египетскихъ монофизитовъ, Петра Монга (Μόγγος—гугнивий, косноязычный), предложилъ императору Анастасію на выборъ, состоятъ ли въ общеніи съ апостоломъ Петромъ, или съ Петромъ Монгомъ (*Langen*, *ibid.* 145). Позднѣйшій греческій полемистъ нахѣренно приписалъ римскія разности этому самому Петру Монгу, чтобы сдѣлать тѣмъ болѣе острымъ свое полемическое оружіе. Поэтому нѣтъ надобности видѣть въ „Петрѣ Гугнивомъ“ старинной письменности отвлеченное противоположеніе апостолу Петру (а не реальную личность), „олицетвореніе, вымышленное съ тою цѣлю, чтобы въ немъ объединить всѣ отступленія и ереси, къ которымъ уклонялись латыняне, по отдѣленіи отъ восточной церкви“ (см. *Поповъ*, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латынъ, Москва, 1875, стр. 21). Можно сказать навѣрное, что подобное отвлеченное умозрѣніе было совершенно чуждо первоначальному изобрѣтателю имени папы Петра Гугниваго.

²⁾ *Hergenröther*, Monumenta, стр. 181 въ примѣч.

Если бы не сохранилось подлинной корреспонденции между лицами, действовавшими в 1054 г., и некоторых других исторических документов, относящихся къ этому же времени, то, на основаніи приведеннаго quasi—историческаго матеріала, было бы невозможно представить ходъ историческихъ событій въ эпоху окончательнаго раздѣленія церквей. Корреспонденція и другіе документы изданы Мяннемъ въ СХХ томѣ греческой патрологіи и въ СХLІІІ т. латинской, кромѣ того Корнелиемъ Виллемъ въ специальномъ изданіи съ учеными Prolegomena ¹⁾. Матеріалъ, вошедшій въ изданіе Виллі, составляютъ:

1) Посланіе архіепископа Льва охридскаго къ Иоанну, епископу г. Трапизъ (Трапизъ) въ южной Италіи; 2) посланіе папы Льва ІХ къ Михаилу Керуларію; 3) посланіе его же къ императору Константину Мономаху; 4) другое посланіе его же къ Михаилу Керуларію; 5) сочиненный кардиналомъ Гумбертомъ диалогъ между римляниномъ (Romanus) и грекомъ (Constantinopolitanus); 6) полемическій трактатъ студійскаго монаха Никиты Стратата или Пектората; 7) отвѣтъ кардинала Гумберта Никитѣ; 8) отчетъ Гумберта о дѣйствіяхъ римскаго посольства въ Константинополь; 9) формула отлученія, въ видѣ грамоты, положенной легатами на главномъ престолѣ Софійской церкви; 10) другое отлученіе, провозглашенное легатами устно въ присутствіи императора и сановниковъ; 11) такъ называемый синодальный эдиктъ, т. е. опредѣленіе константинопольскаго синода противъ легатовъ, съ приложеніемъ посланія императора къ патриарху; 12) посланіе Льва ІХ къ патриарху Петру антиохійскому; 13) посланіе Керуларія къ тому же Петру; 14) другое посланіе Керуларія къ нему же; 15) посланіе Петра антиохійскаго къ Керуларію; 16) посланіе Доминика, епископа градо-венеціанскаго (титоловавшася также патриархомъ аввильскимъ) къ Петру антиохійскому; 17) посланіе Петра къ Доминику; 18 и 19) два документа изъ позднѣйшаго времени, между прочимъ рѣчь Теофиланта болгарскаго. Хроно-

¹⁾ Acta et scripta quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita. ex probatissimis libris emendatiora edidit, diversitatem lectionis enotavit, annotationibus instruxit D-r Cornelius Wilm, Lipsiae et Marpurgi, MDCCCLXI.

логическій порядокъ, въ которомъ появлялись въ свое время документы, означенные подъ №№ 1—17, и смыслъ ихъ выясняется изъ дальнѣйшаго изложенія.

Г Л А В А II.

Разрывъ востока съ западомъ при патриархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.

Цѣль сомнѣнія, что патриархъ обдумалъ заранѣе планъ своихъ дѣйствій противъ Рима, прежде чѣмъ сдѣлать рѣшительные шаги. За несомнѣнное нужно также принять, что поводомъ къ составленію этого плана послужило долгое пребываніе (съ 1046 г.) въ Константинополѣ италя Аргира, который усердно дѣйствовалъ въ пользу заключенія союза между императоромъ и папою противъ норманновъ. За время своего пребыванія въ столицѣ, Аргиръ, по словамъ самого Керуларія въ его первомъ посланіи къ Петру антиохійскому, былъ трижды или четырежды отлучаемъ отъ причащенія изъ-за опрѣсноковъ, т.-е. вѣроятно за то, что отстаивалъ латинскій обрядъ противъ нареканій со стороны патриарха, а при патриаршескомъ богослуженіи въ Софійской церкви желалъ, наравнѣ съ другими, приступать къ Евхаристіи по греческому обряду. Тѣмъ самымъ уже заранѣе намѣчался тотъ пунктъ, который положенъ былъ потомъ во главу обвиненія противъ латынянъ, и о которомъ Фотій въ своей энцикликѣ еще не говорилъ. Въ 1051 г. Аргиръ былъ уже въ Италіи и, по разсказу италійскаго хроникера, отправилъ въ 1053 г. въ Константинополъ, въ качествѣ своего повѣреннаго, для веденія переговоровъ о союзѣ, епископа г. Транъ Іоанна, и надо полагать, что, за время пребыванія Іоанна въ Константинополѣ, патриархъ привлекъ его на свою сторону ¹⁾. Между тѣмъ, въ италійскихъ дѣ-

¹⁾ *Gfrörer*, Byzant. Gesch. III, 529. Въ пользу этого предположенія говоритъ послѣдовавшее, нѣсколько лѣтъ спустя, изложеніе этого епископа на соборѣ въ южной Италіи, при папѣ Николаѣ II-мъ, откуда можно заключать, что на западѣ смотрѣли на него, какъ на измѣнника. *Ibid.* 542 и *Migne*, Patrol lat. CXLIII, 929.

лахъ наступилъ поворотъ, чрезвычайно неблагоприятный для папы Льва IX: войска его были разбиты норманнами недалеко отъ Чивителлы, и самъ онъ попалъ къ нимъ въ плѣнъ, причемъ, однако, побѣдители относились къ плѣннику съ подобающимъ почтеніемъ. Этотъ моментъ Керуларій нашелъ вполне благоприятнымъ, чтобы начать свои рѣшительныя мѣропріятія противъ римской церкви, такъ какъ, съ разгромомъ папскаго войска, папа пересталъ быть такою политическою величиною, союзъ съ которою могъ бы считаться цѣннымъ для византійскаго правительства. А для самого патріарха союзъ этотъ былъ нежелателенъ, ибо, въ числѣ условій этого союза, должны были трактоваться вопросъ о признаніи всецерковной власти папы и о возвратѣ римской церкви обширныхъ имѣній, отобранныхъ у нея въ прежнія времена Львомъ Исавромъ и Никифоромъ Фокой. Мѣропріятія патріарха выразились: въ закрытіи латинскихъ церквей въ Константинополѣ, въ составленіи Львомъ, архіепископомъ охридскимъ, посланія на имя вышеупоминавшагося Іоанна Транскаго (успѣвшаго уже къ тому времени вернуться въ Италію) ¹⁾ и, нѣсколько позднѣе, въ составленіи монахомъ Студійскаго монастыря Никитой Стеномъ или Пекторатомъ полемическаго трактата противъ латынянъ.

Въ Константинополѣ существовали латинскія церкви для проживавшихъ тамъ латынянъ, подобно тому какъ въ Италіи и въ самомъ Римѣ существовали церкви и монастыри греческаго обряда. Такъ напр. въ началѣ XI в. король Стефанъ венгерскій основалъ, съ согласія императора Василія II, церковь во имя своего патрона Св. Стефана; амальфитанцы имѣли свою церковь; норманнская или варяжская императорская гвардія имѣла церковь даже вблизи Св. Софій ²⁾. Закрывая латинскія церкви въ Кон-

---

¹⁾ См. *Byzant. Geschichten* Гфрѣрера, III, 542. Проф. Скабалановичъ (Христ. Чт. 1885, I, 111) высказалъ другое, довольно невѣроятное, предположеніе, что Іоаннъ самъ же и привезъ съ собой изъ Константинополя посланіе на свое имя.

²⁾ См. *Car. du Fresne du Cange, Historia Byzantina... Constantinopolis christiana, Lutetiae Parisiorum, 1580, lib. IV, p. 82—83; Belin, Histoire de l'Église latine de Constantinople, Paris, 1872, стр. 2 и сл.; Bréhier, 20 и 96; Скабалановичъ въ „Христ. Чт.“ 1884, II, 732—733.*

стантинополѣ, патриархъ предписалъ вѣсьмъ латинскимъ священникамъ, аббатамъ и монахамъ слѣдовать греческимъ обрядамъ, угрожая имъ, въ случаѣ упорства, анаемюю, какъ «азимитамъ», т.-е. безевастикамъ или опрѣсночникамъ. Римскіе легаты въ своей экскоммуникаціонной буллѣ или грамотѣ, положенной ими позднѣе на престолѣ Софійской церкви, констатируютъ фактъ растоптанія ногами латинскихъ освященныхъ Даровъ, при закрытіи латинскихъ церквей, патриаршимъ савелларіемъ, на томъ основаніи, что латинскіе опрѣсноки не суть евхаристическіе Дары. Закрытіе состоялось въ 1053 г., безъ всякаго сомнѣнія, по приказу самого патриарха, безъ вѣдома императора. Предполагать императорское согласіе на это нѣропріятіе невозможно, въ виду всего дальнѣйшаго поведенія императора по отношенію къ папѣ и къ легатамъ вплоть до оставленія послѣдними столицы.

Патриархъ, державшій въ своихъ рукахъ, по выраженію Пселла, «дѣла божественныя и человѣческія», распорядился собственною властію. Но на литературно-полемиическомъ поприщѣ онъ не рѣшился выступить самолично, предпочитая дѣйствовать черезъ другихъ лицъ, выборъ которыхъ сдѣланъ былъ не безъ тонкости и не безъ остроумія. Соль полемиическаго посланія Льва охридскаго на имя Іоанна травскаго заключалась во-первыхъ въ томъ, что папы еще со времени соборовъ IX в. не переставали доказывать передъ императоромъ свои церковныя права на Болгарію, а теперь архіепископъ охридскій, т. е. болгарскій, сдѣлавшійся со времени Василія II Болгароктона подданнымъ византійскаго императора, и притомъ бывшій клирикъ и хартофилакъ константинопольской великой церкви, пишетъ обличительное посланіе, обвиняющее римскую церковь въ ересь, въ которыхъ въ томъ, что посланіе адресовано въ Травы къ тому самому епископу южной Италіи (Апуліи), котораго присылалъ Аргиръ въ Константинополь для переговоровъ. Посланіе не имѣло характера частной корреспонденціи, которая должна бы была содержаться въ секретѣ. Напротивъ въ немъ прямо было выражено, что оно предназначается для «всѣхъ франкскихъ архіереевъ и для самого достопочтеннаго папы»; адресату рекомендуется, прочитавъ посланіе нѣсколько разъ въ присутствіи своего народа и усвоивъ его содержаніе, переписать въ нѣсколькихъ экземплярахъ, чтобы «спасти свою

душу», и разослать ко всемъ архіереямъ Италіи, заклиная ихъ «исправиться». Заблужденія, которыя ставятся въ вину латинцамъ, и отъ которыхъ они приглашаются исправиться, суть: совершение Евхаристіи на опрѣсновахъ, соблюденіе субботняго поста во время четырехдесятицы, употребленіе въ пищу удавленной, т. е. животныхъ, убитыхъ безъ пролитія крови, напримѣръ задохшихся въ силбахъ, и не пѣніе аллилуйи въ четырехдесятицу. Іоанну транскому было нетрудно исполнить возлагавшееся на него порученіе, такъ какъ, въ моментъ полученія имъ константинопольскаго посланія, въ Транакъ находился кардиналъ Гумбертъ, можетъ быть потому, какъ предполагаетъ Форереръ ¹⁾, что уже въ то время Іоанну транскому въ Римѣ не довѣряли и слѣдили за нимъ. Адресатъ передалъ посланіе Гумберту, который, будучи знакомъ съ греческимъ языкомъ, перевелъ его на латинскій и предпроводилъ къ папѣ Льву IX-му.

Другое полемическое произведеніе, какъ сказано, составлено было студійскимъ монахомъ Нивитой, можетъ быть уже послѣ прибытія римскихъ легатовъ въ Константинополь, какъ говоритъ Вилль ²⁾. Почему патріархъ выдвинулъ этого полемиста, понять не трудно. Студійскій монастырь, болѣе чѣмъ какой нибудь другой, завѣстенъ былъ доселѣ своимъ традиціоннымъ тяготѣніемъ къ Риму, и если теперь монахъ именно Студійскаго монастыря выступаетъ противъ Рима, то тѣмъ самымъ Риму наносится, такъ сказать, двойной ударъ. Въ трактатѣ Нивиты также на первомъ мѣстѣ стоятъ опрѣсновки, и потомъ еще затронуты два пункта: постъ въ субботу и безбрачіе духовенства. Аргументація Нивиты по этимъ тремъ пунктамъ любопытна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ легкость, съ которою могли сливаться и смѣшиваться, съ теченіемъ времени, историческіе факты. Нивита ссылается на правила трулльскаго собора 692 г., называя этотъ соборъ шестымъ вселенскимъ и настолько смѣшивая оба собора; что трулльскій соборъ 692 г. считаетъ состоявшимся при Константинѣ Погопатѣ и папѣ Агафонѣ (изъ которыхъ ни того ни другаго не было въ живыхъ въ 692 г.), откуда дѣлаетъ потомъ такой выводъ:

¹⁾ Byz. Gesch. III, 542.

²⁾ Acta et scripta, стр. 47.

если-де вы, латиняне, утверждаете, что ваши теперешніе обряды основываются на древнемъ апостольскомъ преданіи, то какъ же папа Агаеонъ на шестомъ соборѣ не воспротивился установленію такихъ канонѣвъ, которыми осуждаются опрѣсноки, постъ въ субботу и безбрачіе духовенства? Въ то же время, довольно непослѣдовательно даже и съ точки зрѣнія византійца, называвшаго трульскій соборъ 692 г. шестымъ вселенскимъ, Никита извлекаетъ различныя аргументы противъ латинянъ изъ апостольскихъ постановленій, которыя этимъ самымъ соборомъ 692 г. были осуждены, съ воспрепятствіемъ употребленія ихъ въ церкви. Съ вѣднѣйшей стороны трактатъ Никиты написанъ сдержанно, безъ полемическаго зазора; Никита называетъ даже римскихъ легатовъ «римлянами, мудрѣйшими и благороднѣйшими изъ всѣхъ народовъ» (*optimum gentium sapientissimū ac nobilissimū romanū*)¹⁾. Однако, по поводу трагуемыхъ имъ «ужасныхъ пороковъ» (*horribiles infirmitates*) латинянъ, онъ примѣняетъ къ нимъ слова апостоловъ: объ антихристахъ, которые «отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ» (1 Иоан. II, 18), «о псахъ и злыхъ дѣлателяхъ» (Филип. III, 2), о «духахъ лестничь и ученіяхъ бѣсовскихъ», о «лицемѣрныхъ лжесловесникахъ», сожженныхъ въ своей совѣсти, возбраняющихъ жениться и употреблять «брашна, яже Богъ сотвори въ свѣданіе отъ благодареніемъ» (1 Тим. IV, 1—3), о «внимающихъ іудейскіи баснямъ и заповѣдамъ чловѣкъ, отвращающихся отъ истины» (Тит. I, 14).

Итакъ, въ обвѣхъ полемическихъ, или даже, можно сказать, оффиціально—обвинительныхъ статьяхъ противъ Рима, ничѣмъ на этотъ разъ не вызванныхъ со стороны Рима, важнѣйшая латинская разность—ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына не упоминается; изъ обвиненій, выдвинутыхъ нѣкогда патриархомъ Фотіемъ, упоминаются только постъ въ субботу и латинскій взглядъ на бракъ духовенства; остальные пункты (оффиціально по крайней мѣрѣ) выставляются въ первый разъ, и, въ подномъ соответствіи образу дѣйствій патриарха по отношенію къ Аргіру

---

¹⁾ Трактатъ Никиты издавъ только на латинскомъ языкѣ, хотя, по словамъ Димитракопуло (*Исторія του σχίσματος της λατινικής εκκλησίας από της ορθόδοξου ελληνικής*, 1867, стр. 21 и сл.), онъ имѣется и на греческомъ языкѣ.

и къ константинопольскимъ церквамъ «азимитовъ», на первый планъ выдвигаются опрѣсноки. Въ виду того, что существуютъ всѣякія основанія предполагать возбужденіе въ греческой полемической литературѣ вопроса объ опрѣсновахъ раньше времени патріарха Михаила Керуларія, напримѣръ, писанное на греческомъ языкѣ произведеніе русскаго митрополита Леонтія († 1008) ¹⁾, нельзя думать, что желаніе быть оригинальнымъ руководило Керуларіемъ въ предъявленіи новаго обвинительнаго пункта, доселѣ не замѣчавшагося съ греческой стороны, хотя; въ видѣ прямого обращенія къ западной іерархіи и подъ прямою инспираціей со стороны константинопольскаго церковнаго правительства, вопросъ объ опрѣсновахъ, конечно, никогда до сихъ поръ не возбуждался. Но спрашивается, почему же опрѣсноки получили первостепенное значеніе въ разсмотрѣнныхъ нами документахъ? Г. Сабалановичъ не допускаетъ мысли, чтобы Михаилъ Керуларій не понималъ различія между догматами и обрядами ²⁾, и въ то же время ничѣмъ не доказалъ, что патріархъ дѣйствительно понималъ такое. Для грековъ вообще вопросы культа имѣли огромную важность, и даже относительно высокообразованнаго патріарха Фотія нельзя отрицать, что латинскія обрядовыя разности онъ ставитъ въ своей энцикликѣ наряду съ ученіемъ о Св. Духѣ и даже не съ этого послѣдняго начинается, а напротивъ имъ заканчивается исчисленіе латинскихъ заблужденій. Еще вѣдь и гораздо раньше Фотія трулльскій соборъ 692 г. хотѣлъ наложить на западъ греческій обрядъ, между тѣмъ какъ на западѣ никто не думалъ налагать на греческій востокъ латинскій обрядъ. Если Керуларій неоднократно отлучалъ отъ причащенія изъ-за опрѣснотовъ, если латинскія церкви въ Константинополѣ закрыты были именно какъ церкви «азимитовъ», если наконецъ въ посланіи Льва охридскаго западная іерархія приглашалась исправиться, т. е. принять греческій обрядъ, если желаетъ спасти свои души, то все это можетъ свидѣтельствовать лишь о первостепенной важности, которую придавалъ Керуларій вопросу объ опрѣсновахъ. Г. Сабалановичъ невѣроятнымъ образомъ объяснилъ неоднократно

---

¹⁾ См. *Павловъ*, Критическіе опыты, стр. 26 и сл.

²⁾ Христ. Чт. 1884, II, 737.

отлучение патриархом Аргира: Аргиръ-де хулилъ греческій обрядъ совершенія Евхаристіи на кисломъ хлѣбѣ и старался пропагандировать въ Константинополь латинскіе опрѣсноки, даже требовалъ, чтобы и въ греческомъ храмѣ его причащали опрѣсноками! ¹⁾ Аргиръ, насколько личность его выясняется намъ изъ историческихъ документовъ, былъ умнымъ дипломатомъ, а не человекомъ о двухъ головахъ, который, зная приверженность грековъ къ обрядамъ, рѣшился бы прать противъ рожна, пропагандировать въ самомъ Константинополь латинскіе опрѣсноки вмѣсто кислаго хлѣба,—мало того, даже требовалъ, чтобы специально для него доставлена была возможность причащаться въ греческой церкви опрѣсноками. Болѣе естественно предположить, какъ и выше было замѣчено, что патриархъ, при личныхъ разговорахъ съ Аргиромъ, нападалъ на опрѣсноки, а Аргиръ защищалъ латинскую практику, и когда, присутствуя при богослуженіи въ Софійской церкви, желалъ, вмѣстѣ съ другими, присутствіи въ греческой Евхаристіи, патриархъ отстранялъ его.

Нѣкоторые другіе ученые, допуская въ принципѣ, что патриархъ ясно представлялъ себѣ различіе между догматомъ и обрядомъ, объясняютъ предъявленное имъ обвиненіе противъ латинянъ по поводу опрѣсноковъ и опущеніе ученія латинянъ о Св. Духѣ или тѣмъ, что важнѣйшій аргументъ оный приберегалъ къ концу ²⁾, или тѣмъ, что патриархъ хорошо зналъ народную массу,—зналъ, что ее не такъ легко разшевелить отвлеченными догматами, какъ вопросами обряда, тѣмъ болѣе такую массу, въ которой всѣ акты жизни политической, гражданской и индивидуальной были подчинены строгому этикету, не щадившему ни ранговъ, ни классовъ, и для которой всѣ, кто не соблюдалъ обрядовъ религиозныхъ и гражданскихъ, представлялись варварами, тѣмъ болѣе обрядовъ,

---

¹⁾ Христ. Чт. 1884, II, 742.

²⁾ *Gfrörer*, о. с. III, 558—559. Керуларій дѣйствительно потомъ упоминаетъ объ исхожденіи Св. Духа, но не въ какомъ-либо документѣ, обращенномъ къ западу, а въ посланіи къ Петру антиохійскому, и притомъ въ числѣ многихъ другихъ, даже мелочныхъ пунктовъ (какъ брадобритіе, ношеніе епископами воецъ на рукахъ).

соединенныхъ съ важнѣйшимъ церковнымъ священнодѣйствіемъ¹⁾. Между тѣмъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Керуларій и въ самомъ дѣлѣ выдвигалъ противъ латинянъ такое оружіе, которое ему казалось наиболѣе сокрушительнымъ; и что патріархъ Петръ антиохійскій, лично, какъ мы увидимъ, имѣвшій болѣе просвѣщенный взглядъ на религіозныя разности запада, чѣмъ Керуларій, совершенно серьезно писалъ Доминику градо-венеціанскому: константинопольскій патріархъ не считаетъ латинянъ за *κακοδόξους*, а считаетъ ихъ православными, *хромающими лишь въ одномъ пунктѣ*—въ отношеніи къ опрѣсновамъ (*Ενὶ δὲ μόνῳ τούτῳ σφαλίζοντας, τῆ τῶν ἀζύμων ἀναφορᾷ*)²⁾. Писалъ въ своей обвинительной рѣчи аттестуетъ Керуларія такъ, что въ послѣднемъ дѣйствительно нельзя и заподозрить болѣе просвѣщеннаго религіознаго взгляда сравнительно съ массою: онъ не интересовался философіей и риторикой, не читалъ божественныхъ произведеній и никогда не раскрывалъ книги, не зналъ нашихъ догматовъ, не зналъ чему поклоняется; никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ читалъ соборныя каноны и постановленія отцовъ церкви,—вмѣсто всего этого онъ занимался астрологіей и алхіміей; проводилъ все время съ двумя хіосскими монахами-шарлатанами Никитой и Иоанномъ и съ ихъ пророчицей Досивеей, занимаясь ими безпрестанно, при выходахъ, при входахъ, куда бы онъ ни пошелъ, откуда бы ни выходилъ,—въ храмахъ, во время жертвоприношенія, вездѣ³⁾. Въ этой аттестации, безъ сомнѣнія, краски стущены, но что знаменитый патріархъ мало читалъ и мало зналъ, это доказываетъ и тою грубою историческою ошибкою, которая была имъ допущена въ посланіи къ Петру антиохійскому, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

Константинопольскій патріархъ, вступая въ борьбу съ римскою церковью, выразившуюся въ извѣстныхъ уже намъ мѣропріятіяхъ, услышалъ, что патріархъ антиохійскій вступилъ въ корреспонденцію съ Римомъ. Патріархъ Петръ, согласно древне-

¹⁾ *Bréhier*, 146.

²⁾ *Migne*, Patr. gr. t. 120, см. посл. Петра къ Доминику, стр. 761.

³⁾ *Безобразовъ*, Матеріалы для исторіи визант. имперіи (Журн. Мпн. Нар. Просв. ч. 265, Слб. 1889, стр. 71 и сл.).

жу церковному обычаю, препроводить къ римскому папѣ извѣстительную грамоту о своемъ вступленіи на патриаршую кафедру. Антиохія, въ теченіе долгаго времени находившаяся подъ властію невѣрныхъ, со времени Никифора Фоки была отвоевана и присоединена къ византійской имперіи, и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи Геррера¹⁾, что Петръ антиохійскій вспоминалъ объ этомъ древнемъ обычаѣ по знаку, сдѣланному изъ Константинополя отъ Константина Мономаха, которому непримиримый образъ мыслей Керуларія по отношенію къ Риму былъ небезызвѣстенъ, и который тѣмъ не менѣе старался укрѣпить почву для своей примирительной политики. Керуларій напротивъ постарался привлечь Петра на свою сторону; отсюда объясняется его посланіе къ Петру антиохійскому, безъ какого либо вызова или повода со стороны этого послѣдняго. Но такъ какъ посланіе это написано было константинопольскимъ патриархомъ уже по прибытіи въ столицу римскихъ легатовъ, то, мы, чтобы не забѣгать впередъ, посмотримъ сначала, какія мѣры были приняты съ латинской стороны противъ нападена Керуларія.

Ознакомившись съ содержаніемъ посланія Льва окридскаго по переводу Гумберта, папа очень хорошо понялъ, кто инициаторъ посланія и куда онъ мѣтитъ. Керуларій вѣдь въ самомъ дѣлѣ не только не допускалъ мысли о какомъ либо высшемъ положеніи папы въ церкви, но изрекалъ судъ надъ латинскою церковью, приглашая ее исправиться. Въ концѣ отвѣтнаго посланія Льва Керуларію есть явное указаніе на то, что папа имѣлъ въ виду составить, а можетъ быть и дѣйствительно составилъ опроверженіе, по существу, тѣкъ обвиненій, которыя возведены были на римскую церковь²⁾; но въ самомъ посланіи въ томъ видѣ,

¹⁾ Byz. Gesh. II, 559.

²⁾ н. 40: „Sed quia jam nunc videmus digressi modum epistolae, alio exordio conuenimus respondere vestrae calumniae... Inter haec dirigimus vestris cavillationibus refragantia venerabilium patrum nostrorum aliqua super his scripta; deinde ut Deus inspirabit, nostra rescripta, quatenus multipliciter vestra retundantur et retro ferantur iacula, et quem non vultis feriant. Nam si vos non erubescitis nec timetis de loquacitate, nos non tantum erubescere, quantum timere debemus de taciturnitate, quia de nostra multorum pendent animae, quae falsis fratribus calumniantibus et nobis tacentibus habent perire (стр. 768—769 у Миная).

въ какомъ оно дошло до насъ, папа не вдается ни въ какую аргументацію въ пользу римскихъ обрядовъ. Папа удивляется невѣроятной дерзости, съ которою константинопольскій епископъ и Левъ охридскій бросили въ глаза латинянамъ обвиненіе въ неправильномъ употребленіи опръсноковъ, и уподобляетъ эту дерзость дерзости дракона, увлекашаго съ собою третью часть звѣздъ съ неба на землю. Церковь римская, разсуждаетъ папа, существуетъ болѣе 1000 лѣтъ со времени страданія Спасителя, и вдругъ оказывается, что Отецъ, Иже на небесахъ, утаилъ отъ ігннзя апостоловъ Петра культъ или обрядъ видимой жертвы, — отъ того самаго Петра, которому Христось, Сынъ Бога живаго, сказалъ: «блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что, не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ», и на которомъ Христось основалъ церковь съ обѣщаніемъ, что врата адовы не одолѣютъ ея, — о которомъ Христось молился, чтобы не оскудѣла вѣра его, которому онъ поручилъ пащеніе овецъ своихъ, и котораго удостоилъ своимъ особымъ явленіемъ въ день воскресенія, — по предложенію котораго восполнено число 12 апостоловъ, который первый выступилъ съ проповѣдью удеямъ и первый же удостоился видѣнія относительно принятія въ церковь язычниковъ. Папа сравниваетъ римскую церковь съ греческою, обуревавшеюся разными ересями, и въ частности съ константинопольскою. Сколько ересей было задушено римскою церковью, восклицаетъ папа! Евсевій, Македоній, Евдоксій, Демосилъ, Максимъ — цинигъ и аполинаристъ, Несторій, Евтихій Акакій, Аноимъ, гордецъ Іоаннъ, называвшій себя вселенскимъ, моноелиты Пирръ, Сергій, Ыръ и Павелъ, — все это еретики константинопольскіе, отъ ересей которыхъ христіанство спасено римскою церковью. Еще Константинъ съ Сильвестромъ провозгласили: первая каеэдра не подлежитъ ничьему суду (*prima sedes a nemine iudicetur*). Папа извлекаетъ далѣе свое полемическое оружіе изъ сборника Іжесидоровскихъ декреталовъ, въ которомъ главенство римской церкви представляется утвержденнымъ вселенскими соборами, и воспроизводитъ текстъ подложнаго дарственнаго акта Константина В. Сильвестру, затѣмъ выражаетъ сомнѣніе въ справедливости слуховъ, что когда-то будто бы на константинопольскую каеэдру была возведена женщина, укоряетъ

константинопольскихъ патриарховъ за ношеніе ими гордаго титула: «вселенскій патриархъ», а Керуларія въ частности еще за дефектъ въ его посвященіи ¹⁾ и за отнятіе у латинянь ихъ церквей и монастырей, ставя на видъ патриарху, что римская церковь дозволяетъ свободное существованіе и внутри, и внѣ Рима греческихъ церквей и монастырей, и не только никому не мѣшаетъ оставаться при своихъ отеческихъ преданіяхъ и обычаяхъ, а даже увѣщаетъ и побуждаетъ къ этому, зная, что никакого вреда спасенію вѣрующихъ не приносятъ различные по времени и мѣсту обычаи при единствѣ вѣры.

Отправлено ли было и дошло ли по адресу это папское посланіе,—вопросъ спорный по мнѣнію Гергенрёттера ²⁾, безусловно отрицательно разрѣшаемый Лангеномъ ³⁾, скорѣе утвердительно, чѣмъ отрицательно разрѣшаемый покойнымъ профессоромъ Павловымъ ⁴⁾. Послѣдній изъ названныхъ ученыхъ предполагаетъ именно, что посланіе Льва IX къ Керуларію во всякомъ случаѣ дошло до Константинополя, хотя бы и съ опозданіемъ и непрямымъ путемъ, т. е. неофициально, не съ легатами, а частнымъ образомъ черезъ кого-нибудь изъ италійскихъ грековъ, хотя бы, напримѣръ, черезъ упоминавшагося выше Іоанна транского. Два факта во всякомъ случаѣ не подлежатъ сомнѣнію: 1) что древнѣйшая греческая редакція константинова даренія, сдѣланная извѣстною на востокъ и воспроизведенная во второй половинѣ XII в. Вальсамономъ въ его комментарий къ I гл. VIII титула номобанона, сходна съ тою латинскою редакціей, которая читается въ посланіи Льва къ Керуларію; 2) что, по историческимъ свидѣтельствамъ, Керуларій пытался обратить въ свою пользу содержаніе этого дарственного акта,—значить этотъ актъ не остался неизвѣстнымъ для него. Брейе ⁵⁾ считаетъ несомнѣннымъ, что посланіе своевременно дошло до Константинополя и произвело

---

¹⁾ См. выше въ первой главѣ стр. 11.

²⁾ Photius, III, 738.

³⁾ *Langen*, Geschichte der römischen Kirche von Nicolaus I, Bonn, 1892, стр. 475.

⁴⁾ Сборникъ неизданныхъ памятниковъ визант. церк. права. Спб. 1898, стр. 61—62.

⁵⁾ *Bréhier*, 100—104.

сильный эффект. Изъ двухъ дальнѣйшихъ посланій Льва IX въ Константинополь къ императору и къ архіепископу Михаилу (о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь) видно, что въ восточной столицѣ свершилось нѣчто такое, что произвело перемѣну въ настроеніи Керуларія, что императоръ представляется виновникомъ этой перемѣны, такъ какъ ему усвоится честь «примиренія» между обѣими церквами, и что перемѣна выразилась даже въ отправкѣ примирительнаго посланія Керуларіемъ въ Римъ, которое писалъ теперь уже онъ самъ отъ своего имени, а не черезъ подставныхъ лицъ. Посланіе Керуларія не дошло до насъ, но о примирительномъ его тонѣ говорится въ посланіи къ нему Льва IX, да и самъ Керуларій въ посланіи къ Петру антиохійскому явственно говоритъ, что, слышавшись о «добродѣтели, благородствѣ и просвѣщенности» римскаго епископа, онъ послалъ ему письмо, полное умѣренности и вниманія къ его интересамъ. Надо думать, что императоръ, недовольный самовольными дѣйствіями патріарха по закрытію латинскихъ церквей въ Константинополь и приведенный въ еще большее раздраженіе, когда сдѣлалось ему извѣстно содержаніе посланія Льва охридскаго и произведенное имъ впечатлѣніе на западѣ, проявилъ необычную энергію и поговорилъ сильно съ патріархомъ. Не невѣроятно, что и Аргиръ, пришедшій въ ужасъ отъ всего случившагося,—такъ какъ все имъ сдѣланное доселѣ въ пользу союза Италіи съ Византіей разсыпалось въ прахъ,—ибо какимъ образомъ онъ могъ бы располагать италовъ къ союзу съ Византіей послѣ всего случившагося?—принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы византійское правительство расположило патріарха къ болѣе примирительнымъ мыслямъ. Не невозможно даже и то, что, для умиротворенія патріарха, со стороны императора и Аргира было обѣщано, что, какъ скоро вопросъ о союзѣ станетъ на почву правильныхъ переговоровъ, отъ римскаго епископа можно будетъ добиться того, чего не удалось добиться Евстаею при Іоаннѣ XIX, т. е. признанія константинопольскаго патріарха равноправнымъ римскому главою востока. Въ отвѣтномъ посланіи папы къ Керуларію есть, между прочимъ, такое мѣсто: «ты писалъ намъ, что если бы римская церковь черезъ наше посредство приняла твое имя, то наше имя черезъ твое посредство было бы принято во всей вселенной,—не чудовищно

ли это, любезнѣйшій братъ? Церковь римская, глава и мать церквей, не будетъ имѣть членовъ и дочерей? И какъ же можетъ она тогда называться главою или матерью?»¹⁾ Видно, что Керуларій ожидалъ установленія такого отношенія Константинополя къ Риму, при которомъ церковь константинопольская не считалась бы членомъ и дочерью римской, какъ главы и матери, а признавалась бы со стороны Рима такою же главою и матерью для востока, и, въ случаѣ исполненія этого ожиданія, готовъ былъ (несмотря и на опрѣсноки и проч.) прославить римскую церковь во всей вселенной, т.-е. возносить имя папы, какъ старѣйшаго іерарха, на всемъ пространствѣ греческой *οἰκουμένη* до крайнихъ предѣловъ востока. Но папа не обнаружилъ никакой склонности къ удовлетворенію желанія патріарха. Похваливъ его въ началѣ (второго) своего посланія за примирительный и уступчивый тонъ, онъ говоритъ далѣе о неканоническомъ его возведеніи изъ мірянъ въ епископы, о честолюбіи, которое побуждаетъ его лишить александрійскаго и антиохійскаго патріарховъ ихъ древнихъ привилегій и подчинить ихъ своей власти, о святотатственной узурпаціи, выражающейся въ томъ, что онъ вездѣ, и на словахъ, и на письмѣ, называетъ себя вселенскимъ патріархомъ, ибо даже и апостоль Петръ не называлъ себя *universalis apostolus*, а папа Левъ, хотя и былъ предложенъ ему этотъ титулъ, отказался отъ него²⁾. Посланіе императора къ папѣ, такъ же какъ и посланіе

---

¹⁾ „Scripsisti siquidem nobis, quoniam si una ecclesia romana per nos habet nomen tuum, omnes ecclesiae in toto orbe terrarum haberent per te nomen nostrum. Quid hoc monstri est, frater carissime? Romana ecclesia, caput et mater ecclesiarum, membra et filias non habet? Et quomodo potest dici caput aut mater?“ *Migne*, *Patrol. lat.* CXLIИ, p. 776.

²⁾ Еще раньше Льва IX Григорій Великій говорилъ, что соборъ халкидонскій палъ Льву I предложилъ титулъ вселенскаго патріарха, и что онъ отказался отъ этого титула, между тѣмъ какъ въ актахъ соборныхъ засѣданій ничего подобнаго не усматривается. *Губеле* (*Conciliengeschichte*, II, 544—545) объясняетъ возникновеніе на западѣ этого исторически-невѣрнаго представленія изъ подписей и надписаній. Папскіе легаты подписывались: „*vicarii apostolici universalis ecclesiae papae*“. Греки перевели эту подпись: *οἰκουμηνικῆς ἐκκλησίας ἐπισκόπου* = *universae ecclesiae episcopi*. Далѣе въ 3-мъ засѣданіи халкид. собора заслушаны были нѣкоторыя прошенія, въ надписаніяхъ которыхъ Левъ В. титуловался „вселенскимъ архіепископомъ и патріархомъ великаго Рима“.

Керуларія, не дошло до насъ, а въ отвѣтномъ посланіи папы императоръ восхваляется за благочестіе и за умиротвореніе церквей, какъ соименникъ и преемникъ Константина Великаго. Папа проситъ и увѣщаваеъ императора возвратить и утвердить тѣ привилегіи, которыя нѣкогда были дарованы римской церкви великимъ Константиномъ ¹⁾, проситъ о возвращеніи патримоній римской церкви, находящихся въ территоріи восточной имперіи, жагается на патріарха, открывшаго гоненіе на латинскую церковь и не убоившагося анаематствовать всѣхъ принимающихъ таинство на опрѣснокахъ, стремящагося притомъ же лишитъ другихъ восточныхъ патріарховъ ихъ древняго достоинства ²⁾. Папа не могъ забыть и про Петра антиохійскаго, который, назадь тому нѣсколько времени, обратился къ нему съ общительнымъ посланіемъ. Похваливъ Петра за его почтеніе къ апостольскому престолу и напомнивъ, что римская церковь съ апостольскимъ престоломъ есть глава, къ которой должны поступать важнѣйшія и труднѣйшія дѣла всѣхъ церквей, папа убѣждаетъ Петра отстаивать достоинство своей церкви, какъ занимающей третій рангъ, и излагаетъ свое исповѣданіе вѣры съ *Filioque*. Мало того, безъ сомнѣнія, по инициативѣ папы, обратился съ посланіемъ къ тому же Петру венеціанскій архіепископъ Доминикъ. Повидимому, папа надѣялся, какъ говоритъ Герѣреръ ³⁾, что откровенное заявленіе антиохійца расположитъ Керуларія къ уступчивости, а почему именно Доминикъ выбранъ папой для корреспонденціи съ Антиохіей, объясняется во-первыхъ тѣмъ, что папа оказалъ передъ этимъ нѣкоторыя услуги и каедрѣ венеціанской, и самому вене-

---

¹⁾ А по т. н. дарственному акту Константина В. папа долженъ имѣть высшую юрисдикцію надъ патріархами александрійскимъ, антиохійскимъ, іерусалимскимъ и константинопольскимъ.

²⁾ Защита равноправности другихъ восточныхъ патріарховъ съ константинопольскимъ, и даже признаніе за ними высшаго ранга сравнительно съ послѣднимъ, особенно за александрійскимъ и антиохійскимъ, каедръ которыхъ производимы были отъ апостола Петра, была традиціонною политикою римской церкви съ того самаго времени, когда, силою обстоятельствъ и благодаря императорской политикѣ, сталъ возвышаться епископъ константинопольскій, т. е. со времени II вселенскаго собора 381 г.

³⁾ Byz. Gesch. III, 555—556.

ціанскому правительству, слѣдовательно имѣлъ право рассчитывать на благодарность Доминика, который самъ принадлежалъ къ вѣнцянцѣмъ фамиліи Венеціи, и во-вторыхъ тѣмъ, что именно венеціанцы поддерживали живыя торговыя сношенія съ Сиріей. Доминикъ, назвавъ себя «патріархомъ» Венеціи, (что какъ мы увидимъ, подало поводъ антиохійцу прочесть ему уронъ), защищаетъ въ своемъ посланіи римскую церковь отъ сдѣланнаго на нее нападенія по поводу опрѣсновенъ.

Такимъ образомъ, если папа готовъ былъ прославлять императора, какъ соименника и преемника Константина В., то онъ не обнаружилъ въ тоже время ни малѣйшаго желанія сдѣлать какія-либо уступки патріарху. Въ этомъ духѣ составлены были посланія папы, въ этомъ же духѣ должны были дѣйствовать и легаты, отправленные въ Константинополь съ этими посланіями и вмѣстѣ съ специальною миссіею уладить всѣ спорные пункты. Легаты посланы были къ императору, а не къ императору и патріарху: въ посланіи папы къ патріарху о нихъ не говорится ни одного слова, тогда какъ въ посланіи къ императору называются ихъ имена, и сами они рекомендуются благосклонному вниманію и покровительству императора. Ихъ было трое: извѣстный уже намъ кардиналъ Гумбертъ, канцлеръ римской церкви (родственникъ германскаго императора Генриха III) Фридрихъ и амальфитанскій архіепископъ Петръ, который, по какимъ-то причинамъ, оставилъ свою архіепископію и проживалъ въ Римѣ, пользуясь близостію и довѣріемъ папы Льва IX. Императоръ принялъ легатовъ съ подобающею честью и отвелъ имъ помѣщеніе во дворцѣ «Источника» (Πύργη). Какъ видно изъ словъ самого Керуларія въ посланіи его къ Петру антиохійскому, свиданіе константинопольскаго патріарха съ легатами состоялось всего только однажды, и, какъ увидимъ ниже, при изложеніи содержанія этого посланія, на этомъ первомъ и единственномъ свиданіи съ очевидностію выяснилось, что ни о какомъ мирномъ соглашеніи легатовъ съ патріархомъ не можетъ быть рѣчи. Поэтому, вмѣсто мирныхъ переговоровъ, легаты открыли оборонительно-наступательную компанію противъ сдѣланнаго на римскую церковь въ посланіи Льва охридскаго нападенія. Кардиналомъ Гумбертомъ, безъ сомнѣнія съ вѣдома и согласія Константина Мономаха, составленъ былъ діалогъ между Romanus и

Constantinopolitanus. Въ этой диспутации сначала воспроизводится текст посланія Льва окридскаго, которое прямо озаглавлено: *Michaël, universalis patriarcha novae Romae, et Leo archiepiscopus Acriadae metropolis Bulgarorum dilecto fratri Joanni Trapezia episcopo*. Въ длинномъ рядѣ пунктовъ римлянинъ разбиваетъ посланіе, начиная съ предисловія, при чемъ само собою разумѣется, наиболѣе мѣста отведено опрѣсенокамъ, а разбивши обвинительные пункты, римлянинъ въ свою очередь укоряетъ грековъ за разные ихъ обряды и обычаи, напримѣръ, за то, что запачканный совокупленіемъ съ женой приступаетъ къ служенію алтаря, женщинамъ, опасно заболѣвающимъ при родахъ или во время менструаціи, отказывается въ причащеніи, а младенцы, умирающіе раньше 8-го дня, обрекаются на вѣчныя мученія, такъ какъ раньше восьми дней они не допускаются въ крещенію и т. д. Въ заключеніе азартный полемистъ угрожаетъ грекамъ за все эти и другія неправильности, которыя долго бы было перечислять, въ случаѣ нераскаянности, безповоротною анаемой, въ семь вѣкѣ и въ будущемъ, отъ Бога и отъ всѣхъ католиковъ, за которыхъ Христосъ положилъ свою душу.—Точка зрѣнія, какъ видимъ, нисколько не лучшая, чѣмъ та, на которой стояли составители посланія Льва окридскаго.

Тотчасъ же затѣмъ пришлось Гумберту отвѣчать на выше упомянувшійся трактатъ Никиты Стибата, который вѣроятно составленъ былъ по прибытіи легатовъ въ Константинополь, а можетъ быть и раньше. Отповѣдь Гумберта на этотъ полемическій трактатъ рѣшительно поражаетъ своею несдержанностью. Гумбертъ начинаетъ свою *responsio sive contradictio* съ того, что если бы Никита прочиталъ внимательно 4-й канонъ халкидонскаго собора, то удовольствовался бы монашескимъ покоемъ, молитвой и постомъ въ монастырѣ, не вмешиваясь въ церковныя дѣла. Нарушивъ же постановленіе собора; онъ этимъ самымъ соборомъ и отлученъ за свои грѣхи. Никита; глупѣйшій осла (*stultior asine*), вадумалъ сокрушить чело льва, адамантовую твердыню; онъ—не пресвитеръ, а застарѣвшій въ злобѣ 100-лѣтній мальчишка, скорѣе Эпикуръ, чѣмъ монахъ, которому умѣстно жить скорѣе въ амфитеатрѣ или въ люцанарѣ, чѣмъ въ монастырѣ (это по поводу нападенія Никиты на безбрачіе латинскаго духовенства). Самое

проввище Никиты «Пекторать» указываетъ на то, что онъ на груди своей (*super pectus*) носитъ древняго змія. Въ своемъ трактатѣ противъ латинянъ Никита не лучше развращенныхъ и бѣшеныхъ собакъ (*perversis et rabiosis canibus*) Юліана и Порфирія. Никита—еретикъ вмѣствъ съ его соучастниками Михаиломъ Керуларіемъ и Львомъ охридскимъ; Никита—ругатель, излагающій, по дѣвольскому внушенію, заразителное ученіе (*pestiferam doctrinam diabolica suggestione*). Подобными комплиментами Гумбертъ постоянно пересыпаетъ свою рѣчь, когда опровергаетъ, по существу, ученіе Никиты объ опрѣснокахъ и кисломъ хлѣбѣ. По существу, Гумбертъ въ состояніи былъ изобличить Никиту въ невѣжество, по поводу приписанія шестому вселенскому собору и папѣ Агапону того, чего они не постановляли, ибо шестой соборъ былъ созванъ для испроверженія ереси моноелитовъ, а не для навязыванія римлянамъ новыхъ учрежденій. Но Гумбертъ дѣлаетъ ссылку на акты шестого собора, не оправдываемую содержаніемъ этихъ актовъ, будто бы императору Константину Погонату на шестомъ соборѣ была заявлена римская традиція относительно опрѣсноковъ.

Съ аргументаціей Никиты, основанною на апостольскихъ постановленіяхъ, Гумбертъ справляется успѣшно, говоря, что книги якобы Климента и каноны якобы апостоловъ суть апокрифы, и что только 50 правилъ изъ нихъ принимаются церковью. Никита—вѣроломный навозникъ (*perfidus stercoriarista*), поскольку онъ отстаиваетъ бракъ священниковъ, и николаитъ, такъ какъ бракъ священниковъ будто бы происходитъ отъ ересарха діакона Николая,—это не бракъ, а прелюбодѣніе. Римская церковь, основанная первымъ апостоломъ на краеугольномъ камнѣ Христвъ, всегда была чужда этой, какъ и другихъ ересей, свойственныхъ лишь той церкви, которую повредилъ Аріій, осквернилъ Македоній, которая породила такихъ змѣй, какъ Несторій, Евтихій, моноелиты, теопасхиты и проч. Заключение такое: жалкій Никита, пока не исправится, да будетъ анаеема, вмѣствъ со всѣми упорствующими въ его превратномъ ученіи; желающій, по глупости своей, быть учителемъ, онъ не понимаетъ того, чему учить и что утверждаетъ, и пусть лучше изучаетъ науку молчанія тотъ, кто никогда не учился говорить.—Такъ какъ ни въ посланіи

Льва охридскаго, ни въ трактатѣ Никиты латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа не было затронуто, то и Гумберту не пришлось долемизировать и аргументировать по этому пункту, который слѣдовательно въ полемикѣ, предшествующей окончательному раздѣленію церквей остался въ сторонѣ, и если потомъ Керуларій упоминаетъ о немъ въ посланіи къ Петру антиохійскому, а равно и этотъ послѣдній въ отвѣтномъ посланіи къ Керуларію (при чемъ оба они, какъ мы увидимъ, смотрятъ неодинаково на этотъ пунктъ), то, во всякомъ случаѣ, латинянамъ не пришлось опровергать восточное ученіе и защищать свое собственное.

Эффектъ отвѣда Гумберта Никитѣ былъ довольно замѣчательный. Юня 24-го 1054 г. императоръ, со всѣмъ дворомъ и съ легатами, посѣтилъ Студійскій монастырь, въ которомъ жилъ Никита, и послѣдній призналъ себя изобличеннымъ, произнесъ анафему на свою книгу и на всѣхъ хулителей римской церкви и самую книгу сжегъ. А на другой день Никита посѣтилъ легатовъ во дворцѣ, въ которомъ они проживали, и, принятый ими дружески, возобновилъ свои анафемы на хулителей римской церкви, такъ что легаты приняли его въ свое общеніе, и онъ сдѣлался ихъ «другомъ». Такъ рассказываетъ кардиналъ Гумбертъ въ своемъ отчетѣ о путешествіи. Димитракопуло оспариваетъ этотъ фактъ на томъ основаніи, что трактатъ Никиты уцѣлѣлъ въ рукописяхъ, и, стало быть, не былъ сожженъ, *ergo* Гумбертъ выдумалъ небывалый фактъ. Но трактатъ, еще раньше личныхъ объясненій Никиты съ легатами, былъ, безъ сомнѣнія, распространенъ въ копіяхъ,—для того вѣдь онъ и составлялся, чтобы дать ему распространеніе. А затѣмъ и самъ Никита могъ оставаться «другомъ» легатовъ лишь на короткое время, пока легаты находились въ столицѣ подъ покровительствомъ императора: когда же побѣда осталась за патриархомъ, безъ сомнѣнія, онъ успѣшилъ заглядить свою вину передъ нимъ и восстановить текстъ своего трактата, даже если бы сожженный экземпляръ былъ единственнымъ, существовавшимъ въ тотъ моментъ ¹⁾. Что Никита скоро пересталъ

---

¹⁾ Гергенрёттеръ (III, 741) предполагаетъ, что сочиненіе Никиты успѣло получить распространеніе даже въ Италиі, въ то время еще, пока легаты находились въ Константинополѣ.

быть «другомъ легатовъ», объ этомъ хорошо говорятъ его новыя полемическія произведенія о Св. Духѣ противъ латинянъ и объ опрѣсновахъ противъ армянъ. Такимъ образомъ, не имѣя основанія подвергать сомнѣнію правдивость разсказываемаго Гумбертомъ факта, мы можемъ представить себѣ, насколько уязвленнымъ чувствовалъ себя патріархъ при пораженіи и отступничествѣ своего союзника, который доведенъ былъ до необходимости произнести анаѣму и своему произведенію, и всѣмъ хулителямъ римской церкви. Это было не въ бровь, а прямо въ глаза патріарху, который самъ именно и былъ инициаторомъ и инспираторомъ этихъ «хулений».

Выше было упомянуто, что патріархъ Михайль Керуларій, извѣстившись о перепискѣ Петра антиохійскаго съ папой (и съ Доминикомъ венеціанскимъ), счелъ нужнымъ принять мѣры къ тому, чтобы отвратить симпатіи Петра отъ запада и привлечь его на свою сторону. Справедливость требуетъ сказать, что посланіе Керуларія къ Петру бросаетъ неблагоприятный свѣтъ на константинопольскаго патріарха, и что греческій историкъ Димитракопуло, излагающій исторію раздѣленія церквей словами этого посланія, стоитъ очень далеко отъ дѣйствительной исторіи той *схίσματος*. До меня дошелъ слухъ, говоритъ Керуларій адресату, что какъ ты, такъ и александрійскій и іерусалимскій патріархи возносятъ имя папы въ церковныхъ диптихахъ,—странно видѣть такое невѣдѣніе, особенно въ тебѣ. Извѣстно, что со времени св. и вселенскаго шестого собора и на все будущее время имя папы въ нашихъ св. церквахъ было вычеркнуто изъ диптиховъ по той причинѣ, что тогдашній римскій папа *Вигилій* не желалъ придти на тотъ соборъ и провозгласить анаѣму на сочиненія Феодорита и Ивы. *Съ того времени и донынѣ* папа былъ отлученъ отъ католической церкви,—вотъ почему намъ и показался невѣроятнымъ слухъ о поминовеніи папы, особенно у тебя — мужа, столь выдающагося знаніемъ и разсудительностію. Керуларій сообщаетъ Петру, что, наслышавшись о добродѣтели и проч. папы, онъ послалъ ему письмо, но письмо это *перехватили Артуръ и отъ имени яко бы папы* прислалъ съ *самозванными легатами* въ столицу яко бы посланіе, на самомъ дѣлѣ *самимъ Артуромъ* сочиненное. Самозванные легаты, продолжаетъ Керуларій, прибывъ въ столицу,

явились прежде всего къ императору съ заносчивымъ и надменнымъ видомъ, духомъ, поступью (*μετὰ σοβαροῦ καὶ γαύρου σχήματος καὶ φρονήματος καὶ βαδίσματος*), а потомъ пришедши къ нашей мѣрности, проявили всяческую гордость, спѣсь и заносчивость (*ὑπερηφανία, ἀλαζονία καὶ αὐθάδεια*), никакого привѣтствія не оказали намъ, никакого наклоненія головы и обычнаго *поклоненія* (*προσκύνησις*)¹⁾ отъ нихъ не было; они не хотѣли и слышать о томъ, чтобы сидѣть съ нами въ официальномъ засѣданіи (*ἐν τῷ σεκρέτῳ*) *ниже митрополитовъ*, какъ бы это следовало согласно съ *изначальнымъ обычаемъ*, считая это величайшею для себя обидой. Даже и императору они никакого почтенія не оказали, но, величаясь и воображая о себѣ слишкомъ много, вошли во дворецъ съ крестомъ и съ *снипетромъ*. И вотъ, не исполнивъ ничего изъ того, что следовало исполнить, легаты передали намъ запечатанное посланіе и немедленно удалились. Сломавъ печать, патриархъ тотчасъ же убѣдился, что *посланіе—подложное, ибо въ немъ содержалось то самое, что раньше лично говорилъ ему Ариуръ*, въ бытность его въ Константинополь, особенно *по поводу отреченіевъ*, за что и былъ трижды или четырежды исключаемъ отъ божественнаго причащенія. Намъ вручена, говорятъ между прочимъ Керуларій, наместникомъ и духовъ антиохійскимъ Селеромъ копія съ твоего посланія къ епископу градскому (венеціанскому)²⁾; по прочтеніи ея, оказалось, что въ посланіи говорится въ особенности много объ *опрѣсновахъ* (!), съ опущеніемъ другихъ, гораздо болѣе тяжкихъ заблужденій латинявъ, а если и онъ, Доминикъ, писалъ такъ къ

¹⁾ Προσκύνησις духовенства предъ патриархомъ вѣроятно должна была состоять въ томъ же, въ чемъ состояла προσκύνησις подданныхъ предъ императоромъ: въ поклоненіи до земли и цѣлованіи коленъ.

²⁾ Титулы „аквилейскаго“ и „градскаго“ перешли къ венеціанскому епископу исторически. Когда лонгобарды стали завоевывать провинціи верхней Италіи, аквилейскій епископъ бѣжалъ на островъ Градо (недалеко отъ Триеста), продолжая титуловаться аквилейскимъ. Около того же времени, пятый вселенскій соборъ, какъ извѣстно, произвелъ въ Италіи расколъ между сторонниками этого собора и между противниками осужденія „трехъ главъ“. Старая Аввиея не признавала пятаго собора, а Градо-Аввиея стояла за этотъ соборъ. Возсоединеніе совершилось около 700 г. (Hefele, II, 915—923), и епископъ градо-аквилейскій, распространившій свою власть на Венецію, а позднѣе и переселившійся въ Венецію, удержалъ свои прежніе историческіе титулы.

твоей святости, то потому, что объ этомъ писала *ему* наша мѣрность, но ни о чемъ такомъ не объявляла ни самому папѣ, ни кому-либо другому изъ его епископовъ, за исключеніемъ того посланія, коюю съ котораго мы теперь къ тебѣ посылаемъ ¹⁾).

Далѣе въ посланіи Керуларія къ Петру антиохійскому говорится о разныхъ другихъ заблужденіяхъ латинявъ, въ томъ числѣ о такихъ, о которыхъ ни слова не было ни въ посланіи Льва охридскаго, ни въ статьѣ Никиты, напримѣръ объ употребленіи въ пищу нечистыхъ вещей, о мясояденіи монаховъ, объ употребленіи ими въ пищу свинины и даже кожи, объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, о доволеніи брака между двумя братьями и двумя сестрами, о неправильномъ способѣ причащенія, состоящаго будто бы въ томъ, что одинъ вкушаетъ опрѣсноки, а другіе цѣлуютъ

---

¹⁾ Мѣсто это вѣроятно искажено переписчиками. Въ греческомъ текстѣ оно читается такъ: εἰ τάχα δὲ καὶ ἔγραψεν οὕτως ἰ πρὸς τὴν σὴν ἀγιότητα, ὅτι περὶ τούτων ἔγραψεν αὐτῷ ἡ μετριότης ἡμῶν· ἀλλ' οὐν περὶ οὐδενὸς τούτων ἐδήλωσε ποτὲ ἢ αὐτῷ τῷ πάπᾳ ἢ τινὶ ἄλλῳ τῶν ἐπισκόπων αὐτοῦ πλὴν τῆς ἐπιστολῆς ἧς νῦν πρὸς σὲ τὸ ἴσον ἐξαπεστείλαμεν. Изъ словъ: ὅτι περ τούτων ἔγραψεν αὐτῷ ἡ μετριότης ἡμῶν г. Скабалановичъ (Христ. Чт. 1884, II, 735) заключилъ, что Керуларій, одновременно съ посланіемъ Льва охридскаго отправилъ посланіе къ Доминику, въ которомъ трактовался вопросъ объ опрѣсновахъ, и что оно-то именно и побудило Доминика (а не папа) писать въ Антиохію, что напрасно-де взведено на римскую церковь константинопольскимъ клиромъ обвиненіе въ нарушеніи церковнаго единства введеніемъ опрѣсноковъ. Однако, въ виду того, что у Мина въ подстрочномъ примѣчаніи читается вариантъ: αὐτό, ~~вмѣсто αὐτῷ~~, можно думать, что не о посланіи Керуларія къ Доминику шлъ рѣчь, а о посланіи патріарха по тому же предмету, т. е. объ опрѣсновахъ, при чемъ подразумевалось бы посланіе Льва охридскаго по инициативѣ Керуларія. Если же правильно чтеніе: αὐτῷ, то приходится предположить одно изъ двухъ: или фактъ отправленія посланія къ Доминику выдуманъ, какъ выдуманы факты аргирова подлога и самозванства легатовъ, выдуманъ для того, чтобы показать, что, благодаря Керуларіемъ же данному толчку, Доминикъ писалъ Петру антиохійскому, или этотъ фактъ былъ на самомъ дѣлѣ, и тогда онъ свидѣтельствовалъ бы о томъ, что планъ нападенія на латинявъ былъ обдуманъ еще шире и тщательнѣе, чѣмъ раньше было сказано. Было отправлено еще вызывающее посланіе, и почему-то прямо отъ имени патріарха, а не черезъ подставное лицо, къ Доминику венеціанскому о тѣхъ же опрѣсновахъ. Во всякомъ случаѣ никакого документа отъ имени Керуларія на имя Доминика до насъ не дошло.

его. въ этомъ яво бы цѣлованіи и поставляя причащеніе, о пошеніи епископами на рукахъ колець, въ знакъ союза ихъ съ церквами, какъ бы съ ихъ женами, о самоличномъ участіи епископовъ въ сраженіяхъ, о крещеніи въ одно погруженіе съ наполненіемъ усть крещаемыхъ солью, о непочитаніи латинянами мощей и даже св. иконъ (нѣсколько позднѣе Теофилактъ болгарскій называлъ это обвиненіе противъ латинянъ *σατανική συκοφαντία*—дьявольскою клеветою ¹⁾), о непризнаніи будто бы святыми великихъ учителей Григорія, Василія и Златоуста. Но, *что всего важнѣе, что наиболее тяжело изъ всѣхъ ихъ заблужденій*, проговорился Керуларій, (между тѣмъ какъ въ статьяхъ, прямо обращенныхъ по адресу западной церкви, объ этомъ-то важномъ пунктѣ и не говорится ни слова),—это разсужденіе легатовъ, что они *пришли—де сюда не для того, чтобы ихъ учили, или чтобы съ ними диспутировали, а чтобы учить и обязывать къ соблюденію ихъ догматовъ, и подобныя вещи они говорятъ съ властью и безстыдствомъ* (*μετ' ἐξουσίας καὶ ἀναίσχυντίας*).—Легаты, разумѣется, прибыли въ Константинополь, какъ представители епископа, считавшаго себя высшею церковною властью, и притомъ же отправленные къ императору, а не къ патриарху, и поэтому Керуларій напрасно ожидалъ, что они воздадутъ ему такое же «поклоненіе», съ которымъ обращалось къ нему греческое духовенство. А мѣсто, которое указывалъ имъ Керуларій—ниже греческихъ митрополитовъ—было уже совершеннымъ нарушеніемъ традиціоннаго церковнаго порядка. Изъ исторіи извѣстно, что раньше легаты даже на вселенскихъ соборахъ занимали всегда мѣсто выше самихъ патриарховъ, а не только греческихъ митрополитовъ, и ссылка Керуларія на «значальный» обычай свидѣтельствуетъ или о незнаніи исторіи, или о сознательномъ уклоненіи отъ правды. За тридцать пять лѣтъ до столкновенія Керуларія съ легатами, въ Константинополѣ произошло любопытное событіе, отмѣченное Кедреномъ ²⁾: въ день пятидесятницы возникла большая смута изъ за мѣсть при богослуженіи, такъ

---

¹⁾ „Μὴ γὰρ δὴ παραδειώμεθα τὴν σατανικὴν ἐκείνην συκοφαντίαν, ὡς ἄρα λατίνοις οὐ παραδεκτέα ἢ τῶν εἰκόνων προσκύνησις“. *Migne, Patr. gr.*, t. CXXVI, стр. 246.

²⁾ II, 487.

какъ митрополиты не желали допустить, чтобы синкеллы патриарха сидѣли выше ихъ. Весьма возможно, что синкеллы ¹⁾ не безъ воли патриарха заявили притязаніе на высшій рангъ предъ митрополитами, а митрополиты вѣроятно чувствовали за собою поддержку двора ²⁾. Такимъ образомъ, если въ Константинополѣ даже синкеллы патриарха не довольствовались своими мѣстами ниже митрополитовъ, а пытались отвоевать себѣ высшій рангъ, то предложеніе римскимъ легатамъ занять мѣста ниже митрополитовъ было прямымъ оскорбленіемъ самаго вызывающаго характера. Одно обстоятельство, повидимому, могло бы говорить въ пользу Керуларія: легаты отправились изъ Рима въ январѣ 1054 г. и прибыли въ Константинополь не ранѣе іюни, а въ апрѣлѣ папа Левъ IX умеръ, и въ теченіе цѣлаго года римская кафедра оставалась вакантною, такъ что пребываніе легатовъ въ Константинополѣ падаетъ на время вакантности папскаго престола. Это обстоятельство дѣйствительно и подало г. Скабалановичу ³⁾ поводъ къ слѣдующему разсужденію: «для Керуларія, воспитаннаго на византійской формалистикѣ и этикетѣ, трудно было понять, чтобы посольство могло существовать безъ посланнаго, уполномоченнаго безъ лица уполномочившаго, и онъ былъ убѣжденъ, или по крайней мѣрѣ другихъ хотѣлъ убѣдить, что легаты были не настоящими, а самозванными посланцами папы Льва». Но надо полагать, что наиболѣе строго византійская формалистика и этикетъ соблюдаемы были при самомъ византійскомъ дворѣ, и однако императоръ признавалъ легатовъ въ ихъ качествѣ пословъ, и патриарху тутъ рѣшительно не о чемъ было размышлять, а тѣмъ болѣе не слѣдовало сочинять небылицы объ аргировомъ подлогѣ.

---

¹⁾ Синкеллы—собственно сожители, живущіе въ одной кельѣ, или въ одномъ помѣщеніи съ патриархомъ и состоящіе постоянными свидѣтелями его добродѣтельной жизни. Въ XI в. синкеллъ означалъ скорѣе почетное отличіе, чѣмъ должность или чѣмъ положеніе такого сожителя, такъ что многіе епископы, управлявшіе своими епархіями, носили этотъ титулъ, указывавшій на особую близость къ патриарху. Эта близость поощряла и т. н. „архонтовъ“, т.-е. высшихъ должностныхъ лицъ патриаршей церкви, въ особенности хартофилакса, къ претензіи садиться выше епископовъ. См. *Zachariae*, Jus graeco-romanum, Р. III, nov. XLII.

²⁾ Ср. *Gfrörer*, Byz. Gesch. III, 132.

³⁾ Христ. Чт. 1885, I, 123.

Притомъ же свиданіе легатовъ съ патриархомъ должно было, безъ сомнѣнія, состояться на первыхъ порахъ ихъ пребыванія въ Константинополѣ, когда извѣстіе о смерти папы могло еще не дойти сюда.

Своихъ личныхъ взглядовъ на высшую церковную власть Керуларій не высказываетъ, и у него нѣтъ нимагѣйшаго намека на ту наивную теорію пяти чувствъ, которую достопочтенный патриархъ антиохійскій развилъ подробно въ своемъ посланіи къ Доминику венеціанскому, хотя самъ же Керуларій говоритъ, что копія съ этого посланія сообщена была ему антиохійскимъ дуккой Склеромъ, и слѣдовательно содержаніе посланія было ему извѣстно. Теорія пяти чувствъ не могла себѣ найти никакого сочувствія въ константинопольскомъ патриархѣ, и онъ не рѣшается, правда, выразить откровенно свое несочувствіе, но косвенно даетъ понять адресату, что онъ не сторонникъ этой теоріи: онъ *возмущаетъ* на антиохійскаго патриарха *порученіе изслѣдовать*, вѣрны ли дошедшіе до Керуларія слухи о томъ, что въ восточныхъ патриархатахъ упоминается имя папы въ церковныхъ диптихахъ, и допускаются къ общенію люди, «принимающіе опрѣсноки».

А теорія Петра антиохійскаго, развитая въ посланіи къ Доминику, стоитъ того, чтобы на ней остановиться. Можно сказать, что теорія пяти чувствъ въ этомъ посланіи нашла себѣ классическое выраженіе. Петръ высказываетъ свое удивленіе по поводу того, что предстоятель Аввилей называетъ себя «патриархомъ», между тѣмъ какъ въ цѣломъ мірѣ установлено Божіею благодатію всего пять патриарховъ: римскій, константинопольскій, александрійскій, антиохійскій и іерусалимскій, да и изъ нихъ, строго говоря, единственный, кому исключительно принадлежитъ этотъ титулъ, есть антиохійскій, такъ какъ римскій и александрійскій называются папами, а константинопольскій и іерусалимскій— архіепископами. Выходя изъ мысли, что всѣ они равны между собою, не смотря на различіе титуловъ, Петръ проситъ Доминика принять въ соображеніе слѣдующее: Тѣло чловѣка управляется одною головою; членовъ въ немъ много, но всѣ они руководятся пятью чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ. Тоже самое и въ тѣлѣ Христо-вомъ, т. е. въ церкви вѣрующихъ. Многіе народы входятъ въ него,

какъ бы члены, и, подъ руководствомъ пяти чувствъ, т. е. великихъ престоловъ, управляются единымъ Главой—Христомъ. И подобно тому, какъ кромѣ пяти чувствъ, нѣтъ какого либо еще иного, такъ и сверхъ пяти патріарховъ не можетъ быть никакого иного. Итакъ пятью этими престолами, какъ бы чувствами, всѣ національныя церкви и всѣ мѣстные епископы руководятся подъ единымъ главенствомъ Христа, истиннаго Бога. Слѣдовательно, какимъ же образомъ можно бы было называть кого либо шестымъ патріархомъ, когда шестого чувства не имѣется въ тѣлѣ чело-вѣческомъ? Приводятся въ примѣръ архіепископъ болгарскій и іерархи Вавилона, Ромагириса или Хорасана и прочія цѣлаго востока епархій. Въ нихъ посылаются нами, говоритъ Петръ, архіепископы и католикосы, которыми рукополагаются митрополиты для отдѣльныхъ частей этихъ странъ, а эти послѣдніе имѣютъ въ свою очередь подчиненныхъ имъ многихъ епископовъ, но ни одинъ изъ нихъ никогда не называлъ себя патріархомъ¹⁾.

Дошедшее до насъ отвѣтное посланіе Петра антїохійскаго Керуларію не могло быть пріятно для послѣдняго, хотя Петръ остался съ впечатлѣніемъ о вѣщательствѣ Аргира въ церковныя дѣла, т. е. Керуларію удалось убѣдить Петра въ самозванствѣ легатовъ. Петръ начинаетъ съ поправки грубой исторической ошибки, касающейся времени исключенія имени папъ изъ церковныхъ диптиховъ, изъ учтивости, впрочемъ, приписывая невѣжество не самому Керуларію, а его хартофилаксу. Петръ говоритъ, что онъ стыдится за содержаніе полученнаго имъ посланія, особенно если подобное же посланіе отправлено и къ другимъ патріархамъ. Онъ иронически говоритъ о константинопольскомъ хартофилаксѣ, что,

---

¹⁾ Въ послѣднемъ пунктѣ, какъ и въ цѣлой теоріи пяти чувствъ, Петръ живетъ, вѣроятно, не въ мірѣ реальныхъ фактовъ, а въ мірѣ благочестивыхъ желаній и воспоминаній. Католикосы Вавилона и Хорасана, даже еще раньше, тѣмъ персидское христіанство сдѣлалось несторіанскимъ, скорѣе въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности зависѣли отъ антїохійскаго патріархата, а тѣмъ болѣе ни о какой зависимости нельзя было говорить, послѣ того какъ христіане Персіи отдѣлились отъ католической церкви. Но заслуживаетъ нашего вниманія то обстоятельство, что, ставя на одну линію съ вавилонскимъ и другими католикосами архіепископа болгарскаго, Петръ *eo ipso* и послѣднаго не считалъ автокефальнымъ, а слѣдовательно не считалъ автокефальнымъ и прежняго предславскаго или доростольскаго патріарха, даже не признавалъ за нимъ этого титула.

быть можетъ, онъ силенъ въ риторической наукѣ, но, по молодости, еще недостаточно свѣдуещъ въ церковныхъ дѣлахъ, и сравниваетъ его, употребляя выраженіе Іоанна Лѣствичника, съ молодымъ виномъ, только что вышедшимъ изъ точила. Вигилій, поучаетъ Петръ Керуларія, былъ во время *пятого, но не шестого* собора, а между пятымъ и шестымъ соборами, прошло 139 лѣтъ¹⁾; Вигилій былъ лишь на короткое время отдѣленъ отъ общенія, такъ какъ имѣлъ разногласіе съ патріархомъ Мной, и, по устраненіи разногласія, миръ между ними былъ восстановленъ. Во времена же шестого собора папой былъ Агаеонъ, мужъ достопочтенный и въ божественныхъ дѣлахъ мудрый. Да я и самъ помню, добавляетъ Петръ, что, при блаженной памяти моему предшественникѣ Іоаннѣ, папа римскій, тоже Іоаннъ, числился въ церковныхъ диптихахъ. Мало того, и въ Константинополѣ самомъ, когда я былъ тамъ, *сорокъ пять лѣтъ тому назадъ*, при блаженной памяти патріархъ Сергіѣ, имя папы находилось въ диптихахъ, и какимъ образомъ прекратилось потомъ возношеніе его имени, мнѣ неизвѣстно.—Прочитавъ Керуларію, въ лицѣ его хартофилакса, урокъ по церковной исторіи, антиохійскій патріархъ приступаетъ къ разсмотрѣнію заблужденій римлянъ, различая такія, которыя подлежатъ осужденію и должны быть избѣгаемы, такія, которыя допускаютъ уврачеваніе, и наконецъ такія, на которыя не стоитъ даже и вниманіе обращать. Что за дѣло, напримѣръ, если епископы брѣютъ бороды и, въ знакъ обрученія съ церковью, носятъ кольца? Вѣдь и мы, говоритъ Петръ, въ честь верховнаго апостола Петра, какъ основанія церкви, носимъ на головѣ гуменце (*ταράρα, πταλίφρα, tonsuram*, откуда видно, что восточное духовенство въ это время выстригало темя головы, оставляя волосы по краямъ головы). Что касается сквернояденія и употребленія монахами въ пищу сала и свиного мяса, то подобное найдется и у насъ, ибо въ Визиніи, Фракіи и Индіи ѣдятъ сорокъ, галокъ, голубей, земляныхъ ежей,—вѣдь никакое творе-

---

¹⁾ Такимъ образомъ и Петръ антиохійскій, знающій исторію лучше, чѣмъ Керуларій, допускаетъ ту же ошибку, какъ и Никита Пекторатъ, утверждая, что между пятымъ и шестымъ соборами прошло 139 лѣтъ, слѣдовательно шестой соборъ относится къ 692 г. (553+139) и въ то же время представляя Агаеона современникомъ его.

ніе Божіе не должно быть отвергаемо, если принимается съ благодареніемъ, о чемъ свидѣтельствуеъ книга Дѣяній (извѣстное видѣніе апостола Петра), и что подтверждается словами Василія В. и Пахомія. Иное дѣло прибавна къ символу. Въ этомъ пунктѣ Петръ антиохійскій снова изобличаетъ свою собственность нетвердость въ исторіи, приписывая первому вселенскому собору установленіе ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и разсуждая такимъ образомъ: римляне де, вѣроятно, потеряли списки перваго собора никейскаго при завоеваніи города Рима вандалскимъ народомъ, отъ котораго они и научились арианствовать и крестить въ одно погруженіе,—если вѣрно то, что ты пишешь, добавляетъ Петръ Керуларію. Тѣмъ не менѣе антиохійскій патріархъ взываетъ къ константинопольскому о мирѣ и братской любви, ибо и латиняне, говоритъ онъ, суть братья наши, хотя, по причинѣ ихъ деревенщины и необразованности, часто случается, что они отступаютъ отъ должнаго, слѣдуя своему хотѣнію,—отъ варварскихъ народовъ нельзя и требовать того, что требуется отъ людей воспитанныхъ. Достаточно и того, если они правильно исповѣдуютъ Св. Троицу и тайну воплощенія. Петръ строго порицаетъ латинское воспрещеніе священникамъ имѣть законныхъ женъ, а также употребленіе въ пищу мяса и сыра въ первую недѣлю поста, относительно же опрѣсноковъ не повторяетъ своей аргументаціи въ пользу греческаго обряда, ссылаясь на свое посланіе къ Доминику. Если далѣе у латинявъ ѣдятъ удавленину, или два брата женятся на двухъ родныхъ сестрахъ, то это дѣлается, вѣроятно, не по распоряженію папы или епископовъ, а по злоупотребленію, какъ и у насъ, безъ нашего вѣдома, возможны разныя злоупотребленія. Напримѣръ, въ Студійскомъ монастырѣ,—не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, говоритъ Петръ Керуларію,—діаконы надѣваютъ на себя пояса: дѣло совсѣмъ несообразное съ церковнымъ преданіемъ, и ты, столько труда положившій на искорененіе этого обычая, не достигъ цѣли. Что же удивительнаго, если мы окажемся не въ состояніи отвратить гордый и надменный народъ (т. е. латинявъ) отъ свойственныхъ ему обычаевъ. Обвиненіе латинявъ въ непочитаніи иконъ Петръ прямо отвергаетъ ссылкой на то, что папа Адріанъ, «предсѣдательствовавшій (!) на седьмомъ соборѣ», анаематствовалъ иконобор-

цевъ, что многія св. иконы изъ Рима доставлены были въ Константинополь, и что франки-паломники, въ бытность на востокъ, посѣщаютъ здѣшніе храмы и воздаютъ св. иконамъ всяческое почтеніе. Потомъ еще разъ антиохійскій пастырь горячо и усиленно проситъ константинопольскаго патріарха не доводить дѣла до разрыва.—Послание его есть цѣнный историческій документъ, свидѣтельствующій о томъ, что на востокъ нашелся въ то время чело-вѣкъ христіанскаго чувства и здраваго смысла; не только различавшій между заблужденіями латинянь важныя отъ неважныхъ; но не допускавшій мысли о разрывѣ даже и изъ-за такихъ заблужденій, которыя онъ считалъ важными. Эта честь и останется за нимъ навсегда въ исторіи, хотя въ данномъ случаѣ досто-почтенный антиохійскій патріархъ заповѣдалъ съ своимъ примирительнымъ посланіемъ. Въ Константинополѣ событія шли такъ быстро, что, ко времени полученія посланія адресатомъ, разрывъ былъ уже совершившимся фактомъ.

Изъ посланія Керуларія къ Петру мы видѣли, какое чувство оставили въ немъ легаты, при личномъ ихъ съ нимъ свиданіи, говорили также о томъ, насколько неприятно было патріарху отступничество Никиты. Прибавимъ къ этому, что, съ прибытіемъ легатовъ въ Константинополь, по всей вѣроятности, латинскія церкви, закрытыя раньше по распоряженію патріарха, были вновь открыты, или, можетъ быть, устроены другія, по приказанію императора. Объ этомъ слѣдуетъ заключить изъ отчета легатовъ о своемъ путешествіи (см. ниже), въ которомъ они говорятъ, что они оставили столицу, «устроивъ дѣла тамошнихъ латинскихъ церквей». Патріархъ былъ раздраженъ, но онъ былъ сдержанъ и выжидалъ, слѣдуя принятой имъ политикѣ—уклоняться отъ всякихъ дальнѣйшихъ свиданій и объясненій съ легатами, и ждать ему пришлось недолго. Римскіе легаты оказались не дальновидными и осторожными дипломатами, каковыми впоследствии заявили себя папскіе дипломаты, а людьми несдержанными и безтактными. Выведенные изъ терпѣнія уклончивостію Керуларія, которая дѣлала невозможнымъ веденіе переговоровъ, и полагаясь на поддержку императора, легаты рѣшились смирить патріарха публичною демонстраціей. Можетъ быть, они рассчитывали возстановить общественное мнѣніе противъ патріарха, какъ винов-

нина зла и, можетъ быть, даже предвзвѣшали удовольствіе видѣть низложеніе патріарха, при весочувствіи къ нему императора и народа. И вотъ, 16 іюля 1054 г. они вошли въ храмъ Св. Софіи, полный молящагося народа и, послѣ прожженія рѣчи предъ народомъ, въ которой жаловались на упорство патріарха, положили на престолъ грамоту, содержащую въ себѣ приговоръ объ отлученіи Керуларія и его единомышленниковъ, потомъ, выходя изъ храма, отрясли прахъ отъ ногъ своихъ съ восклищеніемъ: «пусть видитъ Богъ и судить» (*videat Deus et judicet*). Очередные диаконы, безъ сомнѣнія не вдругъ опомнившіеся отъ этого небывалаго прожженія, сняли съ престола грамоту и представили ее патріарху, который послѣ нѣкотораго колебанія взялъ ее, чтобы не допустить ея распространенія и велѣлъ перевести ее на греческій языкъ. Въ грамотѣ легаты говорили, что св. римскій первый и апостольскій престолъ, которому, какъ главѣ, принадлежитъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, въ видахъ церковнаго мира и пользы, препроводилъ ихъ, своихъ апокризіаріевъ, въ царствующій городъ, чтобы черезъ нихъ узнать о вѣрности или невѣрности дошедшихъ до него слуховъ. Легаты радуются благочестію императора, клира, сената и народа, ибо, что касается столповъ имперіи и почтеннѣйшихъ гражданъ, они нашли городъ этотъ городомъ христіаннѣйшимъ и православнымъ, — но еще болѣе нашли такого, о чемъ слѣдуетъ печалиться, что касается именно Михаила, до злоупотребленію называемаго патріархомъ, и его сторонниковъ, распространяющихъ ежедневно среди столицы плевелы своихъ ересей. Легаты находятъ въ Михаилѣ и его сторонникахъ разнообразныя ереси: симоніанъ, валентиніанъ, аріанъ, донатистовъ, николаитовъ, северіанъ, пневматомаховъ, манихеевъ и назореевъ, подводя подъ эти ереси тѣ особенности, которыми восточная церковь отличалась отъ западной. По поводу своихъ заблужденій Михаилъ, приглашенный къ раскаянію папой Львомъ, не одумался и напротивъ легатамъ, представителямъ папы, желавшимъ искоренить причины таковыхъ зодъ, отказалъ въ свиданіи и въ разговорѣ, запретилъ въ латинскихъ церквахъ службу, заперевъ ихъ еще раньше прибытія легатовъ, обыывая латинянъ азимитами и всячески преслѣдуя ихъ, такъ что, въ лицѣ сыновъ латинской церкви, онъ осудилъ самую каеедру апостольскую, въ

противность которой притомъ же называетъ себя вселенскимъ патріархомъ. Поэтому легаты властію Св. и нераздѣльной Троицы, во имя апостольскаго престола, представляемаго ими, а также православныхъ отцовъ семи вселенскихъ соборовъ и всей католической церкви, провозглашаютъ анаѹему Михаилу, по злоупотребленію называемому патріархомъ, — неопиту и лишь страха ради чловѣческаго сдѣлавшемуся монахомъ, а также Льву окридскому и сакелларію Константину, растоптавшему ногами латинскую Жертву, и всѣмъ послѣдователямъ его, если не раскаются.

Грамота остается печальнымъ историческимъ документомъ, свидѣтельствующимъ объ убожествѣ представителей римской церкви, которые не въ состояніи были понять, что признаніе Михаила еретикомъ за то, что онъ отстаиваетъ восточную практику, и признаніе въ то же время православными императора и народа, которые также стояли за восточную практику и не поступились бы ею въ пользу западной, есть логическое противорѣчіе, граничащее съ отсутствіемъ здраваго смысла. Если бы легаты ограничились осужденіемъ тѣхъ, кто римскую церковь не признаетъ церковью за то, что она имѣетъ тѣ или другія особенности сравнительно съ восточною, то право и здравый смыслъ были бы на ихъ сторонѣ, потому что они не выпли бы изъ оборонительнаго положенія, въ которое латинскій міръ былъ поставленъ наступательнымъ образомъ дѣйствій Керуларія. Но они теперь сами, не понимая того, что дѣлаютъ, произвели нападеніе на восточную церковь. Михаилъ подвергнутъ анаѹемѣ впредь до раскаянія (*nisi forte resipuerit*), но въ чемъ могло бы состоять раскаяніе? Не въ томъ, что онъ пересталъ бы порицать римскую церковь и перекрещивать латинянъ, а въ томъ, что онъ пересталъ бы проповѣдывать ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца, защищать бракъ духовенства и служеніе Евхаристіи на кисломъ хлѣбѣ. Сохранилась еще другая формула экскоммуникаціи, произнесенной легатами устно, въ присутствіи императора и сановниковъ: всякій, кто будетъ упорно противорѣчить вѣрѣ св. римскаго и апостольскаго престола и ея Жертвѣ, да будетъ анаѹема маранаѹа и да не считается христіаниномъ католическимъ, а еретикомъ *прозими-томъ* ¹⁾. Эта формула болѣе продумана, хотя и въ ней «прози-

¹⁾ Item alia excommunicatio ibidem facta in praesentia imperatoris et opti-

митъ», въ противоположность «азимиту» все таки названъ еретикомъ.

Послѣдствія необдуманнаго шага легатовъ не заставили себя долго ждать. Вотъ что сами они рассказываютъ въ своемъ докладѣ или отчетѣ о пребываніи ихъ въ столицѣ. Устроивъ дѣла латинскихъ церквей въ Константинополь и провозгласивъ анаѹему всѣмъ, которые будутъ причащаться изъ рукъ грека, порицающаго латинскую Жертву (это уже совсѣмъ не то, что выражено въ обихъ эскоммуникаціонныхъ формулахъ!), легаты направились въ обратный путь, обласканные и одаренные императоромъ. Но, по настоятельной просьбѣ Михаила, увѣрявшаго, что онъ желаетъ устроить конференцію съ ними, императоръ вернулъ ихъ съ пути. Когда они снова помѣстились во дворецъ «Источника», ересіархъ Михаилъ сталъ стараться о томъ, чтобы на слѣдующій день завлечь ихъ въ Софійскую церковь и здѣсь, прочитавъ ихъ грамоту въ искаженномъ видѣ, натравить на нихъ народную массу. Умный императоръ, предвидя, что можетъ случиться при этомъ, настаивалъ, чтобы патриархъ устроилъ засѣданіе, и непременно въ личномъ присутствіи самого императора, и когда патриархъ рѣшительно отказался отъ этого предложенія, императоръ велѣлъ легатамъ немедленно отправляться въ путь, что они и исполнили. Михаилъ, раздосадованный тѣмъ, что легаты ускользнули изъ его рукъ, произвелъ бунтъ въ народѣ, такъ что императоръ былъ вынужденъ выдать патриарху головой состоявшихъ при легатахъ переводчиковъ Павла и Смарагда, предварительно подвергнувъ ихъ тѣлесному наказанію и остриженію, благодаря чему волненіе улеглось. Позднѣе императоръ, получивъ изъ города руссовъ достовѣрнѣйшій экземпляръ эскоммуникаціонной грамоты и убѣдившись, что Михаилъ искажилъ ее, лишилъ его друзей и свойственниковъ ихъ должностей, выпроводивъ ихъ изъ дворца, а противъ самого Михаила и до сихъ поръ держать въ себѣ гнѣвъ.

Въ синодальномъ эдиктѣ, т. е. въ постановленіи или въ актѣ

---

matum ejus viva voce. „Quicumque fidei sanctae romanae et apostolicae sedis ejusque sacrificio pertinaciter contradixerit, sit anathema maranatha, nec habeatur christianus catholicus, sed prozymita haereticus. Fiat, fiat, fiat.“

засѣданія (συνέσιον) константинопольскаго синода, состоявшагося подь предсѣдательствомъ патріарха изъ нѣсколькихъ епископовъ 20 іюля, т. е. на пятый день послѣ происшествія въ великой церкви, также рассказываетъ объ этомъ происшествіи и о послѣдующихъ событіяхъ. Сначала словами энциклики Фотія говорится о людяхъ, вышедшихъ изъ мрака, т. е. съ запада, и, подобно молніи, вихрю, граду, или, лучше, дикому вепрю, ворвавшихся въ православную столицу съ цѣлю развращенія ея нечестивыми догматами. Эти люди положили на престолѣ великой церкви грамоту, которою отлучили насъ и даже всю православную церковь Божию и всѣхъ, кто не принимаетъ ихъ нечестивыхъ догматовъ, за то именно, что мы желаемъ быть благочестивыми и распространять православную вѣру, обвиня насъ въ разныхъ вещахъ, и въ томъ, что мы не допускаемъ, подобно имъ, брадобритія, искажающаго человѣческой образъ, принимаемъ причащеніе отъ женатыхъ пресвитеровъ, не желаемъ иснажать символъ, утвержденный всѣми вселенскими постановленіями. При этомъ излагается, согласно энцикликѣ Фотія, аргументація въ пользу восточнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа, хотя этотъ пунктъ не былъ затронутъ въ предшествовавшей полемикѣ, и хотя самъ патріархъ Фотій, выставившій впервые обвиненіе по этому пункту, не считалъ нужнымъ возбуждать этотъ спорный вопросъ на соборѣ 879 г. Синодальный эдиктъ Михаила Керуларія усматриваетъ въ латинскомъ ученіи ересь Македонія. О легатахъ говорится тоже, что въ посланіи Керуларія къ Петру антиохійскому, т. е. что они самозванцы, никогда папой не послылавшіеся, а явившіеся по собственной волѣ и побуждаемые коварными совѣтами Аргира, съ посланіемъ за подложною печатью. Относительно факта возложенія грамоты на престолѣ рассказывается, что иподіаконы, сорвавъ ее съ престола, заставляли возложившихъ взять ее назадъ, а когда они отказались, патріархъ, съ цѣлю помѣшать ея распространенію, взялъ ее себѣ и поручилъ нѣкоторымъ, свѣдущимъ въ италійскомъ языкѣ (Козьмѣ, Петру и монаху Іоанну), перевести ее на греческій языкъ. Воспроизводится далѣе текстъ экскоммуникаціонной грамоты, которому, однако, предпосылается то, что выше приведено было, какъ *«alia excommunicatio in praesentia imperatoris et optimatum viva voce»*. Наша мѣрность, говорится

въ эдиктѣ, по поводу случившагося дерзкаго поступка имѣла разговоръ съ императоромъ. Императоръ, такъ какъ люди эти за день передъ этимъ удалились изъ города, послалъ гонцовъ вернуть ихъ. Но они, вернувшись, отказались видѣться съ патріархомъ, или явиться на засѣданіе синода для объясненій по поводу ихъ нечестиваго поступка, заявляя, что они могли бы сказать и еще больше противъ православія патріарха, чѣмъ связано въ ихъ буллѣ, и угрожая, что они скорѣе наложатъ на себя руки, чѣмъ явятся къ патріарху, или на синодъ.

Объ этомъ отвѣтъ легатовъ было доведено до свѣдѣнія патріарха черезъ особое посольство отъ императора. Затѣмъ императоръ, въ виду нежеланія означенныхъ людей явиться къ патріарху и на его синодъ, не желая, съ одной стороны, допустить насиліе въ отношеніи къ людямъ, принимавшихся за пословъ, а съ другой оставить безнаказаннымъ подобное дѣло, сварядилъ новое посольство къ патріарху, въ составѣ котораго, между прочимъ, упоминается «ипать философовъ» (т. е. Пселль, который носилъ этотъ оффиціальнй титулъ), и которое вручило патріарху собственноручное посланіе императора. Текстъ этого посланія буквально воспроизведенъ въ синодальномъ эдиктѣ. Здѣсь говорится: «святѣйшій владыко, произведя изслѣдованіе о случившемся, мое царское величество нашло, что корнемъ зла были переводчики и товарищи Аргира, а также нѣкоторые изъ чужеземцевъ. Не имѣя возможности что либо предпринять по отношенію къ послѣднимъ, виновниковъ зла, по учиненіи имъ тѣлеснаго наказанія, мы препроводили къ твоей святости, дабы и другіе научились не дѣлать на будущее время подобныхъ дерзостей. Самая же грамота, по предавіи анаемѣ тѣхъ, кто давалъ совѣтъ, или издалъ, или написалъ, или съ одобреніемъ отнесся къ происшедшему, должна быть сожжена въ присутствіи всѣхъ; кромѣ того, зятя Аргира и его сына повелѣвается заключить подъ стражу». На основаніи этого царскаго посланія, говорится въ эдиктѣ, составители грамоты и подстрекатели и пособники, въ присутствіи императорскихъ пословъ, въ засѣданіи синода были подвергнуты анаемѣ, но оригиналъ грамоты не былъ подвергнутъ сожженію, а помѣщенъ на храненіе въ хартофилакію, къ вѣчному безчестію и постоянному осужденію тѣхъ, кто изрыгалъ подобныя хулы противъ

Бога нашего. Въ началѣ эдикта помѣчено, что въ засѣданіи синода присутствовало 12 митрополитовъ и два архіепископа, а въ концѣ прибавляется, что, при провозглашеніи анаемы, присутствовали еще семь епископовъ, находившихся въ то время въ столицѣ.

Не теряя времени и не успѣвъ, вѣроятно, получить отвѣтъ на первое свое посланіе къ Петру антиохійскому, Керуларій поспѣшилъ отправить въ Антиохію новое посланіе, въ которомъ римскіе легаты снова представляются самозванцами, прибывшими яко бы отъ папы, а на самомъ дѣлѣ отъ Аргира, съ подложною грамотою. Обвиненія ихъ представляются направленными не противъ Керуларія, а противъ всей восточной церкви. Керуларій избѣгалъ свиданія съ ними какъ потому, что «убѣжденъ былъ въ ихъ неискравимости», такъ и потому что «считалъ долгомъ не вступать съ римскими легатами (!) въ переговоры безъ другихъ патріарховъ». Адресатъ извѣщается о фактѣ возложенія на престолѣ Софійской церкви нечестивой грамоты, содержащей въ себѣ анаему противъ всей православной церкви за то, что православные не желаютъ брить бородъ на подобіе латынчанъ, принимаютъ причащеніе отъ жеватыхъ священниковъ, въ Евхаристіи приносятъ кислый хлѣбъ и не исповѣдуютъ Св. Духа исходящимъ отъ Отца и Сына. Лучше было бы, если бы эта нечестивая грамота была предана сожженію и до нашихъ глазъ не дошла, говоритъ Керуларій; но этого не случилось, потому что она была положена въ присутствіи всѣхъ недѣльныхъ иподіаконовъ и нѣкоторыхъ другихъ. Все-таки мы не пожелали мстить за хулу противъ насъ, или лучше, противъ всѣхъ православныхъ, для того чтобы не подать повода къ соблазнамъ въ Римъ (!), тѣмъ болѣе, что занимавшій первое мѣсто въ этомъ посольствѣ называлъ себя канцлеромъ римской церкви и двоюроднымъ братомъ короля и папы. Впрочемъ, съ полнымъ правомъ, таковую хулу и тѣхъ, кто ее произнесъ, мы, «по приказанію императора», въ засѣданіи синода предали анаемѣ и, по дѣлу этой грамоты, много убѣждали виновныхъ явиться предъ наши глаза и отречься какъ отъ всего содержащагося въ той грамотѣ, такъ и отъ искаженія св. символа. Послѣ же того какъ они отказались послѣдовать нашему увѣщанію и угрожали наложить на себя руки, если далѣе бу-

дуть ихъ принуждать, мы нашли нужнымъ приступить къ анаеematствованію ихъ хулы. Керуларій, по его словамъ, спѣшить извѣстить антиокійскаго патріарха о случившемся потому, что оскорбленіе нанесено и ему, во-вторыхъ, потому, что дѣло идетъ о вѣрѣ, а Петръ—ея твердый защитникъ, и наконецъ его нужно было какъ можно скорѣе поставить въ извѣстность о событіяхъ, на случай полученія невѣрныхъ свѣдѣній изъ Рима, такъ чтобы онъ могъ дать туда достойный отвѣтъ. Петру рекомендуется переслать копии съ этого посланія къ другимъ восточнымъ патріархамъ, кромѣ того, еще и отъ своего имени напомнить имъ, чтобы они возгорѣлись ревностью по истинной вѣрѣ и, на случай запроса изъ Рима, дали подобающій отвѣтъ.

Свѣдѣнія, получаемыя нами объ іюльскихъ событіяхъ 1054 г. въ Константинополь, съ одной стороны, изъ отчета легатовъ объ ихъ путешествіи, а съ другой изъ синодальнаго эдикта и изъ втораго посланія Керуларія къ Петру антиокійскому, какъ мы видѣли, далеко не согласуются между собою. Допуская, что легаты въ своемъ отчетѣ изложили ходъ дѣла въ одностороннемъ и невѣрномъ освѣщеніи, и самую ихъ грамоту или буллу экскоммуниціонную считая дѣломъ необдуманымъ и исполненнымъ внутреннихъ противорѣчій, мы должны сознаться, что и синодальный эдиктъ Михаила Керуларія, вмѣстѣ съ его (вторымъ) посланіемъ къ Петру антиокійскому, производитъ прискорбное впечатлѣніе. Для того, чтобы составить себѣ по возможности ясное представленіе о дѣйствительномъ ходѣ событий, слѣдуетъ принимать во вниманіе тѣ и другія свѣдѣнія, которыя, не смотря на ихъ взаимное противорѣчіе, взаимно восполняютъ себя. Въ синодальномъ эдиктѣ говорится, что императоръ вернулъ пословъ затѣмъ, чтобы они держали отвѣтъ предъ патріархомъ въ учиненной имъ дерзости, а когда они отказались явиться, приказалъ сжечь ихъ грамоту, съ провозглашеніемъ анаемы ея составителямъ и всѣмъ причастнымъ къ этому дѣлу и сочувствующимъ ему, сложилъ вину въ смутѣ на Аргира и обрушился своимъ гнѣвомъ на членовъ семейства этого Аргира, находившихся въ Константинополь, а также на переводчиковъ. О самихъ легатахъ довольно противорѣчиво говорится, что, съ одной стороны, они не легаты, а самозванцы, съ другой же, что по отношенію къ

нимъ нельзя было употребить насилія, въ виду ихъ мнимо-посольскаго характера. Во всякомъ случаѣ, въ числѣ потерпѣвшихъ ихъ не оказывается, и слѣдовательно имъ дана была возможность благополучно выбраться изъ столицы. Отправленіе двухъ посольствъ отъ императора къ патриарху и собственноручный рескриптъ императора—все это безспорные факты, но факты, совершившіеся сѣшно, въ одинъ и тотъ же день, когда происходило и засѣданіе синода, и при томъ стоящіе въ совершенномъ противорѣчій со всѣмъ предшествовавшимъ отношеніемъ Константина Мономаха къ легатамъ. Эта рѣзкая перемена могла быть вынуждена только крайнею необходимостью, и она оставалась бы необъяснимою для насъ, если бы мы не имѣли въ своемъ распоряженіи отчета легатовъ. Легаты говорятъ, что императоръ вернулъ ихъ не затѣмъ, чтобы они держали отвѣтъ по поводу учиненной ими дерзости, а потому что патриархъ выразилъ желаніе устроить наконецъ долго и напрасно ожидавшуюся ими конференцію. Вполнѣ естественно, что они возвратились не какъ подсудимые, а въ своемъ качествѣ легатовъ, и заняли опять свое прежнее помѣщеніе во дворцѣ «Источника». Вполнѣ естественно далѣе, что императоръ настаивалъ на томъ, чтобы конференція состоялась въ его присутствіи и подъ его предсѣдательствомъ. Лично явившись, и, конечно, не безъ внушительной силы, онъ надѣялся оградить, въ случаѣ надобности, легатовъ отъ мести патриарха. Не нужно было даже искажать ихъ грамоту, какъ подозрѣвали легаты: достаточно было прочитать въ присутствіи народа въ великой церкви подлинный текстъ ея, чтобы возбудить бурю негодованія въ народѣ, и легатамъ дѣйствительно едва ли бы удалось выйти живыми изъ этой бури. Что патриархъ былъ мстителемъ и не могъ простить нанесенной ему легатами тяжелой обиды, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пселль въ своей обвинительной рѣчи чрезвычайно ярко выставилъ эту черту характера Керуларія. «Положимъ», говоритъ Пселль, «кто нибудь толкнулъ его въ толпѣ, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ сердился на это и высказывалъ свое злопамятство; каждый разъ какъ онъ видѣлъ этого человѣка, онъ припоминалъ его проступокъ, и у него не было никакого къ тому снисхожденія, ни кротости. Тотъ просилъ у него прощенія, указывая на то, что прошло много времени, на

незначительность проступка, на отсутствіе злого умысла,—все это только раздражадо его гнѣвъ. Онъ ни съ кѣмъ никогда не обходился кротко. Онъ сердился на многихъ за то, что, сорокъ дѣтъ тому назадъ, проходя по улицѣ или по дорогѣ, не привѣтствовали его. Если это были ктонибудь изъ членовъ клира, онъ тотчасъ былъ удаляемъ изъ всѣхъ церквей и изгоняемъ, какъ будто дѣлалъ что нибудь запрещенное закономъ. Если же провинившійся принадлежалъ къ свиклиту, онъ обвинялъ его въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ и, каждый разъ какъ видѣлъ императора, просилъ его наказать этого человека и исключить изъ членовъ сената. Такимъ бременемъ былъ онъ для тѣхъ, противъ кого шло такое злобу. А любить онъ никого не любилъ, потому что однихъ ненавидѣлъ, другихъ преслѣдовалъ¹⁾.. Впрочемъ допуская, что Пселль въ своей обвинительной рѣчи сгущалъ краски, мы все-таки, за вычетомъ известнаго процента преувеличенія, въ результатъ получимъ такой характеръ, которому рѣшительно несвойственно было прощать жестокую, глубинно нанесенную, обиду, и даже на одну, а рядъ обидъ, такъ какъ все пребываніе легатовъ въ Константинополѣ было одною систематическою обидою патріарху. Въ самомъ синодальномъ эдиктѣ, равно какъ въ посланіи Керуларія къ Петру антиохійскому, говорится, что легаты скорѣе готовы были наложить на себя руки, чѣмъ явиться къ патріарху. И Пселль, даже въ своемъ панегирикѣ, проговорился, что легаты не желали *συνίξαι καὶ εἰς γείτορας ἔλθεῖν*²⁾. Значитъ, имъ ясно представлялась ожидавшая ихъ участь, и отъ этой участи императоръ ихъ спасъ. Въ отчетѣ легатовъ есть указаніе на важный фактъ, который не можетъ считаться плодомъ ихъ выдумки, а напротивъ подтверждается неоспоримыми историческими свидѣтельствами: легаты вышли изъ Константинополя съ щедрыми дарами отъ императора—для нихъ лично, для кафедр св. Петра и для монтекассинскаго монастыря. Исторія этихъ даровъ Константина Мономаха образовала цѣлую эпопею. Слухи о нихъ распространились далеко и возбуждали аппетиты даже не въ восточныхъ, но

¹⁾ Безобразовъ, стр. 69—70.

²⁾ См. выше, стр. 24.

въ своихъ же, западныхъ, людяхъ ¹⁾. Отсюда видно, что легаты до самаго конца сохранили расположеніе къ нимъ императора, и слѣдовательно тѣмъ неожиданнымъ являются рѣчи, съ которыми послы императора обращались къ патриарху, и языкъ императорскаго рескрипта. Очевидно, силы Мономаха достало лишь настолько, чтобы спасти легатовъ; но теперь ему самому нужно было спасти свою корону. Онъ развѣчанъ былъ патриархомъ отъ титула «защитника православія» въ глазахъ народа, и устроенный патриархомъ бунтъ, о которомъ говорятъ легаты въ своемъ отчетѣ, на самомъ дѣлѣ долженъ былъ имѣть мѣсто. Императоръ спасъ свою корону только благодаря тому, что патриархъ переложилъ свой гнѣвъ на милость, получивъ удовлетвореніе въ видѣ двукратнаго посольства, собственноручнаго императорскаго рескрипта и выдачи ему нѣсколькихъ лицъ, послужившихъ «козлами отпущенія» ²⁾. Императорскій рескриптъ включенъ былъ даже въ синодальный эдиктъ и тѣмъ самымъ, по вѣрному замѣчанію Бреже, какъ бы прибитъ къ позорному столбу (*comme cloué à un pilori honteux* ³⁾), къ вѣщему торжеству патриарха и надъ легатами, и надъ императоромъ, и надъ Аргиромъ, такъ какъ въ Константиноплѣ ни для кого не было тайной, что легаты дѣйствовали

---

¹⁾ Левъ, кардиналь—епископъ Остіума въ своей „*Chronica sacri monasterii Casinensis*“ (*Muratorius, Regum Italicarum scriptores, tom. IV, Mediolani, 1723*), lib. II, с. 88, 89 и 94, рассказываетъ, что легатовъ обобрали Тразмундъ графъ теанскій,—что, несмотря на то, императоръ Генрихъ, находившійся тогда въ самыхъ неприятныхъ отношеніяхъ съ герцогомъ Готфридомъ, братомъ каяцлера Фридриха, услышавъ о большихъ деньгахъ, принесенныхъ послѣднимъ изъ Константинополя, возмѣлъ къ нему сильное подозрѣніе и приказалъ его схватить, такъ что Фридрихъ долженъ былъ спастись въ монтекассинскій монастырь и принять здѣсь постриженіе,—и что, по смерти императора, папа Викторъ, которому Фридрихъ рассказалъ объ ограбленіи, отлучилъ Тразмунда отъ церкви, и этотъ долженъ былъ почти все отнятое возвратить. Кардиналь Левъ не договариваетъ еще многого. Когда самъ Фридрихъ сдѣлался папой подъ именемъ Стефана IX, даръ Мономаха былъ отнятъ римлянами, а относительно драгоценныхъ камней сохранились еще особенныя извѣстія. См. у *Bréhier*, стр. 120—121.

²⁾ Поэтому *Heanderf*, *Allgem. Gesch. der christlichen Religion und Kirche*, V. VI, 411) напрасно говоритъ, о „двусмысленной роли“ и обычной византийской „лжи“ императора.

³⁾ *Bréhier*, 122.

солидарно съ Аргиромъ и пользовались явнымъ покровительствомъ императора, который теперь долженъ былъ отречься отъ нихъ и публично признать свой прежній образъ дѣйствій ошибочнымъ, другими словами явиться къ патриарху съ повинной головой. Тамъ неприятели дѣйствуютъ на читателя неискренній тонъ послѣдняго посланія Керуларія къ Петру антиохійскому, гдѣ говорится, будто бы Керуларій потому избѣгалъ свиданія съ легатами, что безъ участія другихъ патриарховъ считалъ себя не въ правѣ вступить въ разсужденія о вѣрѣ, будто отъ мести онъ воздержался, чтобы не подать повода къ соблазну въ Римѣ и т. п. Самое правильное для него было бы — разъ онъ дѣйствительно убѣжденъ былъ въ самозванствѣ легатовъ — свестись съ Римомъ и навести тамъ справки о томъ, кто эти лица; но Керуларію, разумѣется, не это было нужно. Во всемъ его посланіи проглядываетъ лишь желаніе предупредить полученіе антиохійскимъ патриархомъ свѣдѣній о константинопольскихъ событіяхъ изъ другихъ источниковъ и настроить Петра неприявленно по отношенію къ западу. Хотя о позднѣйшихъ взглядахъ самого Петра мы ничего не знаемъ, но изъ того, что преемникъ его дѣйствовалъ, какъ мы увидимъ, на улицахъ Константинополя, во время переворота въ пользу Исаака Комнена, какъ подручный агентъ константинопольскаго патриарха, явствуетъ, что антиохіецъ сталъ всецѣло на его сторону. Вѣрно ли затѣмъ показаніе легатовъ о томъ, что случилось въ восточной столицѣ послѣ ихъ отбытія изъ нея, о чемъ слѣдовательно они могли лишь по слухамъ говорить — объ искаженіи будто бы Керуларіемъ экскоммуникаціонной грамоты, о полученіи изъ города руссовъ вѣрнаго ея текста, объ увольненіи отъ должностей друзей и родственниковъ патриарха и о затаенномъ гнѣвѣ императора противъ самого патриарха, — мы не знаемъ, а знаемъ только, что дѣйствительно остатокъ царствования Мономаха прошелъ въ глухой борьбѣ съ патриархомъ, о которой намъ придется еще говорить.

Формула анаемы или отлученія въ синодальномъ эдиктѣ, сообразованная съ содержаніемъ императорскаго рескрипта, составлена болѣе осторожно и умно, чѣмъ формула римскихъ легатовъ. Въ ней нѣтъ осужденія цѣлой латинской церкви ни прямого, ни косвеннаго, такъ какъ дѣло идетъ исключительно о винов-

ныхъ въ событіи 16 іюля и о причастныхъ этому событію по-
дачей совѣта, или выраженіемъ согласія и одобренія на состав-
леніе нечестивой грамоты. Тамъ не менѣе, — тамъ какъ въ пред-
шествующемъ содержаніи эдикта о «людяхъ запада» говорится
словами епископа Фотія, и въ ученіи латинянъ объ исхожден-
ніи Ов. Духа усматривается вресъ Македонія, и такъ какъ,
кромя того, при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могло быть
никакого сомнѣнія въ томъ, что весь латинскій западъ одо-
брилъ бы грамоту легатовъ, то и у современниковъ, и въ
позднѣйшей исторіи восточной церкви осужденію керуларіевска-
го собора придано было общее значеніе осужденія латинянъ.
Мы видѣли, что такъ рассуждаютъ уже Пселлы, современникъ
Керуларія, представляющій осужденіе легатовъ возданіемъ за то,
что «старый Римъ вѣбутовался противъ новаго»¹⁾. А въ XIII,
XIV и XV столѣтіяхъ керуларіевскій соборъ сталъ считаться да-
же вселенскимъ. Таковыя названія его константинопольскій па-
триархъ Іосифъ въ посланіи къ Михаилу Палеологу, доказывая
вселенскій его характеръ сравненіемъ съ III вѣк. соборомъ, на
которомъ не было ни папы римскаго, ни патриарховъ константи-
нопольскаго и антиохійскаго²⁾, причемъ забывается, что самыя
предсѣдатель ефесскаго собора Кириллъ были облечены полномо-
чіями папскаго викарія, (не считая трехъ другихъ легатовъ, быв-
шихъ въ Ефесѣ, константинопольскій епископъ былъ подсуди-
мымъ на этомъ соборѣ, а антиохійскій призналъ его лишь тогда,
когда Кириллъ подписалъ антиохійское исповѣданіе вѣры. Вселен-
скимъ же называетъ керуларіевскій соборъ и новѣйшій греческій
историкъ Димитракопуло, воспроизводящій аргументацію патри-
арха Іосифа³⁾. Существовало, впрочемъ, и другое возрѣніе, что,
кромя собора, издавшаго эдиктъ, Керуларіемъ былъ составленъ
еще новый соборъ, который и былъ «вселенскимъ»⁴⁾. Возрѣніе
это не подтверждено никакими свидѣтельствами изъ эпохи раздѣ-
ленія церкви. Понятно, во всякомъ случаѣ, что «вселенскій» со-

¹⁾ См. выше стр. 24.

²⁾ Διμιτράκοπουλου, Ιστορία του οχίσματος, стр. 26—28.

³⁾ Стр. 25.

⁴⁾ См. у Псиллера, I, 260 и у Герпетера, Photius, III, 777 пр. 58.

борь не могъ имѣть дѣла съ «самозванными» легатами, судившимися за дерзкій поступокъ, а имѣлъ дѣло со всею латинскою церковью. Проф. Свабалановичъ поворитъ, что въ стлѣновеміяхъ Рима съ Константинополемъ со времени патріарха Фотія преобладающее знаніе имѣлъ вопросъ о преимуществу практическій — о власти и правахъ патріарховъ римскаго и константинопольскаго, и что отъ постановки этого вопроса зависѣла постановка разности не только дисциплинарно-обрядовыхъ, но и догматической (т. е. о Св. Духѣ). Какъ скоро доходило до столкновенія между папами, увидѣнными безвѣрностію притязаній, и константинопольскимъ патріархомъ престоломъ, охранявшимъ свой самостоятельность, тогда не только догматическая разность получала истинное свое освидѣніе, но и разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя чуть не возводились въ догматы. Если же папы могли о своемъ приматствѣ, не дѣлали поущеній подчинить себѣ церковь восточную, то не только разности церковно-обрядовыя и дисциплинарныя трактовались въ духѣ снисхожденія и взаимнаго уваженія, но и разность въ догматѣ не дѣлалась источникомъ раздора¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «правда, онъ (Баруларій) былъ честолюбивъ, но честолюбіе его не шло въ разрѣзъ съ справедливостію, направляясь къ поддержанію достоинства и правъ константинопольскаго патріаршаго престола²⁾». Эта охрана достоинства и правъ константинопольскаго престола, какъ поясняетъ г. Свабалановичъ, состояла въ томъ, что патріархъ не желалъ допустить возвращенія римской церкви патримоній въ южной Италіи и восстановленія ея власти надъ Апузіей, Калабрией и Сициліей, опасаясь, что успѣхъ въ этомъ отношеніи разогрѣетъ старыя притязанія римскаго престола на болгарскую архіепископію, а равно возобновитъ притязанія папы вообще на власть и на подчиненіе востока, въ отношеніи же къ южной Италіи въ частности успѣхъ поведетъ къ изгнанію греческаго обряда и къ замѣнѣ его латинскимъ³⁾.

Въ приведенныхъ сужденіяхъ г. Свабалановича вѣрно лишь

¹⁾ Христ. Чит. 1885, II, стр. 728—729.

²⁾ Тамъ же, стр. 737.

³⁾ Христ. Чит. 1885, I, 110—111.

то, что движущею причиною раздѣленія церквей были не обряды и не догматы, а вопросъ о власти, и что до Керуларія, какъ при самомъ Фотіѣ, такъ и при его преемникахъ, съ каждымъ улучшеніемъ отношеній между Римомъ и Константинополемъ, всякія разности, и обрядовыя, и догматическія, забывались. Все остальное требуетъ значительныхъ поправокъ.

1) Трудно указать время, когда бы римскіе папы, по меньшей мѣрѣ съ Целестина (современника III всел. собора), не предъявляли своихъ притязаній на примать, если не считать не удавшейся попытки Іоанна XIX пойти на сдѣлку съ Константинополемъ. Въ этомъ послѣднемъ забывали о разностяхъ не потому, что папы забывали о приматѣ, а потому, что въ данный моментъ Константинополь получалъ удовлетвореніе отъ Рима, хотя въ этомъ самомъ удовлетвореніи, напримѣръ, въ признаніи папами какого-либо патріарха константинопольскаго (Фотія, Стефана, Теофилакта) папы, съ своей точки зрѣнія, усматривали выраженіе примата же, такъ какъ въ признаніи папы нуждались. И папа Левъ IX никакихъ новыхъ безмѣрныхъ притязаній не заявлялъ. Съ формальной стороны онъ стоялъ на исторической почвѣ, и если онъ говорилъ, что римская церковь въ былые вѣка уничтожила множество восточныхъ ересей, то эта была правда, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что она могущественно содѣйствовала побѣдѣ православія надъ ересями. Иное дѣло вопросъ—по поводу котораго мы будемъ говорить ниже, — оправдывались ли обстоятельства даннаго времени и соответствовали ли фактическимъ отношеніямъ XI в. исторически-обоснованныя притязанія папства.

2) О Михаилѣ Керуларіѣ нельзя сказать, что онъ охранялъ честь и достоинство патріаршаго константинопольскаго престола отъ римскихъ притязаній, и самъ г. Скабалаповичъ отказался отъ этого разсужденія, говоря по поводу не дошедшаго до насъ посланія Керуларія къ Льву IX: «Керуларій убѣждалъ папу быть въ согласіи и единеніи, но при этомъ давалъ понять, что согласіе и миръ могутъ быть прочны только при взаимномъ уваженіи къ достоинству и правамъ *обидъ кафедръ*...—другими словами, что константинопольская кафедра не можетъ быть приравнимаема къ остальнымъ патріаршимъ престоломъ, что она имѣетъ *предпочтительное достоинство и власть сравнительно съ alexandрійскимъ,*

антиохійскимъ и іерусалимскимъ патріархами, въ ея юрисдикціи находится весь востокъ, и даже западъ долженъ поучиться у константинопольскаго патріарха, поелику не напрасно онъ носить титулъ вселенскаго»¹⁾. Если такъ, то дѣло шло очевидно не о «достоинствѣ и правахъ» патріаршей константинопольской кафедрѣ, а о власти на цѣломъ востокѣ, и даже съ «безмѣрными», съ исторической точки зрѣнія совершенно необоснованными, притязаніями на авторитетъ въ западномъ мірѣ. И при этомъ огромная разнища: папа прямо и откровенно заявлялъ свой взглядъ на римскую церковь, какъ на главу всѣхъ церквей, отстаивая въ то же время традиціонныя права другихъ восточныхъ патріарховъ по отношенію къ константинопольскому; патріархъ же не высказываетъ и даже не можетъ, столь же прямо и откровенно, высказать свой взглядъ на церковную власть, потому что въ его виды не входило отталкивать отъ себя антиохійскаго патріарха. Оба восточные патріарха солидарны были лишь въ томъ отношеніи, что за римскимъ епископомъ не признавали правъ высшей власти. Что же касается положительной конструкціи церковной власти, то одинъ изъ нихъ говорилъ одно, а другой ничего прямо не говорилъ, но косвенно давалъ понять, что онъ думаетъ нѣчто совершенно другое.

3) Какъ конфискація недвижимыхъ имѣній и отчисленіе извѣстныхъ территоріальныхъ округовъ отъ римской церкви, съ включеніемъ ихъ въ составъ константинопольскаго патріархата, были дѣломъ императоровъ, такъ и возвращеніе недвижимостей и обратное отчисленіе территоріальныхъ округовъ въ сферу власти римскаго епископа должны были быть дѣломъ исключительно императорской же власти. Вѣдь оставилъ же, напримѣръ, Романъ Лекапѣнь, не очень за долго до Низифора Фоки, подъ церковною властію папы Далмацію, хотя политически эта послѣдняя входила въ составъ византійской имперіи²⁾. Не подобающее вмѣшательство патріарха въ политику повело лишь къ тому, что южная Италия была окончательно потеряна не только для константинопольскаго патріарха, а и для восточной имперіи, послѣ

---

¹⁾ Христ. Чт. 1885, I, 116.

²⁾ *Schlumberger*, *L'épopée byzantine*, 266.

того какъ папы были вынуждены заключить союзъ съ тѣми самыми норманнами, противъ которыхъ они думали дѣйствовать въ союзѣ съ императоромъ. Нельзя даже считать основательнымъ опасеніе Керуларія, или правильнѣе сказать, г. Скаблановича, что возстановленіемъ власти папы въ южной Италіи открывался бы доступъ туда латинскому обряду, вмѣсто греческаго. Нетерпимость къ чужому, въѣзжи укоренившемуся, обряду есть скорѣе восточная, чѣмъ западная черта, а если исторія и представляетъ примѣры католической нетерпимости въ области культа, то подобныя явленія объясняются не столько общекатолическими или римскими тенденціями, сколько національными (напримѣръ германскими въ эпоху дѣятельности славянскихъ апостоловъ, или польскими по отношенію къ православнымъ и даже къ униатамъ). Во всякомъ случаѣ, какъ разъ именно въ южной Италіи и не случилось насильственного введенія латинскаго обряда, послѣ того какъ она была потеряна для восточной имперіи и безповоротно поступила подъ власть римскаго епископа. Греческій обрядъ уцѣлѣлъ во многихъ мѣстахъ южной Италіи до настоящаго времени, и никто не думалъ воздвигать противъ него гоненіе. О дѣйствіяхъ же Керуларія по отношенію къ латинскимъ церквамъ въ Константинополь и къ римскимъ легатамъ можно смѣло утверждать, что они не имѣютъ себѣ никакого оправданія.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, что Римъ былъ правъ въ своемъ столкновеніи съ Керуларіемъ? Что легаты римскіе вели себя въ Константинополь безтактно и необдуманно, объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Но былъ ли правъ и самъ папа Левъ IX? Отстаивая «достоинство» римской церкви отъ константинопольскихъ нападеній, онъ былъ безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ правъ. Но, предъявляя права свои на высшую церковную власть надъ востокомъ, онъ былъ правъ лишь формально, въ томъ смыслѣ, что онъ не какимъ нибудь новымъ, неизвѣстнымъ доселѣ языкомъ говорилъ (за исключеніемъ, конечно, ссылки на жеисидоровскіе декреты и на константиново дареніе), а говорилъ языкомъ Целестина, Льва Великаго, Ормиады, Агасиона и Адриана. Съ матеріальной точки зрѣнія, папа XI в. не имѣлъ уже права говорить этимъ языкомъ. Было дѣйствительно такое время, особенно время Льва Великаго, когда попеченіе (soliciti-

ство) римской церкви обнимало и западь, и востокъ, когда зорный глазъ папы проникалъ даже во второстепенныя дѣла константинопольскаго церковнаго управленія (например назначеніе на должность ¹⁾), порядокъ управленія церковнымъ имуществомъ ²⁾), когда авторитетъ и вліяніе его чувствовались и въ Константинополѣ, и въ Египтѣ, и въ Сиріи, и въ Палестинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вѣтъ даже надобности изучать въ подлинникъ всю корреспонденцію Льва V: для желающаго достаточно ознакомиться съ нею, напримеръ, по Лангену ³⁾. И о власти Льва можно сказать, что эта была власть почетельная съ широкимъ кругозоромъ, охватывающимъ востокъ и западь. Можно ли сказать тоже самое о папѣ Левѣ IX? Еще задолго до него, въ самую эпоху вселенскихъ соборовъ папы вынуждены были жаловаться на печальное состояніе церковной жизни подъ напоромъ варваровъ, которые то борются между собою, то бѣгутъ врозь и грабятъ, на паденіе римской образованности, и совнавались въ нейшійи людей съ высокими познаніями, съ пышнымъ краснорѣчіемъ и съ способностью вести споры и т. п. ⁴⁾ Для римскаго епископа въ пору было заботиться о западѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше римскій епископъ сливалъ себя съ западнымъ міромъ; утрачивая живую связь съ востокомъ, особенно послѣ превращенія его отношеній подданства къ восточному императору и послѣ основанія западной имперіи. Западный міръ, безъ сомнѣнія срывавшій въ себя зерна будущаго развитія всемірной исторіи, но въ то время, безъ сомнѣнія же, варварскій, восточно оказывалъ давленіе на папу;

¹⁾ Известное дѣло константинопольскаго архидіакона Аздіа, который, подъ видомъ новыщевія (посвященіемъ въ пресвитеры), былъ свѣсивъ съ своей вѣнчательной архидіаконской должности въ молву подозрительнаго по своей ортодоксіи лица, протезируемаго константинопольскимъ патриархомъ Анатолиемъ, но который, благодаря внимательству папы, былъ восстановленъ въ своей должности. См. у *Миля*, въ *Patr. latin.* t. LTV, epist. 111—113; 127, 135.

²⁾ Внимательство папы по новоду изданія императоромъ Маркіаномъ закона, вводившаго контроль свѣтскихъ чиновниковъ надъ управленіемъ церковнаго имущества. Тамъ же, epist. 137.

³⁾ *Langen* (известный старозападнославянской ученый), *Geschichte der römischen Kirche von Leo I bis Nicolaus I*, 1885, стр. 1—118.

⁴⁾ Таковы напримеръ уже римскія посланія къ императору Константину Поганату, прочитанныя въ четвертомъ засѣданіи VI всел. собора.

что онъ утрачивалъ возможность слѣдить за ходомъ церковной жизни на востокѣ и понимать ея нужды, а въ состояніи лишь былъ предъявлять голый принципъ власти, безъ той попечительности, которая должна была соединяться съ этою властію. Мы можемъ предоставить богословамъ разсмотрѣніе, по существу, ученія объ исхожденіи Св. Духа; но, съ точки зрѣнія исторической, вставка въ символъ вѣры «Filioque», хотя бы самое ученіе имѣло за себя нѣкоторыя основанія, навсегда останется неопровержимымъ доказательствомъ подчиненія папы западному давленію и игнорированія имъ востока, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ непониманія папами тѣхъ послѣдствій, которыми должна была сопровождаться эта вставка на востокѣ, имѣвшемъ тогда неоспоримое право считать себя болѣе компетентнымъ въ вопросахъ метафизическихъ, чѣмъ варварскій міръ. Случай заявленія и даже осуществленія папамъ правъ высшей церковной власти послѣ Фотія были таковы, что опять свидѣтельствовали лишь о непониманіи папами возвратной и религиозныхъ нуждъ востока. Возьмемъ, напримѣръ, знаменитое дѣло о четвертомъ бракѣ Льва Мудраго, возбуждившее религиозныя страсти, вызвавшее борьбу партій, стоявшее низложенія и заточенія двумъ патріархамъ—сначала Николаю Мистигу, не допускавшему этого брака, а потомъ преемнику его Евѣмнію, одобрявшему этотъ бракъ, причѣмъ вмѣстѣ съ патріархами отправляемы были въ ссылку и многіе другіе епископы, съ ними единомышленныя. Въ 906 г. приглашенные императоромъ римскіе легаты одобрили четвертый бракъ и не только не поддержали Мистика, а и признали его низложеніе. Допустимъ, что въ Римѣ имѣли болѣе ясныя юридическія понятія, чѣмъ въ Константинополѣ, что тамъ уже въ то время понимали различіе между общею нормою и между диспензаціей въ отдѣльномъ случаѣ ¹⁾, которое въ византійскихъ головахъ не укладывалось,—допустимъ, что патріархъ Николай Мистикъ стоялъ за невоз-

---

¹⁾ Случай состоялъ въ томъ, что Левъ Мудрый, бывший въ трехъ послѣдовательныхъ бракахъ и озабоченный продолженіемъ династіи, вступилъ въ четвертый бракъ съ Зоей Карбонопсиной, послѣ того какъ отъ вѣбращаго сожительства съ нею родился у него сынъ (Константинъ Порфирородный), хотя незадолго передъ тѣмъ самъ же Левъ издалъ законъ, которымъ даже и третій бракъ воспрещался.

возможную юридически комбинацію — родившагося ребенка признать законнымъ царевичемъ, а мать его законною женою императора не признавать и дальнѣйшаго сожитія между ними не дозволить, — допустимъ наконецъ, что въ западномъ каноническомъ правѣ не было правила (какъ его и до сихъ поръ тамъ нѣтъ) объ ограниченіи числа послѣдовательныхъ браковъ тремя, потому что восточныя правила Василія В. въ западныхъ каноническихъ сборникахъ не содержались; но достаточно было того, что пользовавшіяся на востокѣ авторитетомъ, равнымъ съ соборными канонами, правила Василія В. исключали возможность четвертаго брака, чтобы отнестись внимательно къ состоянію умовъ на востокѣ и къ восточной практикѣ и не прилагать къ послѣдней западную мѣрку. Поддѣе это дѣйствительно и сдѣлано было въ 920 г., когда папскіе легаты снова были приглашены въ Константинополь, чтобы положить конецъ смутѣ, когда уже ни Льва, ни Зои не было въ живыхъ, а Константинъ Порфирогенетъ былъ безспорнымъ императоромъ, и когда для самихъ византійцевъ сдѣлалось болѣе яснымъ, что можно поддерживать въ силѣ общее правило и въ то же время допустить исключеніе изъ него, или, на оборотъ, можно допустить въ данномъ случаѣ отступленіе отъ общей нормы, не колебля самой нормы. Но сколько было смуты, борьбы и даже драмъ, прежде чѣмъ пришли къ этому, таку называемому, примирительному рѣшенію (*τόμος ἐνώσεως*), сколько было нареканій на римскихъ легатовъ со стороны почтеннаго патріарха Николая Мистика, осужденнаго ими, сколько наконецъ соблазна причинено было ихъ образомъ дѣйствій среди строгой части духовенства и монашества! Не лучше былъ другой случай въ 933 г., когда Романъ Декапенъ, самъ будучи императоромъ (при законномъ императорѣ, зятѣ Декапена, Константинѣ Порфирородномъ), съ цѣлью обезпечить власть за своей фамиліей, — сдѣлалъ сыновей своихъ соимператорами, а одного сына, кромѣ того, посадить на патріаршую кафедру, хотя ему не было еще 16 лѣтъ отъ роду. Этотъ незрѣлый патріархъ, по имени Теофилактъ, оказавшійся потомъ однимъ изъ самыхъ недостойныхъ патріарховъ по своей жизни, былъ посвященъ и утвержденъ на своей кафедрѣ специально приглашенными римскими легатами. Подобные акты осуществленія «высшей церковной власти» на востокѣ не имѣли ничего общаго съ попече-

всемъ о восточныхъ церковныхъ дѣлахъ. Этого жажо. Десятая и первая половина одиннадцатаго столѣтїя составляютъ такую эпоху въ исторїи римской церкви, о которой западные же писатели говорили, что тогда въ Римѣ царствовали не апостолъ Петръ, а Симонъ волхвъ, что уста, которыя должны были произносить благословеніе, нарекали проклятіе, и наоборотъ. Это было время, когда послѣ отпаденія Рима отъ восточной имперїи и послѣ крушенія каролингской имперїи, престолъ св. Петра сдѣлался игрушкой въ рукахъ враждовавшихъ партій римской аристократїи, когда на папской кафедрѣ появлялись ставленники то Тускановъ, то Кресценціевъ, даже 12-ти лѣтніе мальчики, не имѣвшіе никакого понятія о задачахъ церковнаго правительства, проводивше распущенную жизнь, совершавшіе разныя злодѣяства. При этомъ еще ободалили наложить спеціалическую, глубоко антипатичную для востока, печать на весь строй западной церкви, и на всю западную іерархію; на примѣръ, самъ папа Левъ IX ничто предводителемъ ставалъ своимъ войскомъ противъ норманновъ. И тѣмъ не менѣе этотъ папа, самъ по себѣ человекъ достойный, но пренебрегши папъ, давнымъ давно позабывшии о своемъ призванїи, слившійся съ западнымъ миромъ, жившій его интересами и идеями, вздумалъ говорить языкомъ Льва Великаго и даже богѣ сильнѣе, потому что и Левъ Великій, не знавшій лжеисидоровскихъ декреталовъ и константинова даренія, не говорилъ, что церковь, не подчиненная римской кафедрѣ, есть не церковь, а «святотѣсачаны»; кинтъ выразился Левъ IX во второмъ своемъ посланїи къ Керуларію. Наконецъ и еще одно, весьма важное, обстоятельство не должно быть упущаемо изъ вниманія при общахъ событїяхъ, разгравшихся въ началѣ второй половины XI в. Чтобы водворить церковный порядокъ въ Римѣ, и положить конецъ борьбѣ партій и возведенію на кафедру св. Петра лица недостойнаго, сначала Оттоны, поднѣвшись большою энергіею императоры валической династїи взяли въ свои руки замѣщеніе римской кафедры и стали проводить протектируемыхъ ими кандидатовъ, безъ сомнѣнія людей болѣе достойныхъ, чѣмъ кандидаты римскихъ партій. И какъ разъ именно папа Левъ IX былъ протезе германскаго императора, явственнаго германецъ Врунонъ, оставившій даже на себѣ прежнюю свою епископскую кафедру въ Ферраніи. Но како ввпечатлѣ

лѣніе производна на самомъ западѣ подчиненность римскаго престола германскому императору? Въ то время въ западной Европѣ еще не ссоририровались нѣнѣшнія европейскія націи, которыя отчетливо выступили лишь въ XV-му столѣтію. Въ то время существовали лишь племена и феодалныя владѣнія, отчасти на племенной основѣ, отчасти безъ таковой. Но какъ чутки были тогдашнія племена и тогдашніе крупные феодалы въ факту порабощенія римской катедрѣ германскому императору! Исторія въ этомъ отношеніи представляетъ поучительные факты. При Оттонахъ Гуго Капетъ, король Нейстріи, родоначальникъ династіи капетинговъ, сдѣлалъ попытку провести на реймскомъ соборѣ 991 г., мысль объ образованіи на западѣ самостоятельныхъ патріархатовъ, независимыхъ отъ римскаго епископа, сдѣлавшагося креатурой германскаго императора, а при саліидахъ, не только внучь Гуго Капета, король Нейстріи, Генрихъ I, возобновилъ прежнюю попытку, но его примѣръ вызвалъ подражаніе и на пиренейскомъ полуостровѣ ¹⁾.

Естественно, что тѣмъ менѣе должна была найти сочувствіе на востокѣ рѣчь ставленника германскаго императора, заявлявшаго притязаніе на высшую власть надъ востокомъ. Герреръ, вообще не безгрѣшный на счетъ произвольныхъ преувеличеній, и тутъ преувеличиваетъ, говоря: «gewiss die Schuld des kirchlichen Risses zwischen Rom und Konstantinopol. fällt guten Theils auf Seiten zweier deutschen Dynastien: der Ottonen und der Salier. Герреръ, усматривающій въ дѣйствіяхъ Оттономъ и Саліицевъ одно лишь властолюбіе и желаніе поработить римскую катедру, забываетъ, что безъ вмѣшательства германскихъ императоровъ римская церковь не поднялась бы изъ той глубины падевія, въ которой она находилась: но въ приведенныхъ его словахъ есть все-таки доля правды. Восточная имперія считала себя одну законною римскою имперією, а на западную варварскую имперію смотрѣла, какъ на узурпацію, и не могла примириться съ самимъ существованіемъ ея. Даже позднѣе при Комненахъ, вообще отличавшихся западничествомъ, употребляя выраженіе нашего вре-

---

¹⁾ См. объ этомъ *Gfrörer*, Pabst Gregorius VII, B. V Kap 34. B. VI Kap. 53. Byzant. Geschichten, III, 581.

мени, и ходомъ дѣлъ вынужденныхъ искать поддержки на западѣ, вырабатывались такія комбинаціи, при которыхъ бы возможно было вступить въ союзъ съ папой, признавъ его высшую церковную власть, но вмѣстѣ выговоривъ упраздненіе германскаго императорства и предоставленіе короны западной имперіи византійскому императору, которому она и безъ того принадлежала по праву ¹⁾. А папа въ XII в. уже не былъ ставленикомъ германскаго императора, каковымъ былъ Левъ IX: что же удивительнаго, если годось этого германскаго папы не находилъ сочувствія на востокѣ? Вѣдь даже и раньше, когда еще политическая связь Рима съ Византіей не порвалась, тяготѣніе къ Риму, какъ къ оплоту ортодоксіи противъ еретиковъ, рассматривалось какъ недостатокъ патриотизма (въ Максимѣ Исповѣдникѣ). А римскія симпатіи Феодора Студита и его партіи производили отталкивающее дѣйствіе на массу ²⁾. При такихъ обстоятельствахъ, какъ въ IX в. Фотію, такъ къ XI в. Михаилу Керуларію не трудно было воспользоваться настроеніемъ массы для достиженія своихъ цѣлей. Въ 20-хъ годахъ XI в. въ Константинополѣ думали путемъ мирныхъ переговоровъ съ папой римскимъ получить признаніе константинопольскаго епископа восточнымъ папой. Когда это не удалось, и на мирное достиженіе этой цѣли не усматривалось никакихъ шансовъ, Керуларій рѣшился путемъ войны съ Римомъ добиться того, чего нельзя было достигнуть мирнымъ путемъ. Фактически онъ и безъ того былъ единственнымъ іерархическимъ главой на востокѣ. Еще во времена Фотія эпаногога говорила только объ одномъ патриархѣ, какъ главѣ священства, въ сопоставленіи ея съ главою царства. Египетъ и Палестина давно находились внѣ границъ имперіи, и патриархи въ этихъ странахъ настолько перестали быть величинами, съ которыми нужно бы было считаться, что Керуларій даже не находилъ нужнымъ вступать съ ними въ прямыя сношенія, дѣйствуя черезъ Петра антиохійскаго, и самъ Петръ антиохійскій, начавшій, послѣ длиннаго пере-

¹⁾ Въ такомъ смыслѣ велись переговоры Мануила Комнена съ папой Александромъ III. См. *Васильевскій*, Василія Охридскаго неизданное надгробное слово, въ *Визант. Врем.* т. I, вып. 1, стр. 75.

²⁾ См. *Gelzer*, *Das Verhältniss von Staat und Kirche in Byzanz* (*Historische Zeitschrift*, B. 86, 1901, стр. 217 и 238).

рыва, рядъ православныхъ патріарховъ въ присоединенной къ имперіи Антиохіи (долгое время здѣсь были только монофизитскіе патріархи), представлялъ собою лишь тѣнь прежняго антиохійскаго патріархата, а его возрѣнія на церковное устройство были наивнымъ анахронизмомъ. При Керуларіѣ не существовало уже и болгарскаго патріархата, съ упраздненіемъ при Василиѣ II перваго болгарскаго царства,—мало того, архіепископъ охридскій дѣйствовалъ какъ первый застрѣльщикъ и помощникъ Керуларія въ войнѣ противъ Рима. Это фактическое положеніе главы всей восточной іерархіи Керуларій закрѣпилъ путемъ разрыва съ Римомъ, потому что послѣ разрыва уже никто не могъ предъявлять къ нему никакихъ притязаній на высшую надъ нимъ власть. Опасность могла угрожать только отъ своей же, восточной, власти, именно отъ власти императорской; но Керуларій, какъ можно было видѣть отчасти изъ предшествующаго изложенія, и какъ въ особенности покажетъ намъ слѣдующая глава, сдѣлалъ попытку оградить восточное папство и противъ этой опасности, даже поставить императорскую власть въ зависимость отъ духовной, хотя нѣтъ ни надобности, ни достаточнаго основанія предполагать, какъ предполагаетъ, даже утверждаетъ Брейе, что этотъ планъ былъ готовъ въ головѣ Керуларія уже предъ объявленіемъ имъ войны Риму.

Г Л А В А III.

Отношеніе патріарха Михаила Керуларія къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.

Закрывая латинскія церкви въ Константинополѣ, выдерживалъ по отношенію къ римскимъ легатамъ свою политику, противоположную политикѣ императорской, вынуждая императора къ публичному отреченію отъ своей политики и къ признанію себя побѣжденнымъ, Керуларій съ достаточною ясностію показалъ, что императорское правительство можетъ найти въ немъ сильнаго союзника, или, напротивъ, опаснаго противника. Въ дѣйствитель-

ности мы и видимъ, что какъ въ остальное время царствованія Константина IX, такъ и при императрицѣ Теодорѣ, при Михаилѣ VI Стратиготикѣ и при Исаакѣ Комненѣ (послѣ того какъ послѣдній пересталъ нуждаться въ содѣйствіи патріарха, удрѣдившись на императорскомъ престолѣ), патріархъ состоялъ въ оппозиціи правительству, представляя собою грозную силу. Правительство или оказывалось вынужденнымъ повиноваться патріарху, или пассивно сносило его замосочивость, игнорируя его требованія, но и не смѣя предпринять противъ него что нибудь рѣшительное, пока не разразился конфликтъ съ Исаакомъ Комненомъ, закончившійся низложеніемъ и смертію патріарха.

Промежутокъ времени между 1054 г., когда совершился церковный разрывъ, и между 1059 г., когда низложенный Керуларій умеръ, составляетъ какія-нибудь пять лѣтъ, а между тѣмъ сколько событий и перемѣнъ последовало въ Византіи за это время! Мономахъ, въ концѣ своего царствованія, въ виду печальнаго состоянія государственной казны, опустошенію которой и самъ онъ не мало содѣйствовалъ расходами на своихъ метрессъ и ихъ родственниковъ, а съ другой стороны на церкви и монастыри, рѣшился пополнить истощенную казну, а въ Византіи уже и раньше, какъ скоро правительство приходило къ этой мысли и начинало осуществлять ее въ той или другой формѣ (при Никифорѣ Фокѣ и Василіѣ II), тѣмъ самымъ вызывалось неудовольствіе духовенства (архіереевъ и монастырей)¹⁾. Такъ и при Мономахѣ неудовольствіе массы лицъ, въ томъ числѣ и духовенства, было сильное. Атталиотъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ изображаетъ мѣропріятія Мономаха, смотря на нихъ, какъ на сплошное беззаконіе, чѣмъ они едва ли были на самомъ дѣлѣ. Никѣмъ не предвидѣвшіеся, хитросплетенные штрафы и недоимки, несправедливые суды и неслыханные розыски, тюрьмы для неисправныхъ

---

¹⁾ Достопочтенный патріархъ Николай Мистивъ составляетъ исключеніе. Когда, въ началѣ двадцатыхъ годовъ X в., окончаніе войны съ болгарскимъ царемъ Симеономъ потребовало тяжелыхъ жертвъ, патріархъ обратился къ митрополитамъ съ приглашеніемъ выслать отъ всѣхъ подчиненныхъ имъ церквей и монастырей значительныя денежныя суммы въ столицу, добавляя, что, если выслано будетъ слишкомъ мало, императорскіе чиновники безъ согласія митрополитовъ произведутъ сборъ денегъ. *Hergenröther, Photius, III, 702.*

плательщиковъ и страхъ тюрьмы для тѣхъ, кто еще не подвергся нападенію фискальнаго чиновника, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что вотъ-вотъ опустится висящій надъ нимъ мечъ,—такова была участь всѣхъ сколько нибудь состоятельныхъ людей, по словамъ Атталиота. А относительно церковныхъ учрежденій добавляется еще нѣчто особенное. Ужасное дѣло, разсуждаетъ Атталиотъ, распространилось и на то, что посвящено было божественнымъ мѣстамъ и учрежденіямъ, въ которыхъ хранились запасы продовольствія, ибо во всѣ епархіи разсылались указы о производствѣ слѣдствія и допросѣ служителей храмовъ, съ цѣлю принудительной экзекуціи, въ случаѣ если бы не послѣдовало добровольной выдачи. И когда царя поразила смерть раньше, чѣмъ приступлено было къ этому слѣдствію, всѣ говорили, что небесная казнь покарала его за покушеніе переименовать то, что прекрасно предназначено было для благочестиваго употребленія¹⁾. Фискальныя мѣропріятія императоровъ вообще рѣдко находили себѣ сочувственную оцѣнку у современниковъ, въ томъ числѣ и у историковъ. Мѣропріятія Мономаха, какъ и другихъ императоровъ, безъ всякаго сомнѣнія затрогивали только лицъ состоятельныхъ, властелей (*δυνατοί*, *personae potentiores*), а такъ какъ въ первомъ ряду этихъ «властелей» стояли издревле духовные землевладѣльцы, то патриарху легко было, опираясь на общее недовольство, стать въ открытую оппозицію императорскимъ мѣропріятіямъ.

Цесль даже въ своей надгробной рѣчи, т. е. въ томъ произведеніи, въ которомъ онъ имѣлъ цѣлью не очернить, а восхвалять умершаго патриарха, хвалить его такъ, что въ похвалахъ его сквозить иронія. Вотъ какъ онъ изображаетъ отношеніе патриарха какъ къ Мономаху, такъ и ко всѣмъ вообще «согрѣшающимъ». У него не было различія между убогимъ и богатымъ, между подданнымъ и царемъ. Онъ изобличалъ, порицалъ, «законополагалъ». Исправляя, онъ казался тяжелымъ и неумолимымъ. Отъ царя, если этотъ оскорбилъ его, онъ внятно принималъ возраженія, и, какъ скоро царь измѣнялся къ должному, забывалъ его противорѣчіе. И если случалось, что патриархъ въ первый разъ бывалъ отосланъ, онъ все-таки не бросалъ начатаго дѣла,

¹⁾ Mich. Attaliothae historia, по боннск. изд. 1853 г., стр. 50—51.

какъ человѣкъ, исполнившій то, что ему слѣдовало исполнить, а продолжалъ дѣлать свои представленія. Отъ мысли, что имъ не все сдѣлано, душа въ немъ дрожала, какъ будто бы ее ранили ужасныя стрѣлы, и эти раны въ немъ не заживали, пока ему не удавалось довести до конца свое дѣло дерзновенія. Императоръ же, съ неудовольствіемъ встрѣтившій первую попытку, не оставался враждебнымъ къ человѣку, мѣшавшему ему въ томъ отъ чего нужно было удержать его, а напротивъ, съ переменной къ лучшему, по минованіи вспышки и возвращеніи къ нему здравомыслія, благодарилъ за сдержку и за переменную къ лучшему. Нѣкоторымъ онъ казался тяжелымъ въ нападеніи и упорнымъ въ гнѣвѣ. Но это въ сущности была «экономія» (*οἰκονομία*), т. е. мудро разсчитанная и взвѣшенная политика обращенія на путь добра и истины. Единственное и первое, чего желалъ онъ, одушевляемый божественною ревностію къ добру, — это чтобы никто не удалялся отъ добродѣтели, чтобы каждаго образовать по Богѣ и искорененіемъ въ немъ страсти обратиться ко спасенію. Поэтому-то, желая исправить увлочающихся, онъ педагогически преслѣдовалъ эту цѣль, поражалъ словомъ и дѣйствовалъ какъ бичъ на сознаніе лица, устрашая и уцѣломудривая его «движеніемъ бровей», — это именно и суть свойства, присущія евангельскому ученію (!). Для того же, чтобы таковыя приемы не показались для многихъ лицемеріемъ и выдумками, онъ не въ порывѣ раздраженія выбиралъ время для вразумленія и не спѣшилъ переимѣнять личину, — отъ того-то для незнающихъ характера этого мужа и его строго разсчитанной системы «экономіи», внѣшнее проявленіе представлялось не образомъ, а самою истинною, такъ что скрытая сторона дѣла ускользала отъ наблюденія, и патріархъ въ глазахъ нѣкоторыхъ представлялся сердитымъ и на милость не легко склоняющимся ¹⁾.

Можно себѣ представить, какъ должны были обостриться отношенія между патріархомъ и царемъ, и какъ опасно было положіе послѣдняго, когда онъ, бывъ уже раньше развѣнчанъ отъ титула защитника православія, позволилъ себѣ вдобавокъ грѣховное посягательство на имѣнія духовныхъ властелей и нисколько

---

¹⁾ Σάθας, IV, 341 и сл.

не думалъ о раскаяніи, а рѣшился до конца довести задуманное имъ дѣло. Смерть Мономаха (въ самомъ началѣ 1055 г.) избавила его, быть можетъ, отъ политической катастрофы. Керуларію она принесла ту пользу, что о фискальныхъ мѣропріятіяхъ Мономаха на время забыли, но самъ патріархъ не сдѣлался, по этой причинѣ, persona grata при дворѣ, потому, какъ надо думать, что притязаній его не могли выносить. То, что говоритъ Пселлъ въ своей похвальной рѣчи о времени царствованія Θεодоры, не многословно, но весьма характерно: къ царицѣ Θεодорѣ покойный патріархъ приходилъ какъ «законодатель», но царица законодательствовала въ противность законодателю, находясь подъ вреднымъ вліяніемъ ¹⁾). Патріарху сдѣлали даже крупную неприємность: не смѣя затронуть его лично, отправили въ ссылку излюбленныхъ имъ кіосскихъ монаховъ съ ихъ пророчицей, какъ людей, ученіе которыхъ признано было нечестивымъ, тѣмъ была наброшена тѣнь на ортодоксію самого патріарха ²⁾). Пселлъ же даетъ понять, что патріархъ старался устроить брачный союзъ Θεодоры (находившейся въ глубокой старости) съ кѣмъ либо изъ генераловъ, съ тѣмъ чтобы на престолѣ чувствовалась не женская, а мужская рука ³⁾). Θεодора и слышать объ этомъ не хотѣла и предпочла пріобщить къ власти, т. е. сдѣлать соимператоромъ престарѣлаго же Михаила Стратіотига, безъ вступленія съ нимъ въ бракъ. Этой причины было достаточно, чтобы личность новаго императора сдѣлать неприємною для патріарха, что впоследствии и обнаружилось самымъ нагляднымъ образомъ. Но въ данный моментъ патріархъ дѣйствовалъ вполне корректно, уваживъ волю императрицы и короновавъ Стратіотига даже по смерти императрицы (въ августѣ 1056 г.), такъ какъ при жизни ея не успѣли совершить коронованія. Мало того, патріархъ рѣшительно сталъ на сторону существующаго правительства, когда племянникъ Константина IX проѣдръ Θεодосій Мономахъ, считавшій себя обиженнымъ вслѣдствіе того, что Θεодора не его, а Стратіотига сдѣлала императоромъ, на-

---

¹⁾ Ibid. 357—358: „ὁ πατήρ...νομοθέτης τῆ βασιλίδι κατήρχετο...ἡ δε...μεταβαλοῦσα ἀντενομοθέτει“.

²⁾ Обвин. рѣчь Пселла, см. *Безобразовъ*, Матеріалы, стр. 38 и сл.

³⁾ 'Εγκυκλ. у Саевы, т. IV стр. 358.

бралъ себѣ приверженцевъ и вздумалъ овладѣть властію. Патриархъ ни минуты не колебался относительно этого претендента, хотя послѣдній явно рассчитывалъ на патриарха. Возмутившійся Θεодосій направился въ Софійскую церковь, которая могла бы, при сочувствіи Керуларія, сдѣлаться центромъ революціоннаго движенія, каковымъ она дѣйствительно и сдѣлалась при послѣдовавшемъ затѣмъ вскорѣ сверженіи Михаила VI Стратіотика въ пользу Исаака Комнена. Патриархъ распорядился запереть ворота св. Софіи, и злосчастный претендентъ, не поддержанный патриархомъ, дорого поплатился за свою авантюру ¹⁾. Объяснить образъ дѣйствій патриарха въ данномъ случаѣ его лояльностью, желаніемъ поддержать существующій порядокъ было бы ошибочно. Тутъ должны были существовать другія причины. Во-первыхъ, личность племянника Константина IX не могла, внушать патриарху никакой симпатіи и никакого довѣрія, а другія политическія комбинаціи еще пока не назрѣло. Во-вторыхъ, патриархъ очень хорошо понималъ привязанность народа къ престарѣлой Θεодорѣ, какъ къ послѣднему отпрыску славной македонской династіи, царствовавшей почти 200 лѣтъ, — случай рѣдкій въ византійской исторіи, и хотя Θεодора умерла еще до коронованія Стратіотика, но воля ея достаточно ясно была выражена при жизни, такъ что патриарху всего благоразуміе было дѣйствовать согласно съ этою волею. Притомъ же патриархъ понималъ, что поддержаніе легитимности въ данныхъ обстоятельствахъ создастъ ему гораздо большее обаяніе въ народѣ, чѣмъ участіе въ безумномъ предпріятіи, и обяжетъ Стратіотика къ благодарности патриарху, какъ къ опорѣ и покровителю императорской власти. А такъ какъ Стратіотикъ, и при жизни, и по смерти Θεодоры, не дѣлалъ тѣхъ предупредительныхъ шаговъ, которые ожидалось отъ него патриархомъ, и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ совѣтниковъ, непріязненныхъ патриарху, не спрашиваясь этого послѣдняго, то недолго заставила себя ждать трагическая развязка кратковременнаго царствованія Стратіотика. Пселль въ своемъ «Столѣтіи византійской исторіи» сообщаетъ намъ интересное извѣстіе. Онъ, Пселль, въ числѣ другихъ совѣтовъ, далъ Стратіотику, по-

¹⁾ Cedren. II, 612—614; Zonar. III, 655—656.

ложеиіе котораго начинало колебаться, слѣдующій: прекратить всякіе раздоры съ патриархомъ, желаніемъ котораго императоръ до сихъ поръ, во многихъ вещахъ сопротивлялся, позаботиться объ единомыслии и дружбѣ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, который имѣетъ въ настоящее время большую силу и, въ случаѣ непріятія совѣта Пселла, будетъ дѣйствовать за одно съ бунтовщиками ¹⁾. Въ Пселлѣ рискованно было бы отыскивать нравственныя достоинства, но въ одномъ ему нельзя отказать—въ знаніи отношеній того времени и въ огромной политической опытности. Совѣтъ, который давалъ Пселлъ Стратіотіку былъ дѣйствительно совѣтомъ умнаго государственнаго человѣка, который умудрился держаться при дворѣ и у власти при самыхъ головоломныхъ дворцовыхъ переворотахъ ²⁾ и не потерялся даже въ такой моментъ, когда все, повидимому, было кончено для него ³⁾. Пселлъ несомнѣнно давалъ Стратіотіку полезный совѣтъ, и неизвѣстно, какую форму получили бы отношенія между восточнымъ императоромъ и константинопольскимъ патриархомъ, если бы совѣтъ былъ принятъ. Вся послѣдующая исторія краснорѣчиво говоритъ, что совѣтъ не былъ принятъ (хотя г. Скабалановичъ и утверждаетъ противное), что Стратіотікъ не постарался приобрести благоволеніе патриарха. Слѣдуя совѣтамъ партіи, враждебной патриарху, и въ то же время дѣлая промахи въ дѣлахъ внутренней политики ⁴⁾, онъ приобрѣлъ въ лицѣ патриарха не союзника, а врага, и врага не зауряднаго. Патриархъ оказался во главѣ оппозиціонной партіи, усиленной не-

---

¹⁾ См. у Саэы IV, 214.

²⁾ Пселлъ служилъ при девяти императорахъ: Михаилѣ IV Пафлагонѣ, Михаилѣ V Калафатѣ, Константинѣ IX Мономахѣ, при царицѣ Теодорѣ, Михаилѣ VI Стратіотикѣ, Исаакѣ Комненѣ, Константинѣ Дука, Романѣ IV Диогенѣ и Михаилѣ VII Паралинаксѣ.

³⁾ Разразившись при Исаакѣ Комненѣ обвинительною рѣчью противъ Керуларія, которая написана не чернилами, а ядомъ, Пселлъ остался въ фаворѣ двора и тогда, когда на престолъ вступилъ Константинъ Дука, мужъ племянницы Керуларія Евдокіи, и Евдокія, по смерти Константина Дука, въ малолѣтство сына ихъ Михаила Паралинакса, была даже нѣкоторое время правительницею государства, написавъ, по требованію обстоятельствъ, панегирикъ въ честь умершаго дяди императрицы.

⁴⁾ *Brehier*, 253 и сл.; *Безобразовъ*, М. Пселлъ, стр. 62.

довольными генералами, которыхъ Михаилъ VI чувствительно оскорбилъ.

Еще раньше, чѣмъ Пселлъ далъ вышеуказанный совѣтъ императору, состоялся форменный заговоръ, и не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а въ Софійской церкви. У Кедрена разсказывается, что оскорбленные ¹⁾ императоромъ военачальники, горя гнѣвомъ и мщеніемъ, собрались всѣ за одно въ великой церкви и, обѣщавъ взаимно подъ присягой молчаніе и месть за обиду, скрѣпили договоръ, что называется, адамантовыми узами. Когда поставленъ былъ вопросъ, кому быть императоромъ, рѣшено было предложить власть Кекавмену Катакалону (одному изъ выдающихся военачальниковъ), но этотъ отклонилъ предложеніе высказавшись за Исаака Комнена (другого выдающагося генерала). То, что совершилось на этотъ разъ въ великой церкви, не могло оставаться неизвѣстнымъ патріарху, и ворота ея не оказались запертыми, какъ для Феодосія Мономаха. Допуская даже, что подобная сходка состоялась экспромтомъ, безъ вѣдома патріарха, мы все таки не можемъ сомнѣваться въ томъ, что патріархъ долженъ былъ получить о ней скорѣйшія свѣдѣнія отъ служителей храма и отъ кого либо изъ духовенства и дать знать кому слѣдуетъ о подозрительномъ собраніи людей, которые располагали силою и популярностью, и чувства которыхъ по отношенію къ существующему правительству были хорошо всѣмъ извѣстны. Но о такомъ шагѣ со стороны патріарха мы ничего не знаемъ, а знаемъ только изъ вышеприведенныхъ словъ Пселла, что императору предстояла альтернатива: или подчиниться желаніямъ патріарха, или видѣть его въ средѣ бунтовщиковъ. Военачальники выбыли изъ Константинополя въ мѣста расположенія ихъ войскъ, и вскорѣ Комненъ поднялъ открытое возстаніе, подступая ближе и ближе къ столицѣ и разбивая высылаемая противъ него императорскія войска. Стратіотикъ вынужденъ былъ отправить къ Комнену посольство изъ трехъ лицъ, лучше которыхъ нельзя было и выбрать, какъ скромно

---

¹⁾ Cedren, II. 619—620. Оскорбленіе состояло въ томъ, что императоръ не только обошелъ военачальниковъ наградами, изливая въ тоже время свои щедроты на севать, но и отнесся къ нимъ съ ироніей и съ пренебреженіемъ, въ отвѣтъ на ихъ заявленіе о своихъ заслугахъ.

заявляет Пселль ¹⁾, (въ составѣ этого посольства находился и онъ самъ, «консулъ философовъ»). Посольство отправлено было безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ патріарха и имѣло предложить Комнену отъ имени Михаила VI усыновленіе и титулъ цезаря (съ надеждой преемства по смерти Стратіотика, но безъ осуществленія правъ императорской власти при его жизни),¹ причѣмъ обѣщалась амністія всѣмъ сторонникамъ Комнена. Это предложеніе никого не удовлетворило; посольство возвратилось въ столицу, но оттуда снова было отправлено въ лагерь Комнена съ новыми предложеніями, которыя всѣми были приняты, только одинъ Катакалонъ Кекамень настаивалъ на низверженіи Стратіотика безъ всякихъ условій и оговорокъ. Кедренъ говоритъ, что, по слухамъ, сами послы подбивали Катакалона не принимать никакихъ условій, а также и Компена подъ присягой увѣрили, что все населеніе города любить его, и что ему стоитъ лишь поступить къ городу, какъ оно, вытолкавъ «старика», приметъ его съ побѣдными кличами и съ гимнами ²⁾.

Между тѣмъ, еще раньше вступившій въ переговоры съ Комненомъ, Стратіотикъ, стараясь привлечь къ себѣ благосклонность гражданъ подарками и почестями, чтобы связать ихъ еще болѣе сильными узами, обязалъ византійцевъ присягнуть, подъ страшными заклятіями, въ томъ, что они никогда не назовутъ Комнена царемъ или господиномъ и не воздадутъ ему чести, подобающей царю, а сенаторовъ заставилъ подписаться подъ документомъ, въ которомъ это было изложено, и написанное скрѣпить. Теперь, когда сдѣлалось извѣстно, что императоръ приобщаетъ Комнена къ власти, а Комненъ между тѣмъ былъ уже совсѣмъ близко отъ столицы, раннимъ утромъ, собралась въ великую церковь толпа народа, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ лицъ, требуя, чтобы патріархъ сошелъ къ нимъ, такъ какъ они имѣютъ сообщить ему важныя извѣстія. Патріархъ сначала отказался и распорядился запереть дверь, ведущую въ верхнія отдѣленія церковнаго зданія, ограничившись высылкой къ бушующей толпѣ, для ея выслушанія, двухъ своихъ племянниковъ, а толпа тѣмъ временемъ сильно

¹⁾ Обвинит. рѣчь, см. у *Безобразова* въ „Матеріалахъ“, стр. 53.

²⁾ Cedren II, 633—634.

возрасла, увеличившись не только зъваками, жадными до всякихъ новостей, но и людьми благоразумными, и немалымъ числомъ сенаторовъ, недовольныхъ Стратіотикомъ. Послышались угрозы, что племянниковъ патріарха задушатъ, если онъ самъ не сойдетъ. Тогда патріархъ—вынужденно ли, не знаю, говорить Кедрень, или добровольно, какъ большею частію утверждаютъ,—сошелъ внизъ въ своемъ патріаршемъ облаченіи, съ видомъ глубоко оскорбленнаго человѣка. Но все это, какъ показали факты, было комедіей,—говорить Кедрень. Лишь только онъ явился, какъ зажигатели толпы взяли его и, принеся тронъ, посадили по правую сторону амвона. Сначала его стали убѣждать, чтобы онъ отправился посломъ отъ нихъ къ императору и потребовалъ выдачи присяжнаго документа, такъ какъ теперь самъ же императоръ назначилъ Комнена престолонаслѣдникомъ, такъ что для присягнувшихъ оказывается-де неизбѣжною дилемма: или совершить вѣтвое преступленіе (величая Комнена, въ противность присягъ, императоромъ), или подвергнуться казни за преступленіе величества (не провозглашая имени его, какъ императора, въ противность состоявшемуся между Стратіотикомъ и Комненомъ соглашенію). Патріархъ обѣщалъ исполнить эту просьбу, но нѣсколько спустя, о просьбѣ было забыто, Комнена провозгласили самодержцемъ-царемъ, не желавшихъ этого называя врагами римлянъ и апостатами и требуя разграбленія ихъ домовъ. Это одобрено было и самимъ патріархомъ, отъ имени котораго присутствовалъ и одобрялъ второстепенный священникъ Стефанъ, а также патріархъ антиохійскій Феодоръ (преемникъ извѣстнаго намъ Петра), который провозгласилъ многолѣтіе Комнену и распорядился разрушеніемъ и разграбленіемъ домовъ лицъ, не одобрявшихъ случившагося. И все это дѣлалось въ св. храмѣ! Патріархъ затѣмъ отправляетъ два посольства: одно къ Комнену, другое къ «старикъ», перваго приглашая спѣшить безъ всякаго промедленія и требуя награды за содѣйствіе, какъ бы уже за поконченное дѣло, а послѣдняго приглашая оставить дворецъ, какъ совѣщъ ему не принадлежащій. Отсюда для всѣхъ ясно обнаружилось, что патріархъ былъ не только соучастникомъ, но и первовиновникомъ «апостазіи». Когда «старикъ» спросилъ посланныхъ къ нему патріархомъ митрополитовъ: «что патріархъ дастъ мнѣ въ замѣнъ царства?»

и эти отвѣтили: «царство небесное», онъ тутъ же, снявъ съ себя порфиру и пурпурныя туфли и одѣвшись въ простое платье, оставилъ дворець. Все это рассказываетъ Кедрень, присовокупляя свое собственное размышленіе, что Стратіотикъ несомѣнно-де получилъ бы обѣщанное митрополитами царство небесное, если бы добровольно отрекся отъ царства при самомъ началѣ «апостазіи», но такъ какъ онъ довелъ дѣло до междоусобной войны и до гибели многихъ гражданъ и отрекся лишь бывъ вынужденъ необходимостію, то остается подъ сомнѣніемъ, получить ли онъ царство небесное, въ видѣ эквивалента (*ἀντιμισθία*) за земное царство ¹⁾. А заканчивается рассказъ Кедрена сообщеніемъ, что, послѣ удаленія старика въ свой домъ, находившійся въ Акрополѣ, 31-го августа утромъ Кекавменъ Катакалонъ, возведенный Комненомъ въ санъ нуропалата, со многими знатными лицами посылается занять дворець, къ вечеру же является и самъ Комнень, послѣ чего на другой день, 1-го сентября 1058 г. въ торжественной процессіи направляется въ великую церковь, гдѣ съ высоты амвона возлагаются на него ^{руками} патріарха царская діадема, и онъ провозглашается царемъ-самодержцемъ римлянъ. Подробно говорить о двухъ посольствахъ къ Комнену Пселль, который самъ былъ главнымъ дѣйствующимъ въ нихъ лицомъ, ибо на его краснорѣчіе и софистическую силу (*εὐχλωττία καὶ σοφιστικὴ δόναμις*) въ особенности разсчитывалъ Стратіотикъ ²⁾. Понятно, что о вѣроломствѣ пословъ, которое могло бы быть лишь послѣдствіемъ стачки съ патріархомъ и съ комненовскою партіею въ Константинополь, «ничать философъ» ничего не говоритъ. Дѣло, по изложенію Пселла, представляется въ такомъ видѣ, что предложенія, съ которыми явилось второе посольство, были одобрены всѣми, начиная съ самого Комнена и кончая его солдатами. Комнень намѣревался уже мирнымъ образомъ вступить въ столицу, безъ всякихъ непріязненныхъ намѣреній въ отношеніи къ престарѣлому Стратіотику, а константинопольскіе послы готовились возвратиться съ этою вѣстію въ столицу, какъ пришло оттуда извѣстіе о низверженіи Стратіотика съ престола.

¹⁾ *Cedren.* II, 634—638.

²⁾ См. у Саенъ; IV, 217 и сл. *Безобразовъ*, Мих. Пселль, стр. 63—72.

Кедрень, писавший въ XII в., какъ считается теперь установленнымъ у специалистовъ византийской историографіи, повторялъ въ своемъ *Σύνοψις ἱστορίων* Іоанна Скилицу, младшаго современника Пселла, который состоялъ въ высочомъ санѣ куропалата въ концѣ XI в., и слѣдовательно писалъ черезъ 25—30 лѣтъ послѣ описанной константинопольской революціи. Но объ этой же революціи довольно подробно говорить и другой, болѣе ранній историкъ, въ собственномъ смыслѣ современникъ Пселла, Михаилъ Атталіотъ, фактическую сторону излагающій не съ такою подробностію, какъ Кедрень, но на нѣкоторыхъ пунктахъ останавливающимся съ особымъ вниманіемъ.

а) Вопервыхъ, Атталіотъ подробнѣе говоритъ объ отношеніи патріарха къ константинопольской революціи. Неяснымъ остается, по его словамъ, былъ ли патріархъ съ самаго начала участникомъ въ замыслахъ, направленныхъ противъ царя (т. е. не была ли самая явкѣ бунтовщиковъ въ великую церковь условлена заранѣе между патріархомъ и вожаками, и притомъ съ вѣдома самого Комнена); но, въ виду нѣкоторыхъ фактовъ, подозрѣніе патріарха въ соучастіи представляется Атталіоту правдоподобнымъ. Эти факты суть: 1) дружба и приближенность къ Комнену Константина Дуки (женатаго на племянницѣ Керуларія); 2) поведение собравшейся не въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, а именно въ храмѣ, толпы, которая послѣ того, какъ означенный умыселъ пересталъ держаться въ секретѣ, дѣйствовала противорѣчиво, сначала упирая на то, что царь, въ нарушение ранѣе состоявшагося соглашенія, по которому Комнень не долженъ быть признаваемъ царемъ, вступилъ съ этимъ же самымъ Комненомъ въ переговоры и приобщилъ его къ власти, а потомъ неожиданно провозгласилъ Комнена императоромъ; 3) присутствіе въ храмѣ племянниковъ патріарха, для спасенія якобы которыхъ и для предупрежденія междоусобной войны, патріархъ взялъ на себя роль судьи и вершителя того, что говорилось, ставъ на сторону большинства и приказавъ священникамъ провозгласить славословіе Комнену.

б) Вовторыхъ, сказавъ, что партія Комнена въ городѣ стала болѣе и болѣе усиливаться, а власть «старика» расшатываться, и что къ Комнену послано было извѣстіе объ открытыхъ для него

воротяхъ города и о всенародномъ провозглашеніи его императоромъ, Атталіотъ сообщаетъ намъ важный фактъ, о которомъ, какъ мы увидимъ, говоритъ также Пселлъ. Въ ожиданіи Комнена, патріархъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальныхъ лицъ (*πάντας τοὺς ἐν τέλει*), изъ которыхъ одни явились добровольно, другіе вынужденно (но можетъ быть благоразумно)—военныя и гражданскія сословія, вмѣстѣ и съ царскою властью, неумѣло оставилъ ¹⁾ и назначилъ новыхъ должностныхъ лицъ, которыя назались прѣвнчествующими данному времени, а старику, по требованію толпы, послалъ сказать, чтобы онъ немедленно постригся, если желаетъ остаться въ живыхъ.

*) Втретійхъ, сцена низложенія Стратіотика описывается Атталіотомъ съ нѣкоторыми новыми чертами. Несмотря на то, что дворцовая гвардія и приверженцы его готовы были выйти на противниковъ и поддержать его власть, Михайлъ не допустилъ этого, говоря, что было бы съ его стороны дѣломъ челоуѣко-ненавистничества и эгоизма согласиться на оскверненіе столицы убійствами и закланіями челоуѣческими, и, посмотрѣвъ на красныя туфли, промолвилъ: «изъ за нихъ Михайлъ не измѣняетъ благочестію», потомъ, отшвырнувъ ихъ отъ себя, наклонилъ голову передъ посланными, для постриженія. Благодушно переимѣнивъ царское великолѣпіе на монашеское житіе и драгоцѣнное одѣяніе на рубище, онъ сейчасъ же препровождается къ патріарху, который встрѣчаетъ его съ видомъ челоуѣколюбія и съ улыбкой, говоритъ ему: «радуйся» и цѣлуетъ его. Старикъ же на это привѣтствіе отвѣчаетъ: «Богъ да воздастъ тебѣ, святитель, за твое привѣтствіе», послѣ чего препровождается въ одинъ изъ патріаршихъ домовъ для совершеннѣйшаго уединенія, процарствовать всего одинъ годъ ²⁾.

¹⁾ Въ греческомъ текстѣ стоитъ: *καὶ δῆτα τοῦ πατριάρχου πάντας τοὺς ἐν τέλει μετακαλεσαμένου πρὸς ἑαυτὸν, οὓς μὲν ἐκούσιως, οὓς δὲ ἀκούσιως ἐκβιασθέντας τυχόν ὀικονομικῶς, στρατιωτικὰ δὲ καὶ δημοτικὰ συντάγματα ἐκέισε τὴν βασιλείου ἐξουσίαν ἀφουὶς μετεστήσατο.* Въ латинскомъ переводѣ по боннскому изданію это мѣсто едвали правильно передано: „*atque postquam patriarcha omnes magistratus ad se arcessivisset, alios volentes, alios invitos coactos: prudenter fortasse, militum et populi collegia ibi regiam potestatem omnino mutavit.*“

²⁾ *Michæelis Attaliothæ historia* по боннск. изд. 1853 г., стр. 56—59.

И еще одинъ византійскій историкъ подробно говоритъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ воцаренію Исаака Комнена, именно Іоаннъ Зонара, писавшій около половины XII в. Этотъ говоритъ обстоятельно о двухъ посольствахъ отъ Стратіотика къ Комнену и о рѣшимости послѣдняго, вмѣстѣ съ его войскомъ, сложить оружіе и прекратить «тираннію», не набрасывая тѣни подозрѣнія на пословъ и не приписывая заднихъ мыслей ни Комнену, ни его сторонникамъ. Сказавъ затѣмъ о томъ неудачномъ шагѣ, который сдѣланъ былъ Стратіотикомъ до вступленія его въ переговоры съ Комненомъ (наложеніе на византійцевъ присяги никогда не признавать Комнена) и объ извѣстныхъ намъ событіяхъ въ Софійской церкви, Зонара, какъ и другіе историки, констатируетъ существованіе мнѣній или слуховъ о притворствѣ патріарха, якобы противъ воли вынужденнаго выйти къ бунтовщикамъ. Притворствомъ считаетъ Зонара и просьбу, обращенную къ патріарху отправиться къ царю, въ качествѣ посла для вытребованія присяжнаго документа, равно какъ и согласіе патріарха удовлетворить этой просьбѣ, ибо, по прошествіи немногаго времени, явно провозгласили Комнена царемъ и самодержцемъ, при согласіи и при содѣйствіи самого патріарха (*αὐτοῦ τοῦ πατριάρχου συνευδοχοῦντος καὶ σὺνπράττοντος*), который пригласилъ Комнена спѣшить и потребовалъ отъ него награды за провозглашеніе, а Михаила извѣстилъ, чтобы онъ оставилъ дворецъ. Слѣдуетъ краткое сообщеніе (по Кедрену) о сценѣ постриженія Стратіотика и о торжественномъ вступленіи Комнена въ столицу ¹⁾:

Свѣдѣнія, сообщаемыя намъ тремя историками о революціи, предшествовавшей воцаренію Исаака Комнена, оставляютъ неяснымъ вопросъ объ отношеніи самого Комнена къ этой революціи и вмѣстѣ о честности пословъ, черезъ которыхъ велись переговоры между Комненомъ и Стратіотикомъ. Но работали ли вожаки константинопольскаго движенія по соглашенію съ Комненомъ и стали ли на сторону этого же движенія послы Стратіотика, такъ что на устраненіе послѣдняго прямо рассчитывалось въ лагерь Комнена предъ вѣздомъ его въ столицу, или же послы не измѣняли Стратіотику, и сверженіе его съ престола было не-

---

¹⁾ Ioannes Zonaras, III, 661—665.

ожиданностию для Комнена — личность патриарха предстаетъ предъ нами въ одинаково невыгодномъ освѣщеніи. Если допустить первое, то патриархъ, становясь во главѣ заговорщиковъ, подгапывался подъ существующее правительство въ пользу «тиранна», по соглашенію съ этимъ послѣднимъ. Если допустить второе, то патриархъ сдѣлалъ нѣчто такое, чего самъ Комненъ не ожидалъ, хотя въ пользу Комнена же. При томъ и при другомъ предположеніи ясно, что патриархъ велъ свою политику, которая была бы тѣмъ болѣе непростительна, если бы, какъ утверждаетъ г. Скаблановичъ¹⁾, Стратіотикъ принялъ выше упоминавшійся совѣтъ Пселла, т. е. примирился бы съ патриархомъ. Въ еще болѣе рѣзкой окраскѣ выступаетъ передъ нами патриархъ у Пселла въ его обвинительной рѣчи. Сказавъ о благопріятномъ исходѣ второго посольства, о согласіи Комнена на сдѣланныя ему предложенія и о прекращеніи междоусобія, Пселлъ говоритъ нѣчто такое, на что лишь намекаютъ названные выше историки. «Такъ постановилъ Богъ» разсуждаетъ обвинитель, сказавъ о согласіи Комнена на предложенія, сдѣланныя ему черезъ второе посольство, «а великій въ патриархахъ творитъ ужасное, *не выноситъ, чтобы кто нибудь царствовалъ безъ его согласія*, и возстаетъ противъ Бога за то, что Онъ не посоветовался съ нимъ, какъ распорядиться царствомъ. Что же онъ дѣлаетъ? Не думайте, что я сочиняю: будь я проклятъ, если прибавлю что нибудь къ дѣйствительно случившемуся. Онъ открываетъ двери храма бышенимъ митрежникамъ, кутившимъ цѣлую ночь.... Какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, одни приходятъ за другими, но не знатные люди, не стоящіе во главѣ войска и государства, но прежде всего вся его партія и нѣкоторые другіе, проклинаемые народомъ. Когда большинство черни, по истинѣ скотское исчадіе, собралось у великаго пастыря и архіерея, онъ сперва вызываетъ неудовольствіе на ихъ движеніе и надѣваетъ маску лицемерія. Затѣмъ очень скоро его убѣждаютъ, онъ спускается къ нимъ и *дерзаетъ выступить противъ двухъ царей*, изъ которыхъ одинъ находился въ царскомъ дворцѣ, украшенный всѣми императорскими регаліями (т. е. Стратіотикъ), другой же входилъ во дворецъ, сопровождаемый царскою

---

¹⁾ Визант. госуд. и церковь ст. 77—78 въ примѣч.

свитою (т. е. Комнень)... я обвиняю архіерея, въ томъ, что ему не слѣдовало, въ то время какъ скипетръ находился, какъ сказано, въ рукахъ двухъ царей, вмѣшиваться въ государственныя дѣла и заботиться о выборѣ царя. *Онъ сдѣлался тиранномъ по отношенію къ двумъ царямъ* и на обоихъ онъ поднималъ руки, одного устраняя издали, другого отгоняя отсюда, *чтобы утвердить державу и дворецъ за собою.* Онъ и въ прежнія времена стремился къ этому (имѣется въ виду заговоръ противъ Пафлагона), но планы его тогда не удались, однако отъ своей надежды онъ не отказался. Для чего же онъ открылъ заговорщикамъ ворота храма? Почему же онъ не пригрозилъ сбѣжавшимся и не выгнать ихъ оттуда? Ибо они ни вошли сразу большой толпой, но сперва человекъ 16, или немного больше..... *Стремленіе къ царской власти, желаніе царствовать надъ всѣми, желаніе движеніемъ бровей потрясать небо и Олимпъ заставляло его пренебрегать самыми священными вещами.* Итакъ сходить внизъ владыка съ пастырскимъ жезломъ, чтобы направить паству на пастбище и къ источнику. Онъ стоитъ съ дубиною и обычною жестокостью, намѣреваясь выгнать дикихъ звѣрей и отдать имъ на съѣденіе священную паству Господа, за которую онъ положилъ свою душу. Придя, онъ ничего не сказать, не спросилъ, не возражалъ, не высказалъ своего мнѣнія, но какъ тиранны, когда очутятся внутри стѣнъ, тотчасъ всходятъ на акрополь, чтобы съ возвышеннаго мѣста сейчасъ же выказать свой тираннскій образъ мыслей, такъ и этотъ священническій тираннъ тотчасъ же разбойническимъ и непріязненнымъ образомъ бросился въ тайное святилище подъ недоступную крышу, въ мѣсто для толпы неприступное». Сравнивъ затѣмъ Керуларія съ Иудой, Пилатомъ и Каиафой, Пселлъ продолжаетъ:

«Обсуждали выборъ царя, ибо онъ *одинаково ненавидѣлъ обоихъ императоровъ.* Онъ желаетъ тотчасъ же умертвить находящагося во дворцѣ, находящемуся вдали помѣшать войти. *чтобы или самому стать тиранномъ, или рукоположить кого въ тиранны.* Если даже мы допустимъ, что онъ не хотѣлъ стать царемъ самъ, мы не можемъ устранить отъ него обвиненіе въ оскорбленіи величества, ибо онъ возмущался противъ царя, имѣлъ намѣреніе убить императора, а возымѣвъ такое намѣреніе, дерзнулъ совершить это (т. е. принудительнымъ постриженіемъ Стратіотика)... Когда столица призна-

вала двухъ императоровъ. одного живущаго внутри столицы, другого приходящаго извнѣ по соизволенію Божиему, на котораго возлагали всего болѣе надеждъ, *не было повода ни къ какому новому движенію*, случившееся правилось всѣмъ, и никто изъ знатныхъ и власть имущихъ не замышлялъ ничего, но всѣ сидѣли смиренно, предоставляя дѣло произволу Божиему. Божественный же владыка собралъ разбойническое войско, сдѣлалъ ихъ копьеносцами и мѣтающими камни. О дерзость, о наглость! Онъ не только вооружилъ эту шайку, но сначала старался привлечь знать, а затѣмъ собралъ народную толпу. Онъ приказывалъ *срывать до основанія дома тѣхъ, кто не желалъ этого и предпочиталъ жить спокойно*. Какая ни дѣлалась ужасная вещь! Какое недѣльное дѣло ни совершалось! *Разрушались дома, ихъ стражи подвергались нападеніямъ, одни защищаясь падали мертвыми, другіе сдавались отъ такого образа дѣйствій. Все было преисполнено смятенія и беспорядка...* (Пселль сравниваетъ Керуларія съ Нерономъ, который, поджегши городъ, смотрѣлъ на пожаръ, какъ на игру). Патріархъ угрожалъ тѣмъ, кто не хотѣлъ стать на его сторону. *Онъ представляетъ изъ себя царя, дѣлаетъ назначенія, раздаетъ чины, одного ставитъ во главѣ народа (дѣлаетъ димархомъ), другому вручаетъ власть надъ моремъ, третьему въпрямъ поля, а себя самому удѣляетъ достоинство царя. Онъ намѣревался въ непродолжительномъ времени украситья диадемой и повсюду являться въиценосцемъ*. Устроивъ все, онъ посылаетъ людей убить императора, если онъ тотчасъ не сойдетъ съ престола, не склонить передъ нимъ головы. Тотъ же, испугавшись тиранской жестокости и боясь, какъ бы не потерпѣть чего нибудь болѣе ужаснаго, безъ долгихъ убѣжденій отказался отъ престола вслѣдствіе испуга и идетъ къ тиранну... *Укротивъ такимъ образомъ одного, онъ направляется противъ другого*. Но, когда онъ увидѣлъ, что Провидѣніе склонилось на сторону того (Комнена), и всѣ призываютъ его и не хотятъ слышать ни о комъ другомъ, онъ самъ по необходимости дѣлается его сторонникомъ. ....Архіерей напалъ на священную особу царя и изъ двухъ царей одного уничтожилъ, другого уничтожить не смогъ... Когда Богъ отдѣлилъ священство отъ царства, послѣднее поставилъ во главѣ мірскихъ дѣлъ, священству же поручилъ заботу о душахъ, божественный Самуилъ не противился Саулу, онъ не негодовалъ и

не сопротивлялся царской власти, считал, что она отнята от него, напротив, сынъ Анны повиновался и подчинялся сыну Кисову; великій же нашъ владыка посягнувъ на царскую власть, пытался соединить власти, Богомъ разведенныя, одного изъ самодержцевъ свелъ съ ромейскаго престола, другого старался не допустить....¹⁾

Охотно допуская, что обвинительная рѣчь Пселла страдает преувеличеніями и натяжками, въ родѣ сравненія Керуларія съ Пилатомъ, съ Нерономъ и проч., искажаетъ факты, напримѣръ фактъ, устанавливаемый всѣми историками, что въ Софійской церкви присутствовали не одни подонки константинопольскаго населенія, а и люди изъ сенаторскаго сословія и другія знатныя лица, читатель долженъ сознаться, все-таки, что рѣчь производитъ гораздо большее впечатлѣніе реальной правды, чѣмъ посмертный панегирикъ того же Пселла въ честь Керуларія, въ которомъ мы видимъ наборъ словъ и отсутствіе исторической перспективы. Мы познакомились раньше съ отрывкомъ изъ этого панегирика, касающагося раздѣленія церкви, и видѣли, насколько онъ соответствуетъ дѣйствительной исторіи. Таковой же неисторическій характеръ носить и то мѣсто въ панегирикѣ, которое относится къ революціи, предшествовавшей воцаренію Комнена. Очень краснорѣчиво описывается междоусобная война съ ея ужасами и бездѣятельность Стратіотика²⁾ раньше собранія народа въ великой церкви; но о разрушеніи и разграбленіи домовъ тѣхъ лицъ, которыя не желали провозглашенія Комнена императоромъ, послѣ состоявшагося рѣшенія въ великой церкви, не говорится ни слова. Притомъ даже и въ похвальной своей рѣчи Пселлъ не можетъ удержаться отъ нѣкоторой ироніи, выражаясь, что, патріархъ, взявшійся умѣлою рукою за руль въ моментъ распада всякаго порядка, выступилъ съ такимъ величіемъ, что, тѣ за кого онъ благоволилъ высказаться, тѣ и признавались лучшими другихъ³⁾, и что каждому изъ соперничавшихъ императоровъ онъ мудро

---

¹⁾ Обвинит. рѣчь по переводу Безобразова въ Ж. М. Н. Пр. ч. 265, стр. 54—58.

²⁾ У Саов, IV, 363—364.

³⁾ Тамъ же стр. 362.

доставилъ то, что для нихъ было нужно,—одному спасеніе души, другому власть и усмиреніе возстанія ¹⁾). О желаніи царствовать и движеніемъ бровей потрясать всѣхъ и все говорится не въ обвинительной только рѣчи, а и въ другихъ источникахъ, съ которыми мы отчасти уже встрѣчались ²⁾), а отчасти предстоитъ еще познакомиться. Поэтому едва ли правильно было бы тѣ мѣста обвиненія, въ которыхъ Керуларію приписывается попытка захвата въ свои руки царской власти, и гдѣ онъ представляется лишь пооднѣ и вынужденно переходящимъ на сторону Комнена, считать неосмысленною клеветою, или эксцессомъ прокурорскаго увлеченія. Пселль, когда писалъ свою обвинительную рѣчь, конечно, принималъ въ соображеніе и то, что случилось позднѣе, уже въ царствованіе Комнена, и характеризовалъ патріарха не только тѣми чертами, которыя раскрылись передъ воцареніемъ Комнена, но и такими, которыя ясно выступили позднѣе, такъ что обвинитель оперировалъ надъ цѣльною, такъ сказать, психологіею Керуларія. А выходя изъ этой цѣльной психологіи, даже и современный изслѣдователь можетъ задаться вопросомъ: сразу ли въ самомъ дѣлѣ Керуларій сталъ на сторону Комнена, и не было ли у него первоначально въ головѣ другой политической комбинаціи, отъ которой, однако, онъ успѣвши отступить, увидѣвъ невозможность ея осуществленія? Если Пселль говорить, что патріархъ хотѣлъ или самъ стать тиранномъ, или рукоположить кого въ тиранны, то не было ли для этого обвиненія фактической подкладки? Не замышлялось ли уже тогда патріархомъ то самое, что потомъ, два года спустя, осуществилось по смерти патріарха путемъ интриги, благодаря которой Исаакъ Комненъ, человекъ воинской доблести, умный и честный правитель, долженъ былъ оставить престоль, очистивъ его для неспособнаго Константина Дуки? Другими словами, не рассчитывалъ ли патріархъ, ставъ во главѣ движенія, направляемаго противъ Стратіотика, повернуть это движеніе въ пользу того кандидата, котораго самъ онъ предложилъ бы? А Константинъ Дука былъ бы, разумѣется, болѣе желательнымъ для Керуларія кандидатомъ, чѣмъ Исаакъ Комненъ, не только

¹⁾ Тамъ же стр. 365—366.

²⁾ См. выше, стр. 82.

потому, что Дуна былъ мужемъ племянницы Керуларія, но и потому, что Дуна вполне пригоденъ былъ дѣйствовать на императорскомъ престолѣ, какъ креатура патріарха, а этотъ послѣдній въ самомъ дѣлѣ получилъ бы возможность соединить такимъ образомъ и въ этомъ смыслѣ въ своихъ рукахъ и духовную, и свѣтскую власть. Можетъ быть, и для самого Комнена эта комбинація не представлялась невозможною; поэтому-то онъ, въ числѣ другихъ милостей, излитыхъ имъ на патріарха въ видѣ благодарности за содѣйствіе къ вступленію его на престолъ, возвелъ или обвѣщалъ возвести Константина Дужу въ цезари ¹⁾. Во всякомъ случаѣ остаются безспорными два немаловажные факта, удостоверяемые не только Пселломъ въ его обвинительной рѣчи, но и Свилицей—Кедреномъ: 1) патріархъ руководилъ тѣмъ терроромъ, который обрушился на всѣхъ тѣхъ, кто не присоединился къ рѣшенію, состоявшемуся въ великой церкви ²⁾; 2) патріархъ своею властію замѣстилъ должности по государственному управленію, хотя на другой день ожидалось торжественное вступленіе самого Комнена въ столицу, и слѣдовательно не было никакой надобности предпринимать этотъ правительственный актъ даже съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, не говоря уже о принятіи на себя патріархомъ неподобающаго дѣла.

Керуларій,—сразу ли и искренно, или послѣ нѣкотораго колебанія,—очистившій императорскій престолъ для Комнена, сознавалъ за собою право рассчитывать на благодарность послѣдняго,—сознавалъ соответствующую обязанность и самъ Комненъ, что и выразилось самымъ нагляднымъ образомъ, тотчасъ же по вступленіи его на престолъ. Дѣйствительно и у Аттالیота, ³⁾ и у Свилицы ⁴⁾, и у Зонары ⁵⁾ говорится о проявленіи Комненомъ чувства благодарности по отношенію къ содѣйствовавшимъ вступленію на

¹⁾ Пселль у Саен, IV, 257. См. объ этомъ *Скабалановича*, Визант. госуд. и церковь, 87 и *Безобразова*, Пселль, 91—95.

²⁾ См. выше стр. 95 и ср. на стр. 59 у *Безобразова* въ „Матеріалахъ“: „равнѣ ты не вооружалъ однихъ, не привазывалъ другимъ стеречь улицы, занимать узкіе проходы, окружать стѣны, снаряжать тріеры?“

³⁾ Attal. 66.

⁴⁾ Cedren. II, 641—642.

⁵⁾ Zonar. III, 666.

престолъ и въ особенности по отношенію къ патріарху, который при томъ же (по разсказу историковъ), при самомъ отправленіи посольства къ Комнелу съ предложеніемъ спѣшить въ столицу (послѣ извѣстнаго намъ провозглашенія его императоромъ въ великой церкви), *потребовалъ* отъ Комнелена эквивалента за оказанныя услуги. Благодарность выразилась въ особомъ почтеніи, съ которымъ относился новый императоръ къ патріарху, какъ къ своему отцу, въ возведеніи племянниковъ патріарха на высшія должности, въ возвращеніи изъ ссылки хіосскихъ монаховъ и въ отказѣ отъ императорскаго права назначенія на должности по имущественному управленію великой церкви и надзора за этимъ управленіемъ. Послѣдній пунктъ требуетъ нашего особаго вниманія. По словамъ Атталиота и Скилицы, императоръ свои царскія права по отношенію къ священству принесъ въ жертву великой церкви съ совершеннымъ устраненіемъ дворца (т. е. свѣтскаго правительства), такъ что ни въ области хозяйства, ни по части попеченія и управленія священными сокровищами (т. е. церковной казной), никто изъ чиновниковъ не могъ назначаться царемъ, но отъ власти патріарха должно было зависить и назначеніе лицъ, и управленіе дѣлами ¹⁾. А Зонара называетъ самыя должности, замѣщеніе которыхъ до сихъ поръ зависѣло отъ императора, а на будущее время предоставлялось патріарху, съ совершеннымъ устраненіемъ фиска отъ этого дѣла: должности великаго эконома и скевофилакса ²⁾.

Съ достовѣрностію неизвѣстно, съ какого времени существовалъ въ Византіи порядокъ, отмѣненный Исаакомъ Комнеломъ

---

¹⁾ „Καὶ τὰ τοῖς βασιλικαῖς δικαίαις προσόντα παρὰ τῶν ἱερατικῶν δίκαια τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καθιεροῖ καὶ τούτων ἄλλοτριοῖ ποντάπει το παλάτιον, ὥστε μήτ' ἐπὶ τῆς οἰκονομίας, μήτε τῆς τῶν ἱερῶν κειμηλίων προνοίας καὶ προστασίας παρὰ βασιλέως τινὰ προχειρίζεσθαι, ἀλλὰ τῆς τοῦ πατριάρχου ἐξουσίας ἡρτήσθαι καὶ τὴν προχείρησιν τῶν προσώπων καὶ τὴν τῶν πραγμάτων διοίκησιν“ (Attal. и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ у Скилицы).

²⁾ „Χαριζόμενος δ' ἐπὶ τῷ πατριάρχῃ καὶ τὴν τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων οἰκονομίαν τῇ ἐκκλησίᾳ ἀπένειμε, μέχρι τότε τοῦ μεγάλου οἰκονόμου προχειριζομένου παρὰ τοῦ βασιλεύοντος, ἀλλὰ μὴν καὶ τοῦ σκευοφύλακος, ἐκεῖνος δὲ καὶ ἄμφω ὑπὸ τὴν τοῦ πατριάρχου ἔθετο ἐξουσίαν, ἀποξενώσας ἄμφοιν τὸ δημόσιον“.

въ видѣ благодарности къ патриарху. Еще въ половинѣ V в. былъ изданъ императоромъ Маркіаномъ законъ, устанавливавшій отчетность церковно-имущественной администраціи предъ фискомъ. Противъ этого закона протестовалъ, какъ выше было замѣчено, папа Левъ Великій ¹⁾; но возможно, что позднѣе императорское правительство возвратилось къ мысли Маркіана и, съ цѣлю лучшаго осуществленія фискальнаго контроля надъ администраціей церковнаго имущества, взяло въ свои руки назначеніе на главныя должности по церковно-имущественному управленію. Гёререръ, допуская, что императоры, уже за долгое время до Василя II назначали экономовъ, утверждаетъ, что при Василѣ II этого порядка не было, и что возстановленіе его было результатомъ переговоровъ между Константиномъ Мономахомъ и Керуларіемъ, предшествовавшихъ возведенію послѣдняго на патриаршую кафедру ²⁾. Ближайшимъ поводомъ къ переговорамъ могъ послужить тотъ фактъ, что послѣ умершаго патриарха Алексѣя (предшественника Керуларія) осталась огромная сумма въ 25 центенаріевъ золота, которую Мономахъ конфисковалъ. Отказъ Комнена отъ права назначенія на указанныя выше должности долженъ былъ, по мнѣнію Гёререра, приводить къ слѣдующимъ послѣдствіямъ: 1) патриархъ получалъ исключительно въ свои руки управленіе церковнымъ имуществомъ, 2) исключительно по своему усмотрѣнію выдавалъ содержаніе подчиненному духовенству, 3) могъ накоплять какіе угодно денежные капиталы ³⁾. Отсюда-то и объясняется, по мнѣнію Гёререра, возможность такихъ фактовъ, что послѣ патриарха Алексѣя осталось нѣсколько милліоновъ рублей на наши деньги, или у ессалонискаго митрополита оказалась даже гораздо большая сумма. Кедренъ рассказываетъ ⁴⁾, что на ессалонискаго митрополита Θεοφана была подана мѣстнымъ духовенствомъ жалоба императору (Михаилу

---

¹⁾ См. выше стр. 73.

²⁾ Byz. Gesch. III, 202, 270, 275.

³⁾ Ibid. 272. Нужно помнить, что византійское право не знало того, что у насъ называется „архіерейскимъ домомъ“: имущество, предназначенное на содержаніе архіерея, не обособлялось отъ остальнаго церковнаго имущества, и всякое церковное имущество находилось въ рукахъ архіерея.

⁴⁾ Cedren. II, 518.

Пафлагону, находившемуся на этот раз в Фессалониках), по поводу невыдачи от митрополита духовенству слѣдующаго ему содержанія натурой (хлѣбомъ). Императоръ убѣждалъ митрополита не обижать клириковъ, а когда убѣжденія не подѣйствовали, употребилъ хитрость. Онъ попросилъ у митрополита, черезъ одного изъ своихъ служителей, въ заемъ одинъ центенарій впредь до полученія денегъ изъ Византіи, а когда митрополитъ подъ присягой увѣрилъ, что у него не имѣется болѣе 30 фунтовъ, распорядился освидѣтельствовать наличность архіепископской кассы. По освидѣтельствованіи, въ ней оказалась огромная сумма въ 33 центенарія (т. е. 3,300 ф.) золота. Изъ этой суммы императоръ уплатилъ клирикамъ все, что было ими не допущено съ перваго года архіепископства Теофана вплоть до настоящаго дня, остальное раздѣлилъ между бѣдными, а самого Теофана отрѣшилъ отъ должности. Оба факта, падающіе почти на одно и тоже время, навели Герѣрера на мысль, что они сдѣлались возможны благодаря тому, что императоръ Василій II, по соглашенію съ патриархомъ Сисиніемъ и его ближайшими преемниками, отбавился отъ всякаго вмешательства въ церковно-имущественное управленіе во всѣхъ округахъ имперіи, давъ тѣмъ самымъ возможность патриарху и епископамъ держать духовенство впрогодъ и накапливать большіе капиталы.

Въ предположеніяхъ Герѣрера много произвольнаго. Что капиталы накопились архіереями именно потому, что духовенство держалось впрогодъ, едва ли возможно доказать, въ смыслѣ общаго положенія, принимаемаго ко всѣмъ епископскимъ кафедрамъ. Тѣмъ болѣе едва ли можно производить отдѣльные случаи обнаруженнаго высшими епископами любостыжанія изъ соглашенія Василія II съ патриархомъ, такъ сказать изъ поблажки со стороны императора въ пользу высшей духовной іерархіи. Остается, однако, несомнѣннымъ фактъ, что, ко времени воцаренія Исаака Комнена, должности великаго эконома и севеосилакса замѣщались императоромъ. Затѣмъ изъ выраженій Кедрена и въ особенности Зонары, рассказывающихъ о царствованіи Романа Аргира, можно заключать, что, во времена, предшествовавшія его царствованію, назначеніе на должность эконома принадлежало императору ¹⁾, а

---

¹⁾ Романъ III Аргиръ, предшественникъ Михаила Пафлагова, вступилъ на

при Романѣ уже не принадлежало; стало быть, кѣмъ нибудь изъ его преемниковъ оно было восстановлено, если во времени воцаренія Комнена опять оказывалось въ рукахъ императора. Поэтому можно допустить вмѣстѣ съ Гёререромъ, что 1) Романъ Аргиръ, вступившій на престолъ 60 лѣтъ отъ роду, въ молодые годы былъ экономомъ великой церкви, — и конечно не по назначенію патріарха, а по назначенію отъ императора, такъ какъ былъ свѣтскимъ лицомъ — приблизительно къ концу X в. слѣдовательно въ первую половину царствованія Василя II, 2) что во вторую половину царствованія Василя II назначеніе эконома предоставлено было патріарху, 3) что императорское право назначенія было восстановлено въ промежутокъ времени между Аргиромъ и Исаакомъ Комненомъ, всего вѣроятнѣе Константиномъ Мономахомъ, при возведеніи на патріаршую кафедру Михаила Керуларія.

Гёререръ, поставившій себѣ цѣлью понять связь сообщаемыхъ историками разрозненныхъ фактовъ и придти къ извѣстному выводу относительно смысла, который долженъ былъ имѣть отказъ императора отъ императорскихъ правъ въ отношеніи къ церковно-государственной администраціи, не обратилъ вниманія на выраженія Аггалиота и Скилицы: «*πρόνοια*» и «*πρόστασις*». Эти выраженія наводятъ на мысль, что права, отъ которыхъ отказывался Исаакъ Комнень, были важны для патріарха не со стороны лишь ихъ матеріальной или экономической цѣнности, а со стороны принципиально-юридической.

«Пронія» на византійскомъ юридическомъ языкѣ означала то, что у славянскихъ народовъ называлось «нормленіемъ»¹⁾, и пред-

---

престолъ въ 1028 г. Кедрень (II, 485—486) рассказываетъ, что Романъ начало своего царствованія ознаменовалъ, между прочимъ, слѣдующимъ благодѣяніемъ: зная недостаточность доходовъ великой церкви (такъ какъ самъ, въ *прежнія времена*—*ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις*, былъ экономомъ этой церкви), повелѣлъ ежегодно отпускать на содержаніе клира 80 фун. золота изъ императорской казны. Зонара (III, 574) прибавляетъ еще къ этому, что царю *раньше* принадлежало назначеніе эконома: *τέτονε γάρ ποτε τῆς θεοῦ λόγου ἐπισκοπῆς Σοφίας μέγας οἰκονόμος. ἐπεὶ τῆ βασιλεῖ ἀνεῖτο πρόσθεν οἰκονόμον τῆς ἐκκλησίας ταυτησὶ προχειρίζεσθαι.*

¹⁾ Макушевъ, О провинъ въ древней Сербіи (Ж. М. Н. Пр. ч. 175 сент. 1874) стр. 2 и сл.; Скабаланичичъ, Визант. госуд. и церк. въ XI в., стр. 258 и сл.

ставляла собою известную параллель западно-европейскому лену, точно такъ же какъ византійскій «проніаръ», иначе харистіарій (предоставлявшаяся которому власть часто называлась *простація*)¹⁾ соответствовала западно-европейскому бенефициату-леннику²⁾. Предметомъ «проніа» были населенныя земли, принадлежащія царю и царемъ жаловавшіяся служивымъ людямъ въ знакъ милости и въ видъ награды³⁾. А такъ какъ великой церкви принадлежала масса населенныхъ имѣній и не мало патріаршихъ монастырей, которымъ въ свою очередь также принадлежали населенныя имѣнія, то отказъ императора отъ всякаго вмѣшательства въ церковно-имущественное управленіе долженъ былъ означать неограниченную власть патріарха раздавать церковныя земли своимъ пропіарамъ, харистіаріямъ, подобно тому какъ царь раздавалъ, въ видъ пожалованія, царскія земли своимъ служивымъ людямъ, а отчасти и подобно тому, какъ западно-европейскій сеньоръ того времени раздавалъ лены своимъ вассаламъ. Для патріарха такимъ образомъ должно было создаваться положеніе, параллельное съ царскою властію въ сферѣ землевладѣнія, и поэтому объ отказѣ Исаака Комнена отъ осуществленія императорскихъ правъ можно думать нѣчто большее, чѣмъ думалъ Гёререръ. Если бы Комненомъ отмѣнялось то самое, что было восстановлено, по толкованію Гёререра, Комстантиномъ Мономахомъ, то слѣдовало бы ожидать, что не одинъ патріархъ, а всѣ епископы получаютъ право неограниченнаго управленія имуществами своихъ епископскихъ церквей. А между тѣмъ историки, какъ показано было выше, объ епископахъ ничего не говорятъ, отказъ же Комнена отъ осуществленія императорскихъ правъ представляютъ дѣломъ личной благодарности императора къ патріарху, эквивалентомъ услугъ послѣдняго при занятіи первымъ императорскаго престола. Тотъ фактъ, что именно въ XI в. слово *проніа* специализировалось въ смыслъ технического термина для обозначенія *царскихъ* пожалованій, можетъ служить лишь

¹⁾ Скабалановичъ, 259—260.

²⁾ Василевскій, Матеріалы для внутренней исторіи византійскаго государства (Ж. М. Н. II., ч. 210, июль. 1880), стр. 139 и 143.

³⁾ Скабалановичъ, стр. 264.

подтверженіемъ нашего предположенія, что патріархъ получилъ власть, равносильную съ царскою властью, въ области распоряженія всѣми имуществами, принадлежащими великой церкви. Къ этому же результату приводитъ и тотъ фактъ, который случился тотчасъ послѣ смерти Керуларія, и по поводу котораго Кедренъ и Зонара употребили слово: *τρέβοις*. Сейчасъ мы увидимъ, что Исаакъ Комненъ, вскорѣ же послѣ своего воцаренія, долженъ былъ круто измѣнить свою политику въ отношеніи къ церковному землевладѣнію, чѣмъ вызванъ былъ конфликтъ съ патріархомъ, имѣвшій для послѣдняго роковое значеніе. Въ связи съ этою измѣнившейся политикой стоитъ оригинальная мѣра, предпринятая Компеномъ, по отношенію къ Константину Лихуду. По разсказу Кедрена и Зонары, избранный на мѣсто Керуларія Константинъ Лихудъ ¹⁾ былъ поставленъ императоромъ въ затруднительное положеніе. Императору желательно было отобрать у Лихуда Манганы ²⁾, которыя находились въ «проніи» Лихуда. Не придумавъ лучшаго средства достигнуть своей цѣли, Комненъ воспользовался тѣмъ моментомъ, когда Лихудъ сложилъ съ себя сенаторское званіе и свѣтскія должности и получилъ посвященіе въ пресвитеры; но въ патріархи еще не былъ посвященъ. Въ этотъ промежуточный моментъ Комненъ объявилъ Лихуду, что онъ знаетъ за нимъ нѣчто такое, что препятствуетъ его посвященію и должно быть рассмотрѣно на синодѣ, но что если Лихудъ согласится отказаться

---

¹⁾ Константинъ Лихудъ былъ министромъ въ царствованіе Мономаха. Солидарность его съ Керуларіемъ въ дѣлахъ италійской политики была причиной его удаленія отъ дѣлъ. Затѣмъ Лихудъ былъ, вмѣстѣ съ Пселломъ, въ составѣ посольства, отправленнаго Стратютикомъ къ Компену. На патріаршую кафедру онъ былъ избранъ изъ мірянъ.

²⁾ Манганы—дворецъ арсенала съ монастыремъ Св. Георгія при немъ. И къ дворцу, и къ монастырю, безъ сомнѣнія, были приписаны населенныя имѣнія. Съ званіемъ завѣдующаго Манганами соединялось также храненіе публичныхъ документовъ, которыми доказываются права. Лихудъ получилъ въ пронію этотъ дворецъ отъ Мономаха, и для Комнена было ясно, что, сдѣлавшись патріархомъ, Лихудъ ни въ какомъ случаѣ не поступитъ своей „проніей“ въ пользу императора, который и придумалъ по этой причинѣ оригинальный способъ достигнуть своей цѣли. См. о Манганахъ: *Du Fresne du Cange, Constantinopolis christiana*, lib. IV, p. 124. 133—134. 156. Ср. *Gfrörer, Byzantinische Geschichten*, III, 628 и сл. О „проніяхъ“ Пселла см. у Скабалавича, стр. 259.

отъ Манганъ, императоръ не будетъ мѣшать его посвященію. Это, по выраженію Зонары ¹⁾, «порожденіе дѣвольски-хитраго ума» заставило Лихуда исполнить императорское требованіе, ибо онъ увидѣлъ, что въ прежнее положеніе (мірянина, сенатора и сановника) ему уже вернуться нельзя, а оставаться въ положеніи пресвитера постыдно ²⁾).

Исааку Комнену не долго пришлось пользоваться популярностью. Уже раньше примѣръ Никифора Фоки показалъ, насколько опасно было императору затрогивать интересы духовенства, въ особенности сталкиваться съ земельными интересами обширнаго класса духовныхъ властелей или землевладѣльцевъ и вызывать противъ себя ихъ ненависть; а въ тѣ времена ненавистно духовенства, усматривавшаго въ дѣйствіяхъ императора «нечестіе», устанавливалось общественное мнѣніе, разрушалась популярность самаго популярнаго императора. Это случилось и съ Исаакомъ Комненомъ, хотя онъ былъ болѣе справедливъ и менѣе одностороненъ, чѣмъ Фока, который дѣйствовалъ съ явнымъ пристрастіемъ въ пользу свѣтскихъ властелей. Утвердившись на престолѣ, говоритъ Агталіотъ, Исаакъ увидѣлъ недостаточность средствъ для военныхъ цѣлей, при постоянныхъ въ то же время опасностяхъ отъ враговъ, и сдѣлался неумолимымъ взыскателемъ съ недоимщиковъ фиска, первый совратилъ жалованье должностнымъ лицамъ и всюду, какъ ненасытный охотникъ, ловилъ деньги. Онъ заботился о бережливости и объ увеличеніи государственной земельной недвижности, причемъ и многія частныя лица были лишены владѣній, не вырвалъ на жалованья грамоты (хризовулы), на которыхъ утверждалась ихъ собственность. Онъ набросился также и на нѣкоторыя учрежденія съ большими и богатыми владѣніями, нисколько не меньшими тѣхъ, которыя принадлежали въ царской казнѣ. Обобралъ многія изъ нихъ и оставивъ то, что достаточно было, по его мнѣнію, для существованія монастырей и монаховъ, излишнее отиhsалъ въ царскую казну, каковое дѣло для людей, склонныхъ въ поспѣшнымъ сужденіямъ, представлялось беззаконіемъ или нечестіемъ, оцѣтат-

¹⁾ „τόκος νοός κακοδαίμονος“.

²⁾ См. Cedren. II, 644—645. Zonar. III, 670—671.

ствомъ, но въ глазахъ людей, солидно судящихъ о вещахъ, не заключало въ себѣ ничего неумѣстнаго, такъ какъ съ той и другой стороны было полезно: монаховъ, посвятившихъ себя бѣдности, освобождало отъ несовѣстныхъ съ ихъ образомъ жизни заботъ и промысловъ, и въ то же время не лишало ихъ того, что для нихъ дѣйствительно было необходимо, а съ другой стороны освобождало отъ ихъ гнета сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Ибо монахи, при ихъ роскошныхъ и дорого стоящихъ владѣніяхъ, страдая ненасытною, которая обратилась у нихъ въ привычную страсть, вынуждали сосѣдей оставлять свои земли, а въ случаѣ процесса одерживали верхъ надъ своими противниками, благодаря массѣ ихъ владѣній и богатствъ, благодаря тому, что они свободны были отъ всякой отчетности, и благодаря лицепріятію. И государственная казна, которая часто ставилась въ необходимость поступаться своимъ въ разныя руки, получала приращеніе и не малое утѣшеніе, причѣмъ и другимъ не причиняла никакого вреда ¹⁾).

Подобный же трезвый взглядъ на дѣятельность Исаака Комнена высказывается куропалатомъ Іоанномъ Скилицей. Въ виду недостатка денегъ, безъ которыхъ, по выраженію оратора, ничего нельзя подвѣлать, и принявъ во вниманіе, что военное дѣло шло по этой именно причинѣ неудовлетворительно, и что всѣ повсюду подняли головы противъ римлянъ, къ величайшему поношенію послѣднихъ, Исаакъ сдѣлался неумолимымъ взыскателемъ всего, что должно было поступать въ государственную казну, и самъ первый урѣзалъ жалованье должностнымъ лицамъ, и т. д. согласно съ Атталіотомъ. Образъ дѣйствій императора, говоритъ Скилица, только для людей, судящихъ не подумавши и поспѣшно, могъ казаться протстекающимъ изъ нечестія и несправедливости и направляющимся въ святотѣству, напротивъ не представлялъ ничего нелѣпаго въ глазахъ людей, способныхъ смотрѣть на вещи серьезно и духовно (*τῆς ἐμβριθεῖς οὐκ ἔβουλον καὶ πνευματικῶς*). Отнимая у монаховъ возможность сибаритской роскошной жизни и въ то же время не лишая ихъ необходимаго, кромѣ того еще сосѣдей избавляя отъ злобы и любостыжанія монаховъ, Комнень, по мнѣнію Скилицы, дѣйствовалъ разумно. Скилица даже воскликаетъ: «о

---

¹⁾ Mich. Attal. 60—62.

если бы онъ довелъ до счастливаго конца свое дѣло, и не только по отношенію къ монастырямъ, но по отношенію ко всему вообще духовенству!»¹⁾

Пселлъ въ своемъ «Столѣтія вивантійской исторіи»²⁾ характеризуетъ Комнена симпатичными чертами, какъ неутомимаго и разумнаго правителя, хотя и пытается провозгласить надъ нимъ съ высоты своего блудливаго «краснорѣчія и софистической силы». Комненъ, по изображенію Пселла, не зналъ ни покоя, ни усталости, напр. вернувшись послѣ битвы къ вечеру во дворецъ, не перемѣняя даже запыленного платья и не тратя времени на приказаніе, чтобы его къ утру вычистили, садился за дѣла военныя и гражданскія. Онъ не зналъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Онъ не былъ рѣчиствъ и не тратилъ много времени на слова, выражая обыкновенно свою мысль знаками, киваніемъ головы, движеніемъ руки. Совсѣмъ почти незнакомый съ законами, онъ не спѣшилъ съ своимъ мнѣніемъ по законодательному вопросу, а давалъ высказаться другимъ и, принявъ лучшее изъ мнѣній, дѣлалъ видъ, что онъ и раньше былъ того же мнѣнія. Чтобы не изобличить своего неправильнаго произвошенія, онъ не пускался, при выраженіи своего мнѣнія, въ ораторскія упражненія, а или письменно выражалъ свое рѣшеніе, или даже и это считалъ излишнимъ. Политики Комнена въ отношеніи къ церковному имуществу Пселлъ видимо не одобрялъ, но главнымъ образомъ онъ порицалъ императора за то, что тотъ торопился уничтожить прежніе порядки безъ должной осмотрительности и не спрашиваясь ничьихъ совѣтовъ. По ироническому замѣчанію Пселла, Богъ создалъ міръ въ шесть дней, а Комненъ считалъ нестерпимымъ для себя, если не создавалъ всего въ одинъ день³⁾.

Неблагопріятно высказывается о Комненѣ съ своей монашеской точки зрѣнія Зонара, хотя и этотъ послѣдній съ порицаніемъ относится опять скорѣе къ методѣ, чѣмъ къ принципиальной сторонѣ правительственной дѣятельности Комнена. Зонара представляетъ Комнена самонадѣяннымъ и въ доказательство

¹⁾ Cedren. II, 642—643.

²⁾ у Саен, IV стр. 234 и сл.

³⁾ у Саен, IV, 242—243.

самонадѣянности приводитъ тотъ фактъ, что Комнень велѣлъ чеканить на монетахъ свое изображение съ обнаженнымъ мечомъ, — явный-де знакъ, что успѣхъ свой онъ приписывалъ не Богу, а себѣ самому. Такъ какъ презннки Василя II безпорядочно распоряжались имуществомъ фискальнымъ и государственнымъ, частью тратя его на свои удовольствія и на устройство монастырей, частью раздаривая его кому вздумается, то царскія сокровищницы были исчерпаны и казна опустѣла. Комнень, желая исправить это зло, не съ постепенностію и послѣдовательностію взялся за дѣло, раздуждаетъ Зонара, а подобно тому какъ на монетахъ велѣлъ изображать себя съ мечомъ въ поднятой рукѣ, такъ и тутъ прямо схватился за дѣло, готовый сразу обрубить наросты, вмѣсто того чтобы смигчать или накладывать пластырь на больныя мѣста. Послѣ того, какъ его «тираннія» превратилась въ законную власть, онъ не только безъ разбора отмѣнилъ сдѣланное его непосредственнымъ предшественникомъ, отбирая то, что было имъ пожаловано кому либо, но упразднялъ и уничтожалъ многіе изъ актовъ другихъ своихъ предшественниковъ, и не только по отношенію къ зауряднымъ людямъ, но и къ сенаторамъ, наконецъ добрался и до божественныхъ вещей, обрѣзавъ многое посвященное основаннымъ его предшественниками учрежденіямъ, или, лучше сказать, подвергъ монаховъ учету, оставивъ за ними только то, что нужно для необходимыхъ издержекъ, все же прочее отожсавъ и отобравъ въ казну. Каждый день вводя новшества, одно за другимъ, онъ сдѣлался по этому ненавиденъ всѣмъ, и массою народа, и сенату, и военному сословію, такъ какъ и у этого послѣдняго онъ умалилъ средства, въ особенности же у тѣхъ, кто проводилъ жизнь въ монастыряхъ. Но ничто не удерживало его отъ его мѣропріятій: ни слово, ни страхъ, ни ненависть, ни порицаніе, — настолько онъ превознесся мыслию и возгордился душою ¹⁾.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что царь въ своихъ мѣропріятіяхъ долженъ былъ столкнуться съ патриархомъ. О гордомъ и заносчивомъ поведеніи патриарха говорятъ всѣ историки. Патриархъ, возгордившись надъ всѣми, надъ кѣмъ онъ считалъ себя высшимъ,

---

¹⁾ Zonar. III, 667—668.

говорить Аггалиотъ, и не по достоинству превозносясь надъ всѣми, полагаясь притомъ на благоволеніе императора, часто удерживалъ послѣднѣго отъ его начинаній, которыя ему не нравились, иногда прибѣгая въ отеческому расположенію и увѣщанію, иногда смѣняя запретительные и угрожающіе приказы похвалами, льстивыми словами и припаданіями, такъ что царь чуть не войну выдерживалъ и безпрестанныя увѣщанія сталъ считать оскорбительными. Не вынося долго такихъ рѣчей, царь рѣшилъ низвергнуть патріарха, какъ назвавшася по отношенію къ нему, разъ навсегда помощникъ съ священническою гордыней и такимъ образомъ избавиться отъ обличенія ¹⁾.— Гораздо болѣе рѣзкими чертами характеризуютъ поведеніе Керуларія Іоаннъ Скилица.

Патріархъ, полагаясь на неисчерпаемое благоволеніе царя, говоритъ Скилица, превозносился надъ нимъ, не къ прошеніямъ только и увѣщеніямъ прибѣгая, какъ скоро нуждался въ чемъ либо или въ пользу кого либо, но и къ угрозамъ и неумѣстнымъ епитиміямъ, какъ скоро не получалъ удовлетворенія на свои безпрестанныя и назойливыя просьбы, застрачивая, что если царь не будетъ слушаться, то будетъ лишенъ царской власти, употребляя при этомъ вульгарную и набитую поговорку: «я тебя, печна, сломаю, я же тебя и разломаю» (Εὖ, σὲ ἔχθρα, φοῦρνε εἴθε ἴνα σε χαλάσω). Онъ рѣшился даже надѣть на себя пурпурныя сандалии, говоря, что это — обычай древняго священства (т. е. ветхо-завѣтнаго), и что имъ долженъ пользоваться и архіерей новаго священства. Ибо онъ говорилъ, что между священствомъ и царствомъ нѣтъ никакой разницы, или разница очень малая, а въ болѣе цѣнномъ (т. е. въ важнѣйшихъ вещахъ) священство, можетъ быть, даже и выше стоять и большаго почтенія требуетъ, чѣмъ царская власть (ἱερωσύνης γὰρ καὶ βασιλείας τὸ διάφορον ὡδὲν ἢ καὶ ὀλίγον εἶναι ἔλεγε, ἐν δὲ γε τοῖς τιμιωτέροις καὶ τὸ πλέον τάχα καὶ ἐρίτιμον ²⁾).— Не съ такими подробностями, но въ сущности тоже самое говоритъ объ отношеніи Керуларія къ Исаяку Комнену Зоюара. Изобразивъ самонадѣянность и гордыню Комнена, Зоюара продолжаетъ:

¹⁾ Стр. 62.

²⁾ Cedron II, 643.

«Но и патриархъ не уступалъ ему въ гордости, а хотѣлъ приказывать ему, и если ему когда либо не удавалось получить просямаго, досадовалъ на это, угрожалъ и запрещалъ и наконецъ грозился, что какъ онъ далъ ему царство, такъ и отниметъ его у него! ¹⁾».

Пселлъ даже и въ своемъ панегирикѣ не можетъ скрыть, что высокомеріе патриарха довело его до столкновенія съ императоромъ и до паденія. Столкновеніе ихъ есть, по словамъ Пселла, столкновеніе двухъ выдающихся изъ ряда вонъ мужей, спорившихъ между собою о первенствѣ. Согласіе между ними возможно бы было только при томъ условіи, если бы каждый изъ нихъ былъ уступчивъ и подчинялся другому, какъ лучшему. Но того, кто имѣлъ державу, невозможно было убѣдить занимать второстепенное мѣсто, а великій архіерей столь же высоко ставилъ свое патриаршее достоинство. Первый старался и этого взять въ свои руки наравнѣ съ остальными, но другой не поддавался. Одинъ даралъ закрыть ему ротъ, а другой становился еще дерзковѣе, сопротивляясь въ то же самое время. Патриархъ дѣйствовалъ прямолинейно, стараясь объ общей пользѣ (!), а другой смотрѣлъ подозрительно на эту непреклонность и боялся, что *противъ него самого будутъ приняты мѣры, видя, что и масса быстро стекается къ нему и дѣйствуетъ по его мановенію* ²⁾. Очень любопытно письмо Пселла къ патриарху, писанное въ царствованіе Комнена ³⁾, вѣроятно въ видѣ отвѣта на упреки патриарха за то, что Пселлъ сталъ сторониться отъ ударившагося въ эксцессы патриарха и держаться ближе къ царю, — во всякомъ случаѣ писанное, слѣдовательно, въ то время, когда патриархъ проходилъ свое патриаршее служеніе, и когда Пселлу не было еще надобности сочинять ни обвинительной, ни похвальной рѣчи въ одностороннемъ и пристрастномъ направленіи. «Ты пренебрежительно обращаешься съ царями», пишетъ Пселлъ, и возстаешь противъ всякой власти. Таковъ у насъ архіерей, сражающійся за насъ и защищающій насъ не только мечемъ и копьемъ, но и словомъ и велѣніемъ,

¹⁾ III, 668.

²⁾ У Саен. IV, 367—368.

³⁾ *Безобразовъ*, Мих. Пселлъ. стр. 85 и 87 въ прим.

показавшій, насколько риза сильнѣе порожры и митра царскаго вѣнца. Я никого не презираю и не ненавижу; ты же, какъ бы отличное отъ насъ естество, считаешь чуждымъ себѣ родъ чело-вѣческій, раскрываешь позорныя дѣянiя однихъ, другимъ порождаешь причины для порицанiя, на всѣхъ насупливаешь брови, такъ что я сомнѣваюсь, назвать ли мнѣ тебя богомъ, или чело-вѣкомъ, или ни тѣмъ ни другимъ, но чѣмъ-то среднимъ между богомъ и чело-вѣкомъ. Будучи демократомъ, ты не одобряешь монархiи, я же постоянно повторяю гомеровскiя слова, ставшия по-томъ аристотелевыми: да будетъ одинъ повелитель, одинъ царь (καὶ σὺ μὲν, δημοκρατικός ὢν ἀνὴρ, δυσχεραίνεις τὴν μοναρχίαν, ἐπεὶ δὲ τὸ πάλα μὲν Ὀμήρειον, αὐθις δὲ Ἀριστοτέλειον πολλάκις ἀναφρονεῖται, εἰς κοίρανος ἴστω, εἰς βασιλεύς) ¹⁾. Ибо въ древности та же особа была молитвенникомъ за народъ и его защитникомъ, теперь же эта власть раздѣлена на части, одному приказано царствовать, дру-гому священнодѣйствовать. Подними къ Богу умоляющiя руки, пролей миръ людямъ и Богу, государственными же дѣлами бу-дутъ заниматься, кому это опредѣлено. Не повелѣвай, не царствуй надъ нами, ибо большинство этого не желаетъ ²⁾.

Поэтому, если поздыбе въ обвинительной рѣчи Пселль на-звалъ Керуларiа царененавистникомъ ³⁾, то едва ли таковой эпитетъ былъ преувеличенiемъ по сравненiю съ тѣмъ, что го-ворится у Пселла въ другихъ его произведенiяхъ, а равнымъ образомъ у историковъ, показанiя которыхъ были приведены нами выше.

Нашъ русскiй ученый г. Скабадановичъ (въ цѣнной впрочемъ работѣ) представилъ яркiй примѣръ пристрастнаго отношенiя къ Керуларiю въ сужденiяхъ о его столкновенiи съ императоромъ. «Поводъ къ столкновению былъ», по словамъ г. Скабадановича, «аналогиченъ съ причиной, вызвавшей недовольство Керуларiа Мономахомъ въ послѣднее время жизни этого послѣдняго, именно политика Комнена относительно церкви, секуляризацiя церков-ныхъ и монастырскихъ имуществъ. Патрiархъ, какъ защитникъ

¹⁾ У Саен, V, 512.

²⁾ Въ переводѣ *Безобразова*, Мих. Пселль, ст. 87. У Саен, V, 511—512.

³⁾ „Ὁ μισοβασιλεύς οὗτος ἀνὴρ“, см. у *Brehier*, стр. 276 (въ прил.).

церковныхъ интересовъ, не могъ безучастно отнестись къ этому поступку (sic). Онъ смѣло заговорилъ съ императоромъ и старался отклонить его отъ принятаго намѣренія, хотѣлъ подѣйствовать сначала пастырскими вразумленіями и кротостію, когда же это не помогло, грозилъ епитиміей. *Неизвѣстный источникъ*, принадлежащій перу какого-то автора изъ лагеря недовольныхъ Керуларіемъ, какихъ, разумѣется, было не мало среди духовенства, испытывающаго на себѣ строгость патріарха, передаетъ *крайне подозрительныя подробности* о томъ, что онъ грозилъ сложившую имъ печку разорить, и что надѣвалъ красныя туфли... Въ этихъ подробностяхъ ясно обнаруживается тенденція обвинить въ глазахъ народа Керуларія и оправдать фактъ его низложенія. Керуларій несомнѣнно пользовался популярностію среди константинопольскаго населенія и благодаря заговору противъ Пафлагона, и ревности за вѣру во время столкновенія съ Римомъ, и энергіи въ борьбѣ за права церкви. Враги и заговорили понятнымъ народу языкомъ: явились на сцену вульгарная поговорка и красныя туфли. Керуларій былъ не настолько тривиаленъ и простъ, чтобы говорить и дѣйствовать такимъ образомъ¹⁾.

Начнемъ съ того, что хотя поводъ къ столкновенію съ Комненомъ, можетъ быть, представлялъ аналогію съ тѣмъ, что происходило въ послѣднее время царствованія Константина Мономаха, но въ сужденіяхъ историковъ нѣтъ ни одного сочувственнаго слова о мѣропріятіяхъ Мономаха, тогда какъ мѣропріятія Комнена, по словамъ Аттالیота и Скилицы, могли лишь заслужить одобреніе въ глазахъ людей серьезныхъ. Затѣмъ, если свѣдѣнія, сообщаемыя Скилицей объ угрозахъ патріарха и о красныхъ туфляхъ, считать заимствованными изъ неизвѣстнаго источника и крайне подозрительными, то какіе же послѣ этого историческія свидѣтельства могутъ быть названы неподозрительными? Скилица былъ почти современникомъ описанныхъ имъ событій и получалъ свои свѣдѣнія отъ такихъ людей, которые были въ собственномъ смыслѣ современниками и очевидцами—свидѣтелями того, что совершилось въ царствованіе Исаака Комнена. А личный характеръ Керуларія, насколько онъ для насъ выяснился изъ всего вышеизложен-

¹⁾ Визант. госуд. и церковь, стр. 386.

наго, рѣшительно не даетъ намъ основанія сомнѣваться ни насчетъ употребленія имъ вульгарной поговорки, ни насчетъ пошени красныхъ туфель. Въ человѣкѣ, какъ Керуларій, *δημοκρατικός ἀνὴρ*, употребленіе вульгарной поговорки ничего необъяснимаго не представляетъ собою. Въ вышеупоминавшемся письмѣ Пселла къ Керуларію говорится, что патріархъ не имѣетъ ничего общаго ни съ книгами, ни съ образованіемъ, ни съ наукой, ни съ самою мудростію ¹⁾. Выше были приведены выдержки изъ обвинительной рѣчи Пселла, касающіяся нерасположенія патріарха къ какимъ бы то ни было книгамъ ²⁾, и аттестація Пселла могла бы казаться пристрастно-одностороннею ³⁾. Но оказывается, что буквально то же самое писалъ Пселлъ въ своемъ посланіи къ патріарху въ то время, когда еще не было ни суда надъ нимъ, ни приглашенія писать обвинительную рѣчь противъ него. Что касается пурпурной обуви, то тутъ дѣло шло уже не о повадкѣ вульгарнаго свойства, а о чрезвычайно важномъ актѣ, въ которомъ самымъ нагляднымъ образомъ выразилась мысль патріарха. Присвоеніе себѣ этой обуви, какъ справедливо говоритъ Бреге, было почти столько же вопіюще узурпаціей, какъ если бы патріархъ украсилъ себя скипетромъ и діадемой. Красная обувь считалась отличительнымъ и вмѣстѣ исключительнымъ знакомъ императорскаго достоинства. Всякій узурпаторъ или «тираннъ», какъ скоро поднималъ открытое возстаніе, прежде всего спѣшилъ облечься въ пурпурные сапоги, снявъ съ себя обувь темнаго цвѣта, которую носили византійскіе архонты, т. е. знать ⁴⁾. Когда Варда Склеръ поднялъ возстаніе, правительство Василя II отправило къ нему одного уважаемаго митрополита съ увѣщаніемъ положить оружіе. Склеръ показалъ ему на свои ноги, обутыя въ пурпурныя туфли, и промолвилъ: «епископъ, ужели ты думаешь, что легко отказаться отъ этихъ императорскихъ сапоговъ, разъ

¹⁾ См. у *Козобразова*, Мих. Пселлъ, стр. 86—87.

²⁾ См. выше стр. 36.

³⁾ А въ обвинительной рѣчи прямо говорится что языкъ Керуларія былъ языкомъ уличныхъ перекрестковъ: οὐδέν τι σεμνότερον τῶν ἐπι τῶν τριώδων ἐφθέγγετο· οὐδὲ μετέτιθει τοῦνομα· οὐδ εἶχεν αἰδῶ.... *Bréhier*, стр. 298 прим. 5.

⁴⁾ См. *Schlumberger*, *L'épopée byzantine*, стр. 63.

они надѣты предъ лицомъ всей имперіи?»¹⁾ Τα ἐρυθρά καὶ βασιλεία πέδιλα, по выраженію Атталиота, были τὰ τῆς βασιλείας παράσημα²⁾, т. е. красныя и царскія туфли суть знаки царской власти. Поэтому, и наоборотъ, снятіе пурпурной обуви означало отреченіе отъ императорскаго достоинства или лишеніе его. Выше говорилось о томъ какъ Михаилъ VI Стратіотикъ передъ своимъ принудительнымъ постриженіемъ сбросилъ съ ногъ пурпурныя туфли, сказавъ при этомъ: «изъ за нихъ Михаилъ не измѣнитъ благочестію»³⁾. Свѣдѣнія, получаемыя нами отъ Скилицы, рѣшительно согласуются со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно, и что выше было изложено о патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ. Этого мало. Канонистъ Вальсамонъ, писавшій во второй половинѣ XII в. и черпавшій, безъ всякаго сомнѣнія, свои историческія свѣдѣнія не изъ вульгарныхъ источниковъ, а изъ живой традиціи константинопольскаго патріархата, въ которомъ онъ занималъ высокое официальное положеніе, въ качествѣ хартофилакса, подтверждаетъ слова Скилицы. Онъ воспроизводитъ въ схоли къ гл. 1-й титула VIII номоканона текстъ константинова даренія (не имѣя ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности) и вслѣдъ затѣмъ говоритъ: «замѣть, что, на основаніи этого эдикта или царскаго повелѣнія, папа римскій имѣетъ право возвеличиваться всѣми царскими преимуществами, за исключеніемъ одного только вѣнца (στέμμα), поэтому, во всякихъ выходахъ и при совершеніи священнослуженія, онъ накрываетъ голову царскимъ покровомъ (ἀδρον), надѣваетъ настоящую царскую обувь (ἀληθινὰ ὑποδήματα) и ѣдитъ верхомъ съ настоящею царскою уздечкой, подчиненное же ему духовенство возводитъ въ царскіе чины. А такъ какъ второй соборъ далъ константинопольскому архіепископу всѣ преимущества папы римскаго, то *нѣкоторые изъ патріарховъ, какъ господинъ Михаилъ Керуларій и другіе, пытались украсить себя этими же самыми преимуществами; но эта попытка не удалась имъ*» (ἐπεχειρισάν τινες τῶν πατριαρχῶν ὡς ὁ Κύρουλλος ἐκεῖνος καὶ κύριος Μιχαὴλ καὶ ἕτεροι τοῖς αὐτοῖς ἀποσεμνύεσθαι προνομίαις, οὐ γέγνε δὲ αὐτοῖς εἰς

¹⁾ Cedren. II, 421.

²⁾ Attaliot. 247. См. еще Скабаляновичъ, Визант. госуд. и церк. стр. 145.

³⁾ См. выше стр. 91.

καλὸν ἢ ἐγγύρῃσι) ¹⁾. Рѣчь у Вальсамона идетъ, какъ видимъ, не о какихъ-либо отвлеченныхъ политическихъ принципахъ и правахъ, а о видимыхъ, наглядныхъ, знакахъ императорскаго достоинства. Относительно царскаго вѣнца (στέμμα) въ царственной грамотѣ Константина говорится, что самъ папа Сильвестръ отказался отъ него, удовольствовавшись болѣе скромнымъ головнымъ покровомъ (φρύγιον, λῶρον, μίτρα). Стало быть и Керуларій не могъ пытаться украшать себя царскимъ вѣнцомъ, не могъ дорожить и торжественными выѣздами на конѣ, которые не были въ обычаѣ у патриарховъ. Иное дѣло—повседневное ношеніе такой принадлежности одѣянія, которая нагляднымъ образомъ должна была символизировать въ глазахъ византійцевъ царственное достоинство патриарха.

Пселль, какъ мы видѣли, даже въ похвальной своей рѣчи проговорился, что императоръ боялся враждебныхъ мѣропріятій со стороны патриарха, вида, что масса народная быстро стекается къ нему и дѣйствуетъ по его мановенію ²⁾. Припоминая то, что говорятъ историки объ угрозахъ патриарха, мы можемъ сказать навѣрное, что обнаружались несомнительные признаки бунта, раздуваемого разнуздавшимся патриархомъ. Брейе, по поводу революціи, которая готова была разразиться въ Константинополѣ по мановенію патриарха, задается вопросомъ, чего желалъ достигнуть Керуларій, если бы ему удалось выполнить свою угрозу относительно отнятія царской власти у Исаака Комнена: хотѣлъ ли онъ измѣнить характеръ царской власти, подчинивъ ее патриарху, или, можетъ быть, хотѣлъ самъ завладѣть императорскою короной и такимъ образомъ осуществить мечты своей молодости,— даже болѣе того, сдѣлаться теперь уже хозяиномъ и церкви, и государства, распоряжаться и свѣтскими и духовными дѣлами имперіи, т. е. подчинить весь востокъ своей власти? Брейе склоняется къ послѣднему предположенію на томъ основаніи, что если бы патриархъ намѣревался низвергнуть только Исаака Комнена

¹⁾ Bibliotheca juris canonici veteris, Voelli et Justelli, t. II, Paris, 1661, p. 932—933. Въ аѳинск. синтагмѣ Ралли и Потли, т. I, стр. 147, вмѣсто δ Κύρουλλος стоитъ: Κηρουλάριος.

²⁾ См. выше стр. 110.

и замѣнить его другимъ императоромъ, то историки передали бы намъ имя предполагавшагося кандидата на императорскій престолъ, а между тѣмъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ никакого намека на предполагавшееся преемство ¹⁾. Противъ этихъ разсужденій французскаго ученаго можно сдѣлать два возраженія. Вопервыхъ, Керуларій не былъ такимъ фантазеромъ, который способенъ былъ бы увлечься въ область утопій и считать возможнымъ упраздненіе въ Византіи императорской власти, хотя Пселль и увѣрялъ въ своей обвинительной рѣчи, что Керуларій еще передъ воцареніемъ Комнена, «намѣревался украситья діадемой и повсюду являться вѣщеносцемъ» ²⁾. Если патріархъ могъ привлекать на свою сторону значительную часть народной массы ореоломъ своей ортодоксіи, который окружалъ его со времени столкновенія съ Римомъ, и указаніемъ на неблагодарность Комнена, забывшаго, чѣмъ онъ обязанъ Керуларію, то въ людяхъ болѣе образованныхъ непріятное чувство должны были возбуждать его попытки превозноситься надъ царемъ, повелѣвать и царствовать: «не повелѣвай, не царствуй надъ нами», писалъ Пселль патріарху, ибо большинство этого не желаетъ (не можетъ вмѣстить: *μη ἀρχῆς, μη βασιλείας ἡμῶν, οὐ γὰρ χωρητὸς τοῖς γε πλείοσιν*). И это предупрежденіе относилось, конечно, не къ стремленію Керуларія упразднить царскую власть, а къ желанію поставить царя въ подчиненное положеніе. Чего же могъ ожидать Керуларій, если бы его политическіе виды зашли такъ далеко, какъ говоритъ Брейе? А онъ былъ человѣкъ разсчетливый, и во всякомъ случаѣ не теоретикъ-утопистъ, а практикъ. Вовторыхъ, отсутствіе историческихъ извѣстій о предполагавшемся кандидатѣ на императорскій престолъ послѣ Исаака Комнена далеко не ставитъ изслѣдователя въ невозможность догадаться, кто могъ быть этимъ кандидатомъ, чье имя могло быть въ головѣ патріарха, а можетъ быть и не одного патріарха, а и многихъ другихъ. Это опять все тотъ же Константинъ Дука, мужъ племянницы Керуларія. Оно, можетъ быть, и не называлась громко, но молчаливо подразумѣвалось какъ во время революціи, предшество-

---

¹⁾ *Brehier*, 281.

²⁾ См. выше стр. 95.

вавшей воцаренію Комнена, такъ и при подготовленіи новаго государственнаго переворота, который имѣлъ быть направленъ противъ Комнена. Мысль о Константинѣ Дуки даже и по смерти Керуларія не умерла. Дука въ концѣ концовъ сдѣлался императоромъ, съ отстраненіемъ Исаака Комнена, и это произошло не случайно и не эспромтомъ, а потому, что Константинъ Дихудъ, преемникъ Керуларія на патриаршей кафедрѣ, какъ мы увидимъ ниже, былъ вѣрнымъ послѣдователемъ и подражателемъ политики Керуларія. Въ похвальной рѣчи Пселла, которая держалась уже въ царствованіе Константина Дуки, есть любопытное мѣсто, изъ котораго видно, что дядя патриархъ издавна намѣтилъ мужа своей племянницы въ кандидаты на императорскій престолъ. «Тебя», восклицалъ ораторъ, обращаясь къ умершему, «и цари, видя, удивляются, и патриархи, созерцая, лобызаютъ и ублажаютъ. Тотъ самый императоръ, который—позволю себѣ это умѣренное выраженіе—почтилъ тебя изгнаніемъ (т. е. Исаакъ Комнень), пришелъ къ твоему гробу и просилъ какъ бы о прощеніи въ сдѣланномъ, и тебя какъ бы живого обнималъ со всѣхъ сторонъ и многія пролилъ слезы, и, умоляя о прощеніи въ томъ, что учинилъ, получилъ (таковое). А что мнѣ сказать о другомъ самодержцѣ (т. е. Дуки), которому ты былъ и при жизни, да не меньше, если не больше, (оставься) и по смерти отцомъ по духу, образцомъ добродѣтели, руководителемъ къ лучшему, *державу котораго ты издали предчувствовалъ, и по тайнымъ признакамъ распознавалъ, для племянницы подготовилъ царственное украшеніе и сочеталъ божественное супружество, какъ бы созвѣздіе нѣкоторыхъ свѣтилъ, тогда еще не такъ яркое, а нынѣ блистательно свѣтящее надъ царскими чертогами, да и теперь ты же служиши порукой спасенія и преемства царской власти въ родѣ (К. Дуки) ¹⁾*. Изъ приведенныхъ словъ Пселла, какъ кажется,

¹⁾ у Саѣи IV, 380—381: „ὡ καὶ πόρρωθεν προεγνώκεις τὸ κράτος καὶ ἐν ἀπορρήτοις συμβόλοις ἐγνώρισας, καὶ τὴν ἀδελφίδην κόσμον βασιλείων προητοίμασας καὶ θεῖαν συζυγίαν ἡρόσσω, ὡς περ φωστῆρων τινῶν σύνθεον, τότε μὲν ἀμαυροτερον, νῦν δὲ λαμπρότερον ἐπὶ τῶν βασιλείων ἐκλάμπουσαν καὶ νῦν αὖθις τὴν σωτηρίαν κατεγγυᾷ καὶ τὴν ἐς τὸ γένος τῆς βασιλείας διάδοχόν“.

можно съ нѣкоторою увѣренностію заключать, что Керуларій издавна лелѣялъ мысль возвести на императорскій престолъ Константина Дуку и не только потому, что онъ былъ мужемъ его племянницы, а и потому, что находилъ въ немъ тѣ качества, которыя патриарху желательно было видѣть въ будущемъ императорѣ.

Итакъ патриархъ, недовольный Комненомъ, замышлялъ государственный переворотъ съ цѣлію низверженія упрямаго, гордаго, всѣмъ ему обязаннаго и неблагодарнаго императора и—болѣе чѣмъ вѣроятно—возведенія на его мѣсто Константина Дуки. Но Комнень, слыша постоянно угрозы и разсужденія на тему о превосходствѣ священства надъ царствомъ, по выраженію Скилицы, лучше дѣйствовать, чѣмъ терпѣть (*ἐστειλε μᾶλλον ὄρᾳσι ἢ παθεῖν*). Не смѣя затронуть патриарха въ самой столицѣ и въ патриаршемъ помѣщеніи, Комнень воспользовался случаемъ, когда патриархъ, въ виду приближавшагося праздника архангеловъ, выѣхалъ въ загородное мѣсто, для того чтобы уединиться и подготовиться къ торжественному служенію. Разсчитывая отдѣлаться отъ патриарха безъ шума и безъ смуты ¹⁾, онъ послалъ отрядъ варяговъ въ мѣсто нахождения патриарха. Солдаты съ безчестіемъ стащили патриарха съ трона и, посадивъ на мула, препроводили на морской берегъ во Влахернахъ, какъ его самого, такъ и его племянниковъ, оттуда въ рыбацкѣй лодкѣ отправили въ Проконесъ для заточенія, а оттуда на одинъ изъ острововъ Архипелага. Историки вообще утверждаютъ, что Керуларій, послѣ того какъ надъ нимъ разразился этотъ ударъ судьбы, велъ себя съ безупречнымъ достоинствомъ, и что отправленный въ ссылку патриархъ оставался не менѣе грознымъ для Комнена, чѣмъ и тогда, когда онъ находился въ столицѣ. Атталиотъ говоритъ, что вѣры патриарха не поколебала дерзновенный фактъ и невѣрность царя по отношенію къ нему, что онъ перевесъ страданіе въ высшей степени мужественно и благородно и въ твердости превзошелъ самого Іова, не переставалъ благословлять и благодарить Бога за испытаніе, очищающее и ведущее

---

¹⁾ Зонара, III, 669: *ἵνα μὴ παρὰ τῷ κλήρῳ ἢ καὶ τῷ δήμῳ ἄσπουδοι γένηται.*

къ совершенству и къ высшей добродѣтели, не упалъ духомъ и въ ревности не ослабѣлъ ¹⁾). Напротивъ положеніе императора оказывалось въ высшей степени затруднительнымъ. По словамъ того же Атталіота, онъ начиналъ уже раскаиваться въ сдѣланномъ шагѣ и готовъ былъ возстановить патріарха, только не зналъ, какъ теперь объявить ему вслухъ всѣхъ о своемъ зломъ умыслѣ. Очевидно, каждую минуту можно было ожидать взрыва народныхъ страстей, которыя еще раньше подогрѣвались Керуларіемъ въ то время, когда онъ, состоя на кафедрѣ, велъ борьбу съ Комненомъ. Опасность взрыва была тѣмъ большая, что патріархъ отправленъ былъ въ ссылку безъ всякаго суда и считался въ глазахъ народа законнымъ патріархомъ, такъ что нельзя было приступить къ избранію на его мѣсто кого либо другого. Царь собралъ къ себѣ во дворецъ высшихъ сановниковъ на совѣтъ. По словамъ Зонары, въ этомъ совѣтѣ участвовали и нѣкоторые архіереи: было рѣшено составить формальный судъ надъ патріархомъ, и философу Пселлу было поручено собрать матеріалъ для обвинительныхъ пунктовъ и составить обвинительную рѣчь ²⁾. Пселлъ въ своемъ панегирикѣ, который пришлось ему впоследствии сочинить, имѣлъ смѣлость утверждать, что, при видѣ богоподобнаго душой человека, который на небо взощелъ своими добродѣтелями, который помазывалъ царей и іереевъ не изъ рога, а изъ источника источника, и который подвергся безчестію, насмѣшкамъ и поношенію всякаго желающаго, онъ плакалъ отъ всей души, да и какъ было не плакать? вѣдь это такое зрѣлище, которое и камни могло бы разбить въ источникъ слезъ ³⁾. Сравнивая подвергнутому безчестію патріарха съ Іовомъ, философъ патетически восклицаетъ, что у Іова осталось все-таки трое друзей, а у патріарха и тѣхъ не осталось ⁴⁾. Тутъ, какъ провидчески замѣчаетъ Брейе, память измѣнила философу, такъ какъ онъ

¹⁾ Стр. 64.

²⁾ Зонар. III, 669, (см. вар.).

³⁾ Еуклид. 368. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ той же похвальной рѣчи Пселлъ оговаривается, что добродѣтели восхваляемаго патріарха не многими известны, такъ какъ онъ скрывалъ ихъ отъ чужихъ взоровъ (стр. 336).

⁴⁾ Тамъ же, 372.

былъ не изъ послѣднихъ, оставившихъ патріарха ¹⁾). На созванномъ императоромъ совѣтѣ, по словамъ того же Пселла, не было свободы мнѣній, потому что императоръ свелъ всѣхъ къ одному (своему собственному) мнѣнію, а совѣтники, согласившіеся съ нимъ, принимали во вниманіе интересы династіи и обстоятельства времени ²⁾). Намъ вскорѣ представится случай провѣрить, насколько Пселлъ былъ озабоченъ интересами династіи Комнена, а написанная имъ обвинительная рѣчь показываетъ, что она не могла быть произведеніемъ лица, находившагося подъ страхомъ принужденія. Въ этой рѣчи Пселлъ, какъ говорится, разошелся во всю, пустилъ въ ходъ все свое «краснорѣчіе» и всю свою «софистическую силу».

Императоръ все-таки не сразу рѣшился составить соборъ для осужденія и низложенія Керуларія, а отправилъ къ нему нѣсколькихъ митрополитовъ, которыхъ онъ считалъ разумнѣйшими прочихъ, уговорить патріарха добровольно сложить съ себя патріаршее достоинство и такимъ образомъ избѣжать соборнаго осужденія и публичной огласки тѣхъ обвиненій, которыя имѣлись противъ него. Патріархъ не хотѣлъ и слышать объ отреченіи и обратился къ посланнымъ съ такою огненною и бурно-стремительною рѣчью, что привелъ ихъ въ стыдъ и заставилъ просить прощенія. Возвратившись къ пославшему, архіереи доложили ему: мы побѣждены, царь; чедовѣкъ этотъ выше всѣхъ угрозъ, словъ, увѣщаній и слабости, и если ты желаешь напасть на чедовѣка безупречнаго и непреодолимаго, то тщательно взвѣсь предстоящее поражение и результатъ его—раскаяніе ³⁾). Царь колебался, не зная, какъ ему повести дѣло, по словамъ Аттالیота, а Зонара ⁴⁾ говорить, что онъ все-таки озабоченъ былъ низложеніемъ патріарха, т. е., не смотря на трудность задуманнаго дѣла, рѣшился довести его до конца. Пселлъ же въ своей похвальной рѣчи даетъ видѣть, что соборъ для осужденія Керуларія дѣйствительно

---

¹⁾ *Bréhier*, стр. 288.

²⁾ 'Еткшм., стр. 370: „οἱ δὲ συνεπόντες τῷ αυτοκράτορι πάρεργον γέγονασι τῆς δυναστείας καὶ τοῦ καποῦ“.

³⁾ *Attal.* 65.

⁴⁾ III, 669.

составился въ одномъ изъ еракійскихъ мѣстечекъ, такъ какъ въ городѣ не рѣшились держать засѣданіе, боясь народнаго движенія ¹⁾, и былъ данъ приказъ доставить туда Керуларія. Неожиданное извѣстіе о смерти патріарха на пути изъ мѣста заточенія во Фракію, положило конецъ затруднительному положенію Комнена; ему оставалось теперь только публично засвидѣтельствовать свою скорбь, устроить великолѣпныя похороны, просить прощенія у умершаго патріарха, реабилитировать его племянниковъ и пролить слезы, что, по ироническому выраженію Лебо, было гораздо легче, чѣмъ терпѣть его живого ²⁾. Тотчасъ же распространились слухи о томъ, что умершій патріархъ явился во снѣ одному архіепископу (у котораго онъ останавливался во время пути во Фракію, и который подкрѣпилъ патріарха своими утѣшеніями), въ полномъ первосвященническомъ облаченіи, съ лицомъ, сіяющимъ радостію, и съ словами: «Богъ призываетъ меня къ Себѣ и исторгаетъ изъ вашихъ рукъ». Объ этомъ говоритъ Пселлъ въ его похвальной рѣчи ³⁾. Онъ же, равно какъ и историки, передаетъ, что пальцы на рукъ умершаго патріарха оставались сложенными въ видѣ креста, какъ если бы онъ благословлялъ народъ ⁴⁾.

Такимъ образомъ ни Керуларію не пришлось выступить въ качествѣ обвиняемаго на предполагавшемся судѣ, ни философу Пселлу не пришлось держать свою обвинительную рѣчь. Обвинитель выставилъ пять пунктовъ: 1) ересь или вѣщостіе (*ἀσεβεια*), 2) тираннію (*τυραννίς*), 3) убійство (*φόνος*), 4) святотѣство (*ιερόσυλία*) и 5) безразличіе (*ἀδιάφορία*). Подъ ересью обвинитель понимаетъ приверженность патріарха къ хіосскимъ монахамъ съ ихъ пророчицей и къ занятіямъ алхіміей и астрономіей. Подъ тиранніей разумѣется незаконный захватъ власти, съ попраніемъ законной власти двухъ царей—Стратіотина и Комнена (предъ воцареніемъ послѣдняго). О тираннскихъ замыслахъ Керуларія про-

¹⁾ Еукич. стр. 373.

²⁾ *Lebeau*, Histoire du Bas-Empire, tom. XIV, Paris, 1833, p. 425: „le prince le pleura, ce qui était plus aisé que de le souffrir“!

³⁾ Еукич. стр. 374—375.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 380; Attal. 66; Cedren. II, 644.

тивъ царствующаго Комнена, вызвавшихъ арестъ патріарха, обвинитель не распространяется, щадя скромность государя и ограничиваясь слѣдующими словами: «Я спрашиваю тебя, о божественнѣйшій и человеколюбивѣйшій изъ царей, хочешь ли ты, чтобы я рассказалъ про бѣшенство архіерея противъ твоей державы, про составленный противъ тебя заговоръ, вслѣдствіе котораго чуть было не погибло все государство? Не говорю, чтобы дерзкое дѣло состоялось,—я еще не сошелъ съ ума,—но владыка вновь собралъ войско противъ твоей священной личности. Хочешь ли, чтобы я привелъ и это великое обвиненіе и потрясъ все священное собраніе? Но мнѣ кажется, что ты не обращаешь на это большого вниманія и не желаешь, чтобы по этой причинѣ были низложены архіереи. Мнѣ кажется, что ты не созвалъ бы синагогіона только ради этого...» ¹⁾ Подъ убійствомъ разумѣется прикосновенность патріарха, какъ движущей причины (*κινητικὸν αἴτιον*) къ извѣстному намъ кровопролитію, которое произошло наканунѣ прибытія Комнена въ столицу. Подъ святотатствомъ разумѣется разрушеніе храмовъ и нарушеніе неприкосновенности мѣстъ погребенія (гробокопательство). Поводъ къ этому обвиненію былъ данъ распоряженіемъ патріарха сломать храмъ въ честь апостола Андрея, на мѣстѣ котораго, вѣроятно, патріархъ намѣревался возвести новый храмъ, но къ построенію таковаго не приступилъ, можетъ быть потому что не успѣлъ. Картина разрушенія описана Пселломъ съ немалымъ ораторскимъ искусствомъ. «Обладая лучшимъ зрѣніемъ, чѣмъ другіе», восклицаетъ обвинитель, «я ищу святилище, кадилаицы, чашу, жертвенникъ, престолъ Господень. Гдѣ же подпиравшія зданіе колонны? Но если ихъ нѣтъ, если все сокрушено и разрушено, развѣ онъ не окружилъ алтарь какою нибудь оградой, чтобы онъ опять сталъ недоступенъ толпѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ правдивости нашихъ словъ, идите всѣ сюда, къ храму апостола Андрея. Если хотите, я поведу васъ; если же вы знаете, въ какомъ мѣстѣ города былъ воздвигнутъ храмъ, я пойду за вами, и вотъ мы пришли. Увы, какая перемѣна, въ какомъ положеніи знакомыя мѣста! Нигдѣ ни-

---

¹⁾ См. у Безобразова въ „Матеріалахъ для исторіи визант. имперіи“ (Ж. М. Н. Пр. ч. 265) стр. 75.

чего нѣтъ, вездѣ тьма, пустота, даже нѣтъ ясныхъ слѣдовъ храма. Вотъ это алтарь, гдѣ попадаются подѣ ноги то одна, то другая собака; тамъ, гдѣ былъ жертвенникъ, роются въ землѣ свиньи. О, горе, тутъ мулы, а тамъ запряженные въ плугъ воды, и все полно зловонія тамъ, гдѣ возносилось куреніе еміама» и т. д.

Въ связи съ разрушеніемъ храма оказывается и «гробокопательство». «Переведемъ глаза», продолжаетъ обвинитель, «и посмотримъ, что за храмозъ? Пустыя могилы. Прежде такъ называемыя мѣста погребенія были вырыты подѣ землей, но великій отецъ обнаружилъ скрытое самою природою и выставилъ все это на показъ, такъ что всѣ могутъ видѣть. Увы, какое зрѣлище! Я вижу, тѣла нѣкоторыхъ разрушены, разорваны, выставлены на сѣдненіе коршунамъ и собакамъ. Вотъ голова, отдѣленная отъ туловища, вотъ позвоночникъ спинного хребта, тутъ руни, тамъ ноги, тутъ грудная кость, тамъ колѣни. Какъ отличить, части ли это мужского тѣла, или женскаго? А что означаетъ здѣсь вѣялка? Вы видите этотъ ровъ подѣ большой дороги? Тамъ работаетъ вѣялка и человекъ, ея управляющій, котораго вы видите. Что можетъ быть противозаконнѣе этого? Что же это такое, о друзья и благодѣтели? Я не знаю, какъ выразить свои страданія, и вы страдаете благочестивымъ и блаженнымъ страданіемъ. Вновь бѣснуется Неронъ и приступаетъ къ нечестію, вновь Домиціанъ замышляетъ гоненіе, Траянъ увеличиваетъ гоненіе и преслѣдуетъ подвижниковъ. Вновь сжигаются и обращаются въ пепель кости Предтечи и тѣло апостола. Боюсь, не лежали ли тутъ тѣла мучениковъ, боюсь, не скрывался ли тутъ какой-нибудь членъ тѣла Св. Андрея, которому былъ посвященъ храмъ, не скрывалась ли какая-нибудь часть брата его Петра или Павла, великихъ борцовъ за правду и поборниковъ благочестія, изъ которыхъ въ древности одинъ былъ распятъ, другой только обезглавленъ, которые пожалуй теперь разсѣчены на части великимъ патриархомъ и даже не почтены св. погребеніемъ, но вырыты изъ земли и валяются, будто тѣла проклятыхъ людей»¹⁾ и т. д. Сравненіе патриарха съ Нерономъ и Домиціаномъ и опасеніе, не подверглись ли поруганію кости апостоловъ, суть, разумѣется, вопіющая на-

---

¹⁾ *Безобразовъ*, стр. 65—66.

тяжка, но въ общемъ, картина, очевидно, списана съ натуры и служить иллюстраціей въ тому самовластію, съ которымъ Керуларій распоряжался въ отношеніи къ храмамъ, не спрашиваясь никого, и съ которымъ, какъ мы раньше видѣли, онъ закрылъ латинскія церкви въ Константинополѣ.—Послѣдній обвинительный пунктъ (*adixoria*) касается разныхъ недостатковъ и пороковъ патріарха, противоположныхъ тѣмъ добродѣтелямъ, которыхъ нужно бы было ожидать отъ епископа, каковы: лъстивость и коварство, а съ другой стороны гордость и высокомеріе, жестокость, подозрительность, невѣжество, вульгарный языкъ. Пселль наводилъ даже справки о характерѣ патріарха у его прислуги и констатировалъ фактъ, что никто изъ прислуги не оставался у него жить больше мѣсяца ¹⁾.

Вся обвинительная рѣчь, въ цѣломъ, производитъ впечатлѣніе натяжки и преувеличенія, особенно что касается валификаціи и освѣщенія разныхъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе вездѣ чувствуется реальная фактическая подкладка, на которой твердо стоитъ обвинитель, и утвердившись на которой можетъ смѣло говорить слушателямъ-членамъ суда, что то или другое «всѣмъ извѣстно», смѣло описываетъ картину событія съ конкретными подробностями, смѣло утверждаетъ: «будь я проклятъ, если прибавилъ что-нибудь лишнее» и т. п. Совсѣмъ не то впечатлѣніе производитъ надгробное слово Пселла, произнесенное имъ въ честь умершаго Керуларія въ царствованіе Константина Дуки. Слишкомъ много мѣста занимаетъ въ немъ ораторское словоизвлеченіе, и напротивъ мало мѣста дано фактамъ, и притомъ какимъ? Не тѣмъ, о которыхъ Пселлу приходилось распространяться въ обвинительной рѣчи (такъ что эти послѣдніе остались непровергнутыми), и по поводу которыхъ онъ могъ бы оказаться въ положеніи зауряднаго враля-софиста, сегодня утверждающаго, а завтра отрицающаго одно и то же. Въ похвальномъ словѣ Пселль старается найти такіе факты, которые вовсе не затрогивались имъ раньше, да и тутъ часто говоритъ такъ, что въ словахъ его слышится или можетъ быть предполагаема иронія, напр. о добродѣтеляхъ, которыя оставались неизвѣстными для другихъ людей, объ «экономіи»,

---

¹⁾ *Bréhier*, 298.

благодаря которой суровая личина патриарха принималась недальновидными людьми за самую истину, о ваятии патриархомъ въ свои руки государственнаго кормила съ предоставленіемъ каждому изъ императоровъ того, въ чемъ они нуждались,—одному спасенія души, другому управленія государствомъ. Окончательный же результатъ, къ которому приводитъ насъ разсмотрѣніе историческихъ данныхъ, относящихся къ дѣятельности патриарха Михаила Керуларія, можетъ быть сформулированъ слѣдующимъ образомъ: Керуларій не только вторгался въ неподлежащую ему область, не только присвоилъ себѣ отдѣльныя права императорской власти, но стремился поставить императорскую власть въ зависимое отъ патриарха положеніе. Но спрашивается: не были ли всѣ, разсмотрѣнные нами, факты чисто біографическаго свойства, не объясняются ли они только и исключительно его личною судьбой, его личнымъ характеромъ и тою, чисто конкретною, обстановкой, въ которой протекала его жизнь и дѣятельность, начиная съ неудавшагося заговора противъ Михаила IV Пафлагона,—или слѣдуетъ всѣмъ вышеизложеннымъ фактамъ дать болѣе общую оцѣнку и, не отрицая важнаго значенія личности, индивидуальнаго характера и конкретной обстановки, видѣть въ этихъ фактахъ обнаруженіе известной принципиальной стороны византійскаго церковно-государственнаго порядка? Другими словами, выросли ли всѣ эти факты, совершившіеся за время патриаршества Керуларія, совершенно неожиданно на византійской почвѣ, или въ этой почвѣ находились зерна, и не только зерна, а зерна, давшія ростки, развитію которыхъ лишь содѣйствовали и благопріятствовали тѣ особыя условія, въ которыхъ протекала дѣятельность патриарха Михаила Керуларія?

Нижеслѣдующее изложеніе имѣеть цѣлю показать, что поставленный вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ не въ первомъ, а въ послѣднемъ смыслѣ.

Еще задолго до XI в. въ Византіи сложилось представленіе о равенствѣ епископа новаго Рима съ епископомъ стараго Рима. Основаніе этому возрѣнію положено было еще вторымъ и четвертымъ вселенскими соборами. Въ прав. 3-мъ II всел. соб. было сказано: «константинопольскій епископъ да имѣеть преимущество

чести по римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ ¹⁾). А въ прав. 28-мъ IV всел. собора смыслъ приведеннаго 3 правила II собора изложенъ въ томъ смыслѣ, что отцы второго собора «предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и сигклитта и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и будетъ вторымъ по немъ» ²⁾). Эта мысль о равныхъ преимуществахъ буквально была потомъ воспроизведена въ 36 пр. трумл. соб. 692 г., а еще раньше изъ этой же мысли родился титулъ вселенскаго патріарха, какъ отличіе константинопольскаго епископа. Канонисты XII в. передаютъ намъ, что въ Византіи не довольствовались буквально смысломъ каноновъ, въ которыхъ, не смотря на приравненіе епископа константинопольскаго къ римскому; все-таки за римскимъ признается первый рангъ, а за константинопольскимъ слѣдующій *по* (*μετά*) немъ второй рангъ, и старались истолковать предлогъ: *μετά* въ смыслѣ послѣдовательности не чести, а времени, т. е. въ томъ смыслѣ, что константинопольскій имѣетъ первый же рангъ, только получилъ его позднѣе римскаго. Зонара и Вальсамонъ, въ своихъ толкованіяхъ къ означеннымъ правиламъ, не одобряли этого взгляда, но Аристинъ твердо держится за него, разсуждая: «предлогъ *по* здѣсь означать не честь, но время, подобно тому какъ еслибы кто сказалъ: *по многому времени* и епископъ константинопольскій получилъ равную честь съ епископомъ римскимъ ³⁾», и въ сущности повторяетъ мнѣніе, высказанное гораздо раньше его ⁴⁾). По жѣрѣ того,

¹⁾ Τὸν μέντοι Κωνσταντινουπόλεως ἐπίσκοπον ἔχειν τὰ πρεσβεία τῆς τιμῆς μετὰ τὸν τῆς Ῥώμης ἐπίσκοπον, διὰ τὸ εἶναι αὐτὴν νέαν Ῥώμην.

²⁾ Ὅι ἑκατὸν πενήκοντα θεοφιλέστατοι ἐπίσκοποι τὰ ἴσα πρεσβεία ἀπένεμαν τῷ τῆς νέας Ῥώμης ἀγιστάτῳ θρόνῳ, εὐλόγως κρίναντες τὴν βασιλεία καὶ σηκλήτῳ τιμηθεῖσαν πόλιν, καὶ τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβείων τῇ πρεσβυτέρῳ βασιλίδι Ῥώμῃ, καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι, δεύτεραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν.

³⁾ См. толков. къ 3 пр. II всел. соб., въ изд. общ. любит. дух. просв. стр. 97.

⁴⁾ Ср. старинныя схолия, издавныя Питрой, въ качествѣ приложеній къ

какъ историческія судьбы богѣе и болѣе отдаляли старый Римъ отъ христіанскаго востока, въ особенности съ IX в., когда ортодоксіи Рима были нанесены сильныя удары патріархомъ Фотіемъ, мысль о равенствѣ двухъ Римовъ должна была смѣниться другою мыслию—о потерѣ старымъ Римомъ его положенія и о переходѣ первенствующаго священства, вмѣстѣ съ властію надъ всѣми діоцезами вселенной, какъ выразилась, нѣсколько позднѣе времени Керуларія, Анна Комнена, въ новый Римъ ¹⁾. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что т. н. «дареніе Константина», изъ котораго черпалъ свои аргументы папа Левъ IX, нашло себѣ сочувственный приѣмъ и въ Константинополь. Пусть въ этомъ документѣ епископу константинопольскому отведено послѣднее мѣсто въ ряду патріарховъ, даже ниже іерусалимскаго. Важно то, что епископу стараго Рима пожалованы въ грамотѣ чрезвычайныя права, и эти права должны перейти на епископа новаго Рима. Кановисты представляютъ намъ идею перенесенія правъ въ разнообразныхъ примѣненіяхъ. Въ толков. къ 12 пр. антiox. соб. (въ изд. общ. любит. дух. просв. стр. 175) безапелляціонность рѣшеній константинопольскаго патріарха доказывается слѣдующимъ образомъ: «поелику грамота св. Константина, данная св. Сильвестру, опредѣляетъ, что *папа имѣетъ всѣ императорскія права*, а второй и четвертый вселенскіе соборы дали патріарху константинопольскому преимущества папы и опредѣлили, чтобы онъ *во всемъ былъ почитемъ подобно папѣ*, то приговоръ его по необходимости *не долженъ подлежать апелляціи, какъ и императорскій приговоръ* не обсуждается вновь. Поэтому, какъ кажется, *синодскіе указы* выпускаются съ тѣми же преимуществами, какъ и *императорскіе указы*».

Въ толков. къ гл. 1 тит. I номоканона Вальсамонъ разсуждаетъ о вліяніи духовнаго сана на гражданскую правоспособность, въ частности въ отношеніи къ освобожденію отъ родительской власти. Рѣчь заходитъ между прочимъ о новеллѣ 81-й, нашедшей себѣ мѣсто въ гл. 1 тит. V кн. XXXI базиликъ, гдѣ говорится,

---

номоканону въ XIV титуловъ (*Pitra, Juris Ecclesiae graecorum historia et monumenta*, II, 645—646).

¹⁾ *Alexiadis libri XV*, по боннск. изд. 1839 г., т. I, стр. 64.

что всё лица, почтенныя со стороны императорской власти достоинствами или начальническими должностями, освобождаются отъ отеческой власти, даже и при нежеланіи отцовъ. Въ виду этого закона, нѣкоторые говорили, сообщаетъ Вальсамонъ, что и церковныя «архонты»¹⁾, тотчасъ съ возведеніемъ ихъ въ должность, становятся такими же магистратами и eo ipso дѣлаются *sui juris*, ссылаясь при этомъ на грамоту Константина Великаго римскому папѣ Сильвестру, въ которой сказано, что папа римскій имѣетъ право подвластныхъ ему клириковъ возводить въ такія же должности, какими императоръ награждаетъ своихъ подданныхъ, что св. синодъ соотвѣтствуетъ императорскому синклиту, и что наконецъ церковь константинопольская имѣетъ, какъ извѣстно, привилегіи древняго Рима. Иные, напротивъ, ссылаются на конецъ 81-й новеллы, вошедшей въ пятый титулъ XXXI кн. Базиликъ, разсуждаютъ иначе, говоритъ Вальсамонъ. Въ концѣ новеллы сказано именно: «всякому съ очевидностію извѣстно, что прежде всего епископы, вмѣстѣ съ хиротоніей, приобрѣтаютъ своевластность (τὴν αὐτεξουσιότητα, т. е. становятся *sui juris*), ибо, дѣлаясь духовными отцами всѣхъ, какимъ образомъ они могли бы еще состоять подъ властію другихъ? Вотъ, въ виду этого и говорили, что одна лишь епископская должность дѣлаетъ лицо *sui juris*, а не церковныя архонтства, въ которыя возводитъ патриархъ своею грамотою. Последнее мнѣніе Вальсамонъ считаетъ неправильнымъ на томъ основаніи, что грамота или законоположеніе (θέσις) Константина В. Сильвестру, *уравнивающая римскую церковь съ императорскою властію въ отношеніи должностей*, не отиѣнена новеллой Юстиніана. А такъ какъ епископская должность замѣщается не только патриархами, но и митрополитами, то у нѣкоторыхъ и возникло сомнѣніе насчетъ того, всё ли епископы становятся *sui juris*: вотъ почему (!) юстиніанова новелла нашла нужнымъ разъяснить, что всё епископы, хотя бы и не патриархами посвящен-

---

¹⁾ Церковными „архонтами“ на востокѣ называли тѣхъ членовъ епископскаго пресвитеріума, которые занимали высшія должности по администраціи и суду. Сюда относились: великій экономъ, великій сакелларій, сакеллій (или малый сакелларій), скевофилаксъ, хартофилаксъ и продектикъ.

ные, дѣлаются *sui juris* ¹⁾. Посему не подлежитъ сомнѣнію, что на архонтовъ великой церкви, этихъ какъ бы членовъ свящ. сената, распространяется законъ Константина. И это есть *спеціальная привилегія, дарованная Константиномъ только магистратамъ великой церкви*, ибо должностныя лица другихъ патриарховъ, а тѣмъ болѣе митрополитовъ и епископовъ, не пользуются ею. *Ergo* только архонтства великой церкви дѣлають подвластнаго своевластнымъ.

Въ толкованіи Вальсамона къ 1 гл. VIII титула номоканона и въ «разсужденіи о двухъ должностяхъ хартофилакса и протекдина» мысль о перенесеніи привилегій римской церкви на константинопольскую выразилась въ приравненіи константинопольскаго хартофилакса къ римскимъ кардиналамъ и въ отстаиваніи обычая (раньше существовавшаго, но во времена Вальсамона, къ его крайнему сожалѣнію, уже вышедшаго изъ употребленія), по которому хартофилаксъ имѣлъ право надѣвать на себя «тіару» золотую и въ публичныхъ процессіяхъ выѣзжать на патриаршемъ, царски-изукрашенномъ, конѣ ²⁾. Что самъ патриархъ выводилъ изъ грамоты Константина право украшать себя знаками императорскаго достоинства, какъ Михайлъ Керуларій, объ этомъ было сказано выше ³⁾. Вальсамонъ констатируетъ фактъ, что попытки въ этомъ направленіи хорошаго исхода не имѣли, и, по-видимому, скорбятъ объ этомъ, какъ и о прекращеніи того обычая, который возвеличивалъ хартофилакса. Въ толков. къ 28 халкид. онъ говоритъ: «Настоящее правило. опредѣляетъ, чтобы константинопольскій архіепископъ имѣлъ преимущества римскаго папы... Но нѣкоторые, видя, что онъ не чествуется ни однимъ изъ преимуществъ римскаго папы (ибо и голову не украшаетъ царскимъ покровомъ—*ἀβρός*, и ходитъ безъ царскаго скипетра, знаговъ и знаменъ, не украшаетъ себя знавами царскаго достоинства, не возлагаетъ на себя пурпуриаго одѣянія и не са-

---

¹⁾ Здѣсь мы видимъ одинъ изъ множества примѣровъ толкованія Вальсамонъ каноновъ и законовъ съ непониманіемъ ихъ историческаго смысла: какъ будто Юстиніанъ ꙗ въ самомъ дѣлѣ издалъ свою новеллу объ освобожденіи епископовъ отъ отеческой власти по указываемому Вальсамонъ мотиву!

²⁾ Bibliotheca Voelli et Justelli, II, 933. Σύστασις τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων, Ралии и Потли, IV, 539—540.

³⁾ См. выше стр. 114.

дится на коня, какъ это предоставляется въ царскомъ постановленіи, данномъ св. Константиномъ В. римскому папѣ св. Сильвестру и его преемникамъ), говорятъ, что содержащееся въ сихъ правилахъ утратило силу, доказывая свою мысль и тѣмъ, что въ Василики, составленныя гораздо позднѣе и очищенныя, не внесены тѣ законы, которыми опредѣляется константинопольскому патриарху имѣть преимущества римскаго папы... А я, съ своей стороны, будучи чистѣйшимъ гражданиномъ Константинополя и, по благодати Божіей, сдѣлавшійся частію св. престола константинопольскаго благопотребнѣйшею ¹⁾, *хочу и молось, чтобы константинопольскій патриархъ безъ соблазна имѣлъ все преимущества, дарованныя ему божественными правилами*. ²⁾

Покойный А. С. Павловъ едва ли вѣрно понялъ приведенныя слова Вальсамона, придавая имъ такой смыслъ, будто Вальсамонъ желалъ, чтобы патриархъ пользовался только тѣми привилегіями, о которыхъ сказано въ *канонахъ*, а не тѣми, о которыхъ говорится въ *Ѳестисмъ* Константина В. ³⁾ Такъ какъ на византийскомъ языкѣ «божественными» назывались и каноны, и императорскіе законы, то всего вѣрнѣе будетъ предполагать, что и грамоту Константина Вальсамонъ относилъ къ «божественнымъ» же «правиламъ», только желалъ, чтобы патриархи пользовались привилегіями, дарованными грамотой не какъ Керуларій, а «безъ соблазна». Трудно напротивъ предположить въ Вальсамонѣ такую наивную непоследовательность, какую предполагаетъ въ немъ проф. Павловъ ⁴⁾, именно что канонистъ для хартофилакса, т. е. для себя самого, выводилъ изъ грамоты Константина права на высшіе знаки отличія, а для патриарха отрицалъ возможность подобнаго вывода. Любопытно, что Вальсамону и еще разъ представлялся случай высказаться ясно насчетъ высшихъ знаковъ

---

¹⁾ Вальсамонъ въ то время былъ хартофилаксомъ великой константинопольской церкви. Позднѣе онъ посвященъ былъ на антиохійскую патриаршую кафедру, но остался титулярнымъ патриархомъ, не имѣя возможности фактически занять ее, такъ какъ Антиохія снова была ствоявана отъ византийской имперіи.

²⁾ По изд. общ. люб. дух. проsv. стр. 262—263.

³⁾ Павловъ, Сборникъ неизд. памятниковъ визант. церк. права, стр. 67.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 67—68.

царственного достоинства константинопольскаго патриарха, и онъ не высказался, какъ надо полагать, потому, что не желалъ впасть въ непослѣдовательность въ другомъ отношеніи. Въ «разсужденіи о патриаршихъ привилегіяхъ», въ которомъ пространно развита теорія «пяти чувствъ», какъ «занимающихъ мѣсто главы св. первей» (τόπον ἀναπληροῦντες τῆς κεφαλῆς τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν) ¹⁾, въ духъ извѣстнаго намъ Петра антиохійскаго, Вальсамону пришлось встрѣтиться съ вопросомъ: почему римскій папа называется вселенскимъ папой, константинопольскій архіепископъ вселенскимъ патриархомъ, между тѣмъ какъ остальные патриархи, будучи въ одномъ съ ними рангѣ, званіи и чести (τῆς αὐτῆς ὄντες τάξεως, κλήσεως τε καὶ τιμῆς), не пользуются этимъ величаніемъ. Этотъ вопросъ въ сущности ставилъ Вальсамона въ великое затрудненіе: аргументируя въ пользу титуловъ: «вселенскаго папы» и «вселенскаго патриарха», онъ рисковалъ бы подорвать теорію пяти чувствъ, только что имъ пространно развитую; аргументируя же противъ титуловъ, онъ становился бы въ вопіющее противорѣчіе съ тѣмъ, что имъ много разъ и по разнообразнымъ поводамъ высказывалось насчетъ привилегій стараго и новаго Рима. И вотъ Вальсамонъ, можно сказать, отдѣлывается отъ труднаго вопроса такимъ разсужденіемъ: римскаго папу демонъ самолюбія оторвалъ отъ общенія прочихъ святѣйшихъ патриарховъ и ограничилъ его однимъ западомъ, а что касается константинопольскаго, то я вижу, говоритъ Вальсамонъ, что онъ не украшенъ ни одною изъ привилегій папы (ибо ни царской діадемой не вѣнчается, сообразно съ закономъ, приписываемымъ св. Константину, ни пурпурныхъ туфель не надѣваетъ, какъ бы слѣдовало по этому узаконенію, ни другою какою либо привилегіей древняго Рима не пользуется и поэтому ноги его стоятъ въ прямотѣ, и голова его убѣлена по Давиду всякою мудростію, и самъ онъ не подписывается вселенскимъ отцомъ (!), хотя мы называемъ и прославляемъ его этимъ титуломъ), а поэтому въ изслѣдованіе, какъ бесполезное, я не вхожу ²⁾. Другими словами, канонистъ уклонился отъ вопроса

¹⁾ Σύνοταγμα, IV, 552.

²⁾ Σύνοταγμα IV, 553. „Ἐπεὶ δὲ τὸν μὲν πάναν τὸ τῆς φιλαυτίας δαιμόνιον τῆς τῶν λοιπῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν ἀπέστησεν ὀμηγύρεως

указаніемъ на то, что фактически якобы теперь пѣтъ ни вселенскаго папы, отторгнутаго демономъ самолюбія отъ христіанскаго общенія, ни вселенскаго патріарха, который не пользуется никакими привилегіями, даже будто бы и вселенскимъ не самъ себя называетъ, а другими называется, и правильно ли это названіе, канонистъ не пояснилъ, сославшись на «безполезность» изслѣдованія. Объ этомъ можно только пожалѣть, тѣмъ болѣе, что въ этомъ же самомъ «разсужденіи», нѣсколько выше, съ высоты принципа «пяти чувствъ, составляющихъ единую главу тѣла всѣхъ церквей Божіихъ, Вальсамонъ готовъ забыть фактическую оторванность западнаго міра и, «какъ ключъ за дубъ», держится за единомысліе папы римскаго, скорбитъ сердцемъ объ его отдѣленіи и ожидаетъ ежедневнаго обращенія ¹⁾).

Сравнивая 3-й канонъ II всел. соб. и 28-й канонъ IV всел. соб. съ тѣми выводами, которые дѣлались на востокѣ изъ дарственной грамоты Константина В. римскому папѣ, мы не можемъ не замѣтить, что перенесеніе привилегій стараго Рима на новый имѣло не одну только, такъ сказать, духовно-іерархическую сторону, а *непретѣнно должно было имѣть и церковно-политическую сторону*. Если римскій епископъ получилъ не только духовно-іерархическія права надъ всѣми остальными патріархами, но и знаки императорскаго достоинства, и если всѣ его привилегіи,

---

καὶ εἰς μόνην τὴν δύσιν ἐστενωχώρησε, τὸν δὲ Κωνσταντινουπόλεως βλέπω μηδενὶ τῶν προνομίων τοῦ πάπα κατακοσμούμενον (ὅυτε γὰρ τῷ τῆς βασιλείας λώρῳ κατὰ τὸ τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου νομιζόμενον θεόπισμα καταστέφεται, ὅυτε κοκκοβαφέσι πεδίλοις, κατὰ τὸ τυπωθὲν θεατρίζεται, ἀλλ' οὐδ' ἑτέρῳ προνομίῳ τῆς παλαιᾶς Ῥώμης κέχρηται, καὶ διὰ τοῦτο οἱ πόδες αὐτοῦ ἴστανται ἐν εὐθύτητι, καὶ ἡ κεφαλὴ αὐτοῦ παντοίῳ συνέσει κατὰ τὸν Δαυὶδ πεπολίωται καὶ τὰς δικείας δὲ ὑπογραφὰς ὡς οἰκουμενικὸς οὐ μεγεθύνει πατὴρ, κἄν παρ' ἡμῶν δυτω κέκληται καὶ δεδόξασται) τὴν μὲν περὶ τούτου συζήτησιν, ὡς αλυσιτελῆ, παρατρέχω*.

¹⁾ Стр. 247: „Τοὺς ἁγιωτάτους πέντε πατριάρχας (καὶ ἔτι γὰρ ὡς κισσὸς δρυὸς, τῆς ὁμονοίας τοῦ πάπα Ῥώμης ἑξέχομαι, καὶ τῷ χωρισμῷ τούτου τὴν καρδίαν σπαράττομαι, καὶ τὴν καλὴν ἐπιστροφὴν καθεκάστην παραδοκῶ) μίαν οἶδαμεν κεφαλὴν τοῦ σώματος πασῶν τῶν ἐκκλησιῶν τοῦ Θεοῦ“.

съ теченіемъ времени, сдѣлались достояніемъ епископа новаго Рима, то рано ли поздно ли и на восточной почвѣ долженъ былъ возникнуть вопросъ не только объ отношеніи «вселенскаго» патріарха къ остальнымъ восточнымъ патріархамъ, но и объ отношеніи его къ императорской власти. Это былъ неизбежный логическій ходъ понятій. Такъ оно было и въ дѣйствительности, потому что не могло быть иначе, хотя императоры періода вселенскихъ соборовъ, могущественно содѣйствовавшіе возвышенію своего столичнаго патріарха, не подозрѣвали тѣхъ послѣдствій, къ которымъ со временемъ должно было привести это возвышеніе. Любопытно, что идея *перенесенія правъ* со стараго Рима на новый впервые высказана была императоромъ Михаиломъ III въ посланіи его къ папѣ Николаю I-му, или, правильнѣе сказать, патріархомъ Фотіемъ, потому что Фотій, безъ сомнѣнія, былъ составителемъ этого посланія. Посланіе самое не дошло до насъ, но содержаніе его, по крайней мѣрѣ отчасти, можетъ быть восстановлено на основаніи отвѣта папы императору, а также другихъ писемъ Николаю I, въ которыхъ онъ касался этого посланія. Опытъ восстановления сдѣланъ кардиналомъ Гергенрётгеромъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи о патріархѣ Фотіѣ ¹⁾. Въ періодъ вселенскихъ соборовъ говорили, что епископъ новаго Рима *слѣдуетъ* непосредственно за епископомъ стараго Рима въ порядкѣ чести и имѣетъ *равныя* съ нимъ преимущества, но никто не говорилъ, что епископъ стараго Рима *утратилъ* эти свои преимущества, и что они *перешли* на епископа новаго Рима. Эта послѣдняя мысль выражена впервые, какъ сказано, около половины IX в., т. е. когда старый Римъ выдѣлился уже изъ восточно-римской имперіи, когда на западѣ явилась другая, западная, римская имперія, и когда готовъ былъ совершиться и церковный разрывъ между востокомъ и западомъ. Въ періодъ вселенскихъ соборовъ не было ни основаній, ни поводовъ къ сопоставленію патріарха константинопольскаго съ императоромъ, потому что если съ царскою властію (*βασιλεία*, *imperium*) сопоставляли священство (*ιερωσύνη*, *sacerdotium*), то священство понимали въ со-

---

¹⁾ См. I, 552—553 и ср. *Павловъ*, Подложная дарственная грамота и проч. въ Сборн. неизд. памятниковъ визант. ц. пр. стр. 65.

бирательномъ смыслѣ, а если кому нибудь нужно было, какъ напр. православнымъ въ борьбѣ съ восточными еретиками, найти единоличнѣйшій шпациъ священства, то таковой усматривался въ епископѣ стараго Рима. Съ IX столѣтія въ сопоставленіи съ царскою властію оказывается уже патріархъ константинопольскій. Это сопоставленіе нашло себѣ официальное выраженіе въ т. н. эпанагогѣ, которая имѣетъ два спеціальныя титула или отдѣла: о царѣ (περὶ βασιλείας) ¹⁾ и о патріархѣ (περὶ πατριάρχου) ²⁾. Подъ патріархомъ разумѣется единственно патріархъ константинопольскій, такъ какъ о другихъ восточныхъ патріархахъ упоминается лишь вскользь, какъ о второстепенныхъ и подчиненныхъ ему; о римскомъ епископѣ нѣтъ уже ни слова. Такъ какъ едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что титулы эпанагоги о царѣ и о патріархѣ составлены *Фотіемъ* ³⁾, то мы получаемъ возможность воочію, такъ сказать, наблюдать знаменательное историческое совпаденіе: возвышеніе константинопольскаго патріарха надъ другими патріархами и поставленіе этого же патріарха рядомъ съ царскою властію идутъ рука объ руку, предполагая въ то же время разрывъ съ Римомъ и условливаясь этимъ разрывомъ.

Если внимнуть затѣмъ въ содержаніе обоихъ титуловъ эпанагоги, то окажется, что въ нихъ развиты тѣ же самые принципы, которые лежали въ основаніи борьбы между sacerdotium и imperium, потрясавшей западно-европейскій міръ въ средніе вѣка. Хотя рѣзкой іерократической окраски нѣтъ въ построеніяхъ эпанагоги и оба «величайшіе дара»—царство и священство—представляются на равной высотѣ, но изъ того, что царь «управляетъ тѣлами», а патріархъ «управляетъ душами», что царь долженъ блюсти вѣру и каноны, а толкованіе канонѣвъ предоставляется патріарху, какъ «живому и одушевленному образу Христа», въ средніе вѣка не трудно было придти къ выводу о превосходствѣ священства надъ царствомъ. И замѣтимъ, кромѣ того, что современныя явленія, совершавшіяся въ западно-европейскомъ

---

¹⁾ Тит. II.

²⁾ Тит. III.

³⁾ См. объ этомъ проф. Сокольскаю, О характерѣ и значеніи эпанагоги (Визант. Врем. т. I, стр. 31 и сл.).

міръ, тѣ отношенія, которыя складывались между западнымъ священствомъ, т. е. папствомъ, и созданною имъ западно-европейскою имперіей, не могли оставаться неизвѣстными на востокѣ, а напротивъ были очень хорошо извѣстны и могли служить образцомъ для подражанія съ одной стороны, поводомъ къ опасеніямъ и принятію извѣстныхъ мѣръ предосторожности императорами съ другой стороны. Эпанагога явилась при Василиѣ I, но Василию же принадлежитъ мысль, которая приведена была въ исполненіе послѣ его смерти сыномъ его Львомъ Мудрымъ,—мысль о соединеніи въ одной фамиліи царства и патриаршества. Младшій сынъ Василия Стефанъ съ самаго дѣтства былъ предназначенъ къ духовному званію и получилъ соответственное воспитаніе, даже былъ настрированъ¹⁾. Если бы Василий жилъ болѣе долго, то онъ далъ бы патриарху Фотію умереть естественною смертію и затѣмъ уже возвелъ бы своего сына въ патриархи. Молодой Левъ VI, имѣвшій свои, и довольно серьезныя, причины ненавидѣть архіепископа евхаетскаго Теодора Сантабарена, съ которымъ патриархъ Фотій находился въ тѣсной дружбѣ, началъ свое царствованіе съ низложенія обоихъ. Любопытно, что самому патриарху Фотію, при этомъ его второмъ и окончательномъ низложеніи, было между прочимъ поставлено въ вину, что онъ намѣревался возвести на императорскій престолъ кого-либо изъ своей фамиліи. Провѣденные по этому обвинительному пункту допросъ и слѣдствіе не дали никакихъ результатовъ въ подкрѣпленіе обвиненія²⁾, и самое это обвиненіе, по всей вѣроятности, было выдуманно для того, чтобы подготовить населеніе столицы къ соединенію царской и патриаршей власти въ македонской фамиліи Василия I-го. Эта же мысль о соединеніи обѣихъ властей въ одной фамиліи выразилась при сынѣ Льва VI Константинѣ Порфирородномъ, соправитель котораго Романъ Лекапѣнъ, управлявшій имперіей за несовершеннолѣтіемъ Константина, одного изъ своихъ

---

¹⁾ Theophanes Continuatus по боннск. изд. 1838 г. стр. 264. Cedren. II, 206. Ср. *Gfrörer*, *Byz. Gesch.* II, 162—165. Ко времени смерти своего отца Стефанъ былъ уже „синкелломъ“ патриарха Фотія, хотя ему не было еще и 16 лѣтъ. Theophan. 354; Cedren. II, 249.

²⁾ Theophan. 354—356. Cedren. I. c. *Hergenröther*, *Photius*, II, 683 и сл.

сыновой Теофилакта возвелъ на патріаршую кафедру. Но пусть оба приведенные факта не стоятъ ни въ какой связи съ политической предосторожности противъ нежелательнаго усиленія патріаршей власти, а объясняются единственно желаніемъ укрѣпить династію на императорскомъ престолѣ, такъ какъ Василій I только что начиналъ собою македонскую династію, а Романъ тоже думалъ начать свою династію. Исторія византійской имперіи, начиная съ царствованія Льва VI, ознаменовалась и другими явленіями, въ которыхъ можно предполагать скрытую мысль объ усвоеніи императору тѣхъ духовныхъ прерогативъ, которыя, при строгомъ проведеніи параллелизма между епископами стараго и новаго Рима, должны бы были принадлежать вселенскому патріарху. Пихлеръ замѣтилъ, что учрежденіе новой имперіи папами было главною причиною цезаропатизма восточной церкви, такъ какъ восточные императоры, имѣя предъ глазами опытъ самовластнаго распоряженія императорской короной со стороны епископа стараго Рима, тѣмъ съ большею внимательностію должны были слѣдить за епископомъ новаго Рима и не допускать съ его стороны никакихъ посползновеній слѣдовать западному образцу ¹⁾. Замѣчаніе это едва ли можно считать лишеннымъ всякаго основанія. Мы дѣйствительно видимъ, что Левъ Мудрый, конечно на основѣ прежнихъ традицій византійской имперіи, но въ своеобразной формѣ, и притомъ систематически старался выдвинуть духовно-первосвященническую сторону своей власти. Левъ занимается церковной гимнологіей, сочиняя богослужебныя стихиры; Левъ держитъ проповѣди къ константинопольскому народу; Левъ издаетъ рядъ новеллъ на имя своего несовершеннолѣтняго брата Стефана, «святѣйшаго архіепископа Константинополя и вселенскаго патріарха» относительно условій посвященія въ степени духовнаго сана, о постриженіи въ монашество, о совершеніи церковныхъ священнодѣйствій въ домовыхъ церквахъ, о допущеніи роженицъ къ св. причащенію до истеченія 40 дней послѣ родовъ и т. п. ²⁾.

¹⁾ Pichler, Geschichte der Trennung, I, 197.

²⁾ См. 2—17 новеллы Льва, адресованныя на имя Стефана у *Zachariae*, Jus graeco—romanum P. III, pag. 64—91. Изъ новеллъ, адресованныхъ не на имя патріарха Стефана, а на имя магистра sacrorum officiorum Стиліана, см.

Со времени же Льва и наиболее ясно со времени Романа Лекапева ¹⁾, наблюдается параллелизм внешних форм, в которых издавались законодательные акты по делам церковным византийскими императорами на востокъ (*υποβουλλαι* и *πισταξι*) и римскими папами на западъ (буллы и *breves*). Торжественные выходы императора въ великую церковь, описанные Константиномъ Порфиророднымъ, также указываютъ на стремление императора дать выраженіе духовному характеру императорской власти ²⁾, и едва ли подробности церемоніала уходятъ въ глубь исторіи дальше македонской династіи. Въ богатой разными превратностями исторіи четвертаго брака Льва Мудраго опять мы встречаемъ фактъ въ достаточной степени характерный, о которомъ сообщилъ патріархъ Николай Мистигъ въ своемъ посланіи къ римскому папѣ: Левъ самъ обвинялъ себя съ Зоей Карбонопсиной, представляя въ своемъ лицѣ и священника, и жениха, хотя потомъ, нѣсколько позднѣе, вѣроятно неувѣренный въ правильности совершеннаго имъ вѣчанія, какъ говоритъ Гергенрөтеръ ³⁾, приказалъ своему придворному священнику совершить добавочное богослуженіе.

Но естественно, что примѣръ римскаго папы долженъ былъ вызывать подражаніе и въ патріархахъ, тѣмъ болѣе когда такъ ясно обнаружилось стремленіе императорской власти вторгнуться въ чисто-духовную область. Естественно же далѣе, что, при отсутствіи ясныхъ понятій о границахъ между духовною и недуховною областями, патріархи не только могли отстаивать независимость своей духовной сферы, но и сами могли выходить изъ границъ этой сферы, подобно тому какъ выходили изъ границъ своей сферы императоры. Естественно, наконецъ, и то, что еще задолго до Керуларія отношенія между священствомъ и царствомъ на востокъ обострились въ значительной степени. Два царствованія—Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія (въ малодѣтство Васи-

---

въ особенности нов. 89 объ обязательномъ церковномъ благословеніи брака и усыновленія, нов. 111 и 112 о расторженіи брака по причинѣ безумія.

¹⁾ См. *Zachariae*, *Geschichte d. griechisch-römisches Rechts*, Berl. 1892, стр. 23 и сл.

²⁾ Ср. *Суворова*, Учебн. д. пр. 1902, § 28.

³⁾ См. *Hergenröther*, *Photius*, III, 657.

лія II и Константина VIII) особенно поучительны въ этомъ отношеніи. Отъ Никифора Фоки дошелъ до насъ удивительный, по выраженію покойнаго академика Васильевскаго ¹⁾, законъ (т. е. удивительный для того времени—для X в.), которымъ этотъ честный, суровый и благочестивый воинъ, носившій подь царскимъ облаченіемъ власяницу, горячій почитатель и другъ препод. Аанасія Аеонскаго, основателя организованной монашеской жизни на св. горѣ; поразилъ набожную Византію, вызвавъ къ себѣ жестокую ненависть. Законъ направленъ былъ противъ любостыжанія монаховъ и противъ страсти византійцевъ устраивать новые собственные монастыри, при существованіи массы прежнихъ монастырей, пострадавшихъ отъ времени и нуждавшихся въ помощи, такъ что сущность закона сводилась къ двумъ положеніямъ: 1) воспрещается строить новые монастыри и 2) воспрещается приобрѣтеніе новыхъ недвижимостей существовавшими монастырями. Историки говорятъ еще о другихъ мѣропріятіяхъ Фоки по церковнымъ дѣламъ. Левъ діаконъ сообщаетъ въ своей исторіи ²⁾, что Никифоръ—въ тѣхъ ли видахъ, чтобы исправить священныя вещи по своему желанію, послѣ того какъ онѣ подвергнуты были нововведеніямъ отъ нѣкоторыхъ іереевъ, или съ цѣлію подчинить себѣ божественныя вещи (чего да не будетъ)—принудилъ іерарховъ послѣшнить составленіемъ соборнаго опредѣленія о томъ, чтобы никакое церковное дѣло не дѣлалось безъ его рѣшенія. У Кедрена находимъ большія подробности. Упомянувъ о законѣ Никифора, воспрещавшемъ дальнѣйшее расширеніе церковнаго землевладѣнія подь тѣмъ предлогомъ, что епископы худо употребляютъ богатство, предназначенное для бѣдныхъ, между тѣмъ какъ войны терпятъ нужду, историкъ продолжаетъ: «а что всего ужаснѣе, онъ издалъ законъ, подь которымъ подписались и нѣкоторые изъ епископовъ, легкомысленныхъ и льстивыхъ, о томъ, что безъ императорскаго приказанія не можетъ быть избираемъ или рукополагаемъ какой-либо епископъ; по смерти же какого-либо епископа, онъ посылалъ царскаго человѣка

---

¹⁾ Матеріалы для внутр. исторіи визант. госуд. (Ж. М. Н. Пр. ч. 202, мартъ, 1879), стр. 224—228.

²⁾ *Leonis diaconi*, *Histor.* по боннск. изд. стр. 98—99.

составить смѣту издержекъ и остальное (т. е. то, что оставалось за покрытіемъ расходовъ) отбираетъ. Не считая затѣмъ нужнымъ приводить другія постановленія Фоки, «выходящія за предѣлы всякой идеи необходимости» (*διατάγματα... πάσαν ιδέαν ανάγκη υπερεχρίπτουτα*), Кедренъ указываетъ на слѣдующее мѣропріятіе Фоки: онъ хотѣлъ издать законъ о томъ, чтобы солдаты, умирающіе на войнѣ, были удостоиваемы почестей мучениковъ, въ одной только войнѣ, а не въ чемъ либо другомъ полагая спасеніе души, и заставлялъ патріарха и епископовъ согласиться на этотъ «догматъ». Но нѣкоторые изъ нихъ мужественно воспротивились и удержали его отъ этого намѣренія, предъявивъ канонъ Василія Великаго, по которому убившіе непріятеля на войнѣ на три года устраняются отъ св. причащенія ¹⁾.

Конецъ Никифора Фоки былъ трагическій. Онъ былъ убитъ, не смотря на то, что свой дворецъ превратилъ въ крѣпость и эту крѣпость въ постоянное убѣжище: путемъ его убійства воцѣлелъ на императорскій престолъ Іоаннъ Цимискій. Теперь насталъ моментъ, когда патріархъ могъ дать почувствовать императору силу своего авторитета, и дѣйствительно престарѣлый патріархъ Полиевктъ искусно воспользовался этимъ моментомъ. Цимискій черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Никифора Фоки направился въ храмъ св. Софіи съ тѣмъ, чтобы, по обычаю, патріархъ возложилъ на него царскую діадему, ибо, какъ замѣчаетъ Левъ діаконовъ ²⁾, обычаемъ было установлено, чтобы тотъ, кто впервые получаетъ власть римской имперіи, восходилъ на амвонъ храма, получалъ благословеніе отъ наличнаго въ данное время патріарха и короновался отъ него царскимъ вѣнцомъ. Патріархъ наотрѣвъ отказался допустить Цимискія въ храмъ и потребовалъ отъ него исполненія цѣлаго ряда условій: 1) очищенія отъ грѣха покаяніемъ, 2) открытія именъ тѣхъ лицъ, которыми непосредственно совершено было убійство Никифора Фоки, 3) изгнанія изъ дворца невѣрной жены Никифора, вдовы Теофанѣ, 4) отмѣны закона Никифора, воспрепятствовавшаго епископамъ составлять какое либо рѣшеніе и замѣщать

¹⁾ Cedren. II, 368—369.

²⁾ Leo diac. l. c.; Cedren. II, 380—381. Ср. *Gfrörer*, Byzant. Geschichten, II, 521. *Schlumberger*, L'épopée byzantine, 14—16.

епископскія каѳедры безъ воли императора (а также закона, ограничивавшаго церковное землевладѣнiе), 5) возвращенiя изъ заточенiя всѣхъ пострадавшихъ за отказъ подчиниться законамъ Никифора, 6) пожертвованiя всего имущества, которое Цимисхiй имѣлъ раньше, какъ частное лицо, на бѣдныхъ столицы и на госпитали.

Цимисхiй долженъ былъ согласиться на всѣ требованiя, причѣмъ настойчивость патрiарха въ частности относительно отмѣны новеллъ Никифора, какъ справедливо замѣчаетъ Шлюмберже ¹⁾, есть доказательство огромной важности, которая придавалась имъ въ то время съ точки зрѣнiя отношенiй между священствомъ и царствомъ. Что касается въ частности закона о несовершенiи никакихъ церковныхъ актовъ безъ воли императора, то, по словамъ Льва дiакона, этотъ законъ въ подлинникѣ былъ отданъ Цимисхiемъ синоду (*τὸν τε τοῦ Νικηφόρου νόμον τῇ συνόδῳ ἐπέδωκε*), а по словамъ Кедрена былъ даже разорванъ съ предоставленiемъ церкви прежней свободы (*ἐνευθεὶς δὲ ὁ τόμος ἐβράβη, καὶ τῇ ἐκκλησίᾳ ἐχαρίσθη ἢ πρότερα ἐλευθερία*). Законъ Никифора Фоки о церковномъ землевладѣнiи также въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ сопровождается замѣткой, что онъ былъ отмѣненъ Иоанномъ Цимисхiемъ ²⁾, но въ виду того, что Василию II Болгароктоу (послѣ вступленiя его въ самостоятельное управленiе имперiей по смерти Цимисхiя) пришлось формально отмѣнять этотъ законъ, слѣдуетъ думать, что Цимисхiй или ограничился обѣщанiемъ отмѣнить непрiятный духовенству законъ, или даже ограничился только обѣщанiемъ не примѣнять законъ, а если и обѣщаль отмѣну, то не исполнилъ обѣщанiя, приберегая законъ своего предшественника, какъ полезное оружье на случай государственной нужды. Возможно, скажемъ вмѣстѣ съ Шлюмберже, что Иоаннъ Цимисхiй и его совѣтники въ тотъ моментъ, когда предъявлялись требованiя патрiарха, думали про себя, что лишь бы состоялось коронованiе, а тамъ можно и снова отобрать, одну за другою, церковныя вольности. Но въ данный моментъ во всякомъ случаѣ выбора не было: нужно было исполнить требованiя патрiарха

¹⁾ Стр. 18.

²⁾ *Васильевскiй*, Ж. М. Н. пр. 1879, мартъ, стр. 228.

для того, чтобы могло состояться коронование. Левъ дiаконъ, какъ выше было указано, считаетъ требованiемъ обычая, чтобы лицо, восходящее на императорскiй престолъ, получало благословенiе и вѣнецъ отъ патрiарха. Участiе константинопольскаго патрiарха въ коронованiи императора, само по себѣ и особенно по его историческому происхожденiю, не заключало въ себѣ идеи юридической необходимости, въ томъ смыслѣ, чтобы, безъ возложенiя вѣнца на голову императора рукою патрiарха, правительственные акты императора считались бы недѣйствительными ¹⁾. Но со второй половины IX в. на востокъ, по примѣру запада, болѣе и болѣе укрѣплялось воззрѣнiе, что новое правительство не иначе получаетъ характеръ законности, какъ послѣ торжественнаго освященiя его церковью ²⁾. Уже патрiархъ Игнатiй на соборѣ друкратномъ 861 г. противъ увѣренiя его противниковъ, будто онъ неправомѣрнымъ образомъ былъ избранъ и посвященъ на патрiаршiю кафедру, возражалъ, что въ такомъ случаѣ и коронованный имъ императоръ не императоръ, и посвященные имъ епископы не епископы ³⁾. Предшественникъ Керуларiя, патрiархъ Алексѣй подвергался опасности быть низложеннымъ, благодаря интригамъ Иоанна Орфанотрофа (брата императора Михаила IV Пафлагона), который самъ желалъ сдѣлаться патрiархомъ. Орфанотрофъ привлекъ на свою сторону нѣсколько епископовъ, которые вступили съ Алексѣемъ въ переговоры объ оставленiи имъ патрiаршества, въ виду неправомѣрнаго занятiя имъ патрiаршiей кафедры. Патрiархъ отвѣтилъ имъ: «если я взошелъ на тронъ, какъ вы говорите, неканонически, не по избранiю архiereевъ, а по приказанiю царя Василiя, то пусть будутъ низложены и всѣ тѣ митрополиты, которыхъ я посвятилъ, управляя церковью въ теченiе одиннадцати съ половиной лѣтъ, а также пусть будутъ анаематствованы (!) тѣ три императора, которыхъ я короновалъ,—когда

¹⁾ См. *Stöckel*, Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10 Jahrhundert (Byzant. Zeitschrift, B. VII, 1898).

²⁾ *Schlumberger*, L'épopée byz. 13: „ainsi qu'il en était en Occident depuis longtemps déjà, de même en Orient la croyance populaire existait fermement qui voulait qu'un changement de règne ne prit le caractère de la légalité qu'après avoir été solennellement consacré par l'église“. Ср. *Gfrörer*, Byz. Geschichte. II, 521.

³⁾ *Hergenröther*, Photius, I, 425.

это будетъ сдѣлано, тогда я и уступлю тронъ желающему». Приведенные, какъ говоритъ историкъ ¹⁾, въ стыдъ и страхъ этимъ отвѣтомъ, епископы (изъ которыхъ многіе получили хиротонію отъ Алексѣя) предпочли молчать, а въ концѣ концовъ и самъ Орфанотрофъ долженъ былъ оставить свое вожделѣніе сдѣлаться патріархомъ.

Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ, конечно, аргументація патріарховъ Игнатія и Алексѣя имѣла характеръ оборонительнаго средства противъ нападеній противниковъ. Но разъ извѣстную идею можно было утилизировать въ видахъ обороны,—отчего же нельзя было бы воспользоваться ею и для наступленія, смотря по обстоятельствамъ? Гёререръ и Шлюмберже едва ли ошибаются, сопоставляя востокъ X вѣка съ современнымъ ему западомъ. Повторимъ еще разъ, что было бы неправильно думать, будто явленія западно-европейской жизни оставались неизвѣстными на востокѣ и не могли оказывать никакого вліянія на ходъ восточныхъ дѣлъ. А какія явленія могли быть наблюдаемы въ западно-европейской жизни съ конца IX в.?. Возстановленная западная имперія уже въ лицѣ перваго императора Карла Великаго была созданиемъ папства; но при первыхъ каролингахъ императорская корона по крайней мѣрѣ переходила отъ предшественника къ преемнику въ порядкѣ легитимности, т. е. отъ отца къ сыну. Начиная съ Карла Лысаго, папа сталъ уже дѣлать выборъ, на кого изъ каролинговъ возложить императорскую корону съ званіемъ, правами и обязанностями защитника римской церкви, а съ прекращеніемъ дома каролинговъ тѣмъ болѣе отъ папы стало зависѣть, на кого изъ государей возложить императорскую корону, такъ что въ промежутокъ времени между каролингами и Оттонами мы видимъ нѣсколько, такъ сказать, мелкопомѣстныхъ италійскихъ князей, получавшихъ изъ рукъ папы, по избранію этого послѣдняго, императорскую корону ²⁾. Что же удивительнаго, если патріархъ Михайлъ Керуларій въ XI в., проникнутый мыслию о превосходствѣ священства подъ царствомъ и ставшій, въ осо-

---

¹⁾ Cedren. II, 517—518.

²⁾ См. *Niehues*, Geschichte des Verhältnisses zwischen Kaiserthum und Papsthum im Mittelalter, B. II, Münster, 1887, стр. 385, 397, 427, 455 и сл.

бенности послѣ разрыва съ Римомъ, въ положеніе восточнаго папы, считать себя въ правѣ возводить въ императоры посредствомъ коронованія, или лишать императорской власти по своему усмотрѣнію?

Что мысль о взаимныхъ отношеніяхъ между священствомъ и царствомъ серьезно занимала и озабочивала византійское императорское правительство въ X в., объ этомъ свидѣлствуютъ два факта—одинъ изъ царствованія Цимисхія, другой изъ первыхъ годовъ самостоятельнаго царствованія Василия II. Іоаннъ Цимисхій, по смерти престарѣлаго патріарха Полиевкта, возложившаго на него императорскую корону съ извѣстными намъ условіями, прежде чѣмъ замѣститъ патріаршую кафедру, держалъ предъ епископами и сенатомъ замѣчательную рѣчь, содержание которой передано намъ Львомъ діакономъ. Императоръ начинаетъ съ того, что существуетъ Единое Начало, высшее и первенствующее, которое привело изъ небытія въ бытіе систему видимаго и невидимаго міра. Но въ здѣшней жизни и въ дольнемъ блужданіи, продолжаетъ императоръ, я знаю двѣ власти—священство и царство, изъ которыхъ одной Создатель міра поручилъ попеченіе о душахъ, другой—управленіе тѣлами, такъ чтобы ни та, ни другая сторона (человѣческаго существа) не хромала, а сохранялась благоустроенною и цѣлостною. Теперь такъ какъ управлявшій церковью (патріархъ) заплатилъ дань (бренной природѣ человѣческой), предоставимъ Всевидящему Оубу, отъ котораго ничто не укроется, и которому извѣстны всѣ дѣла человѣскія, прежде чѣмъ они задуманы, возвести на божественное служеніе человѣка, который бы превосходилъ всѣхъ другихъ.—Но, воздавъ такимъ образомъ дань теоріи двухъ властей въ такихъ выраженіяхъ, подъ которыми могъ бы подписаться любой папа, царственный ораторъ приступаетъ къ дѣлу, которое послужило поводомъ и къ собранію, и къ приведенной рѣчи. Онъ заявляетъ, что, на основанія долговременнаго опыта, знаетъ съ наилучшей стороны одного человѣка, котораго и возводитъ на церковную кафедру, съ тѣмъ чтобы не скрывалъ въ углу свою жизнь мужъ, украшенный всякими достоинствами,—мужъ, которому отъ Бога ниспосланъ даръ прозрѣнія, ибо императоръ по опыту знаетъ, что этотъ мужъ заранѣе предсказалъ ему многое изъ будущаго,

что потомъ дѣйствительно случилось въ свое время. Вслѣдъ за этимъ, Цимисій приказалъ ввести въ собраніе избраннаго имъ кандидата, и, къ удивленію присутствовавшихъ, царскимъ кандидатомъ огазала не кто либо изъ митрополитовъ или епископовъ, или другихъ извѣстныхъ лицъ, а неученый человѣкъ въ одѣяніи монаха—пустынника, проводившій доселѣ свою жизнь въ монашескихъ подвигахъ на вершинахъ Олимпа. Представивъ этого своего кандидата почтенному собранію, состоявшему изъ епископовъ и сенаторовъ, императоръ приказалъ ему отправиться въ патріаршее помѣщеніе, а на другой день этотъ пустынникъ (Василій Скамандринъ) получилъ помазаніе первосвященства (*τὸ τῆς ἀρχιερωσύνης χρίσμα*) и провозглашенъ вселенскимъ патріархомъ ¹⁾. Изъ этого разсказа Льва діакона видно, что конецъ и результатъ императорской рѣчи далеко не соотвѣтствовали ея началу. Императоръ не соблюлъ даже того порядка кажущагося избранія, который описанъ Константиномъ Порфиророднымъ въ его «*Ἐκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως*», и который состоялъ въ томъ, что императоръ сначала предоставлялъ митрополитамъ-членамъ синода представить ему имена трехъ своихъ кандидатовъ и лишь тогда, когда императоръ не находилъ въ числѣ этихъ трехъ того, кого онъ желалъ, указывалъ своего собственнаго кандидата, съ тѣмъ что этотъ послѣдній и получалъ нареченіе и посвященіе ²⁾. Цимисій, поставленный въ необходимость передъ своимъ коронованіемъ отмѣнить законъ Фоки, по смерти патріарха, вынудившаго у него уступки, не возстановилъ, правда, закона Фоки, но фактически дѣйствовалъ въ духѣ своего предшественника, проведя свою волю въ такомъ важномъ церковномъ дѣлѣ, какъ замѣщеніе патріаршей кафедры. Въ этомъ же духѣ, и еще рѣшительнѣе, поступилъ Цимисій, четыре года спустя, низложивъ этого самаго Василія Скамандрина, добродѣтели котораго и даръ прозрѣнія такъ восхвалялись императоромъ при возведеніи Василія на кафедру, когда сдѣлалось ясно, что патріархъ желаетъ вести свою политику, противоположную политикѣ императорской ³⁾.

---

¹⁾ Leo diac. 101—102.

²⁾ См. объ этомъ въ моемъ Учебникѣ церк. пр., изд. 1902 г., стр. 394—395.

³⁾ См. выше, стр. 17.

Въ первые годы царствованія Василя II случилось одно событие, на которомъ много останавливаются Гёререръ и Шлюмберже, и которое византійскими хроникерами оставлено безъ всякаго разъясненія: преемникъ Василя Стамандрина Антоній Студитъ былъ вынужденъ къ отреченію отъ патриаршества, и затѣмъ прошло 4½ года, пона кафедре патриаршая не была замѣщена новымъ патриархомъ Николаемъ ХризOVERгомъ, такъ что слѣдовательно въ Константинополѣ, въ продолженіе 4½ лѣтъ, патриарха не было. Фактъ, дѣйствительно не маловажный и долженъ былъ имѣть свои, тоже немаловажныя, безъ всякаго сомнѣнія, причины. Сопоставляя лаконическія сообщенія византійскихъ историковъ Льва діакона ¹⁾, Кедрена ²⁾ и Зонары ³⁾, а также событія въ Римѣ ⁴⁾, названные ученые (Гёререръ и Шлюмберже) представляютъ ходъ событій въ такомъ видѣ. Когда, послѣ смерти Іоанна Цимисхія (которую, можетъ быть, не безъ основанія приписываютъ ⁵⁾ Василю Парахимомену, т. е. спальнику, внуку, который, будучи незаконнымъ сыномъ императора Романа Лекапена, приходился роднымъ дядей молодымъ базилевсамъ Василю II и Константину VIII и, по смерти Цимисхія, сдѣлался всемогущимъ правителемъ имперіи), имперія осталась съ двумя юными базилевсами и съ опекуномъ Василемъ Парахимоменомъ, высшее духовенство, съ патриархомъ Антоніемъ во главѣ, остановило свои взоры на Вардѣ Склерѣ—шуринѣ умершаго императора Іоанна Цимисхія, котораго, можетъ быть, и самъ умирающій Цимисхій намѣчалъ въ соимператоры къ молодымъ базилевсамъ. Эта кандидатура во всѣхъ отношеніяхъ была нежелательна для внука Василя, который самъ хотѣлъ управлять имперіей отъ имени юныхъ императоровъ и поспѣшилъ выпроводить Склера изъ столицы для командованія войсками на отдаленномъ востокѣ. Удаленный Варда Склеръ поднялъ открытое возстаніе, объявивъ се-

¹⁾ Стр. 169 о времени продолженія возстанія Варды Склера.

²⁾ II, 434 о времени отреченія Антонія и возведенія въ патриарха Николая ХризOVERга.

³⁾ III, 547 о томъ же.

⁴⁾ Въ Римѣ, ко времени поставленія ХризOVERга, утвердился на папскомъ престолѣ ставленникъ Кресценція, византійскій протеже.

⁵⁾ См. *Schlumberger*, стр. 311.

бя императоромъ, и возстаніе это держалось долго, вѣроятно, по той именно причинѣ, что Склеръ имѣлъ тайныхъ сторонниковъ въ духовенствѣ. Вотъ почему, съ подавленіемъ возстанія Склера, патріархъ Антоній долженъ былъ отречься отъ патріаршества, вскорѣ послѣ чего и умеръ. Причина же, по которой константинопольская катедра оставалась затѣмъ, въ теченіе 4½ лѣтъ, вакантною, должна была заключаться въ томъ, что духовенство твердо стояло на почвѣ, отвоеванной патріархомъ Поліеветомъ, отстаивая свою независимость въ замѣщеніи патріаршей катедры и послѣдовательно отвергая всѣхъ царскихъ кандидатовъ (т. е. кандидатовъ, предлагавшихся евнухомъ Василиемъ), царское же правительство отвергало всѣхъ кандидатовъ, выставлявшихся духовенствомъ. А если обратить вниманіе на то, что происходило въ это время въ Римѣ, то сразу же бросается въ глаза любопытное совпаденіе. Пока Бонифацій VII, константинопольскій протесте, не утвердился въ Римѣ (послѣ 10лѣтн. изгнанія), константинопольскія партіи—духовная и придворная никакъ не могли сойтись въ выборѣ пригоднаго кандидата, а какъ скоро утвердился, вдругъ сошлись, и въ результатъ оказалось поставленіе Николая Хризверга. Духовенство, по мнѣнію Шлюмберже, рассуждало приблизительно такъ: пусть царское правительство предлагаетъ какаго ему угодно кандидата, мы рѣшились признавать патріархомъ лишь того, кто будетъ признавать супрематію папы римскаго. А императорское правительство, доселѣ отклонявшее эти претензіи, перемѣнило свою тактику съ того момента, какъ въ Римѣ водворился его ставленникъ¹⁾.

Предположенія Гфрѣрера и Шлюмберже насчетъ отстаиванія константинопольскимъ духовенствомъ супрематіи римскаго папы, конечно, болѣе чѣмъ гадательны. Но что касается розни между политикой духовенства и политикой императорскаго правительства, то едва ли въ этомъ отношеніи возможны какія-либо сомнѣнія. Только такою продолжающеюся рознію и можно объяснить и отреченіе патріарха, и долговременную вакантность патріаршей катедры. Если мы припомнимъ къ тому же отмѣченное нами рань-

---

¹⁾ См. *Gfrörer*, *Byzant. Geschichten*, II, 583 и сл. *Schlumberger*, стр. 446 и сл.

ше колебаніе императорскаго правительства относительно замѣщенія должностей по церковно-имущественному управленію ¹⁾),— колебаніе, разрѣшавшееся или къ выгодѣ императорской власти, или въ пользу духовной іерархіи; то для насъ не должны представляться совершенно неожиданными и необъяснимыми изученныя нами обстоятельства времени патриаршествованія Михаила Керуларія. Далекое не *ex abrupto* явился этотъ патриархъ на византійскомъ горизонтѣ, и не одяѣми только индивидуальными особенностями его карьеры и его личнаго характера объясняются поучительныя событія изъ его жизни и дѣятельности. Византійскія отношенія между священствомъ и царствомъ въ X и въ первой половинѣ XI в. были далеко не свободны отъ взаимнаго недоверія и взаимныхъ опасеній и по временамъ отливались въ форму болѣе или менѣе напряженной борьбы. Такимъ образомъ было бы ошибочно въ обстоятельствахъ времени патриарха Михаила Керуларія усматривать матеріаль чисто біографическаго свойства, обусловливавшійся первыми шагами политической карьеры патриарха (заговоромъ и перспективой занятія императорскаго престола), своеобразнымъ ходомъ дѣлъ въ имперіи и особенностями личнаго характера патриарха. Историческая почва, на которой стоялъ Керуларій, содержала въ себѣ достаточно-благопріятныя условія не только для параллелизованія священства и царства, но и для провозглашенія идеи превосходства священства надъ царствомъ. Особенности карьеры, характера и времени патриарха Михаила Керуларія сдѣлали лишь то, что для него оказалось легче, чѣмъ для кого-либо изъ его предшественниковъ, сдѣлать попытку осуществить эту идею въ дѣйствительности.

Раскрывая внутреннюю связь керуларіевскаго папства съ предшествующею византійскою исторіей, мы не можемъ не замѣтить также, что и на ближайшія послѣдующія событія Керуларій, даже и по смерти, оказалъ не малое вліяніе. Выше приведена была замѣтка Вальсамона ²⁾), изъ которой явствуетъ, что не одинъ только Керуларій выводилъ изъ константинова даренія право украшать себя знаками императорскаго достоинства, а и *другіе* шли

¹⁾ См. выше, стр. 99—103.

²⁾ См. выше, стр. 114.

по его слѣдамъ. Кто эти «другіе», неизвѣстно; но къ нимъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ непосредственный преемникъ Керуларія Константинъ Лихудъ, при жизни Керуларія его близкій другъ, по смерти Керуларія вѣрный продолжатель его политики. Самое возведеніе Лихуда на кафедру было, вѣроятно, уступкою со стороны Исаака Комнена требованіямъ минуты. Смерть Керуларія окружила его сіяніемъ въ глазахъ массы, и Комненъ долженъ былъ самъ, вмѣстѣ съ другими, проливать слезы по своему опасномъ противникѣ, освободившись отъ котораго, онъ готовъ былъ теперь сдѣлать все, чтобы дать удовлетвореніе общественному мнѣнію, взволнованному неожиданною смертію патріарха: демонстративно участвовалъ во всеобщемъ траурѣ, реабилитировалъ племянниковъ умершаго и не принялъ никакихъ мѣръ къ устраненію Константина Лихуда отъ кандидатуры на патріаршью кафедру. Только когда уже кандидатура была дѣломъ рѣшеннымъ, Комненъ какъ будто сталъ раздумывать и колебаться относительно правильности того, что имъ было допущено подъ впечатлѣніемъ минуты. Не будучи хитроумнымъ дипломатомъ, онъ придумалъ оригинальное средство, выше упоминавшееся ¹⁾, т. е. потребовалъ отъ Лихуда отказа отъ прони Манганъ, угрожая въ противномъ случаѣ заявить на соборѣ епископовъ о существованіи препятствія къ посвященію и, можетъ быть, рассчитывая на то, что Лихудъ не согласится отдать Манганы и слѣдовательно не сдѣлается патріархомъ. Но Лихудъ, какъ мы знаемъ, согласился и сдѣлался патріархомъ. Въ какомъ видѣ сложились бы отношенія между царемъ и новымъ патріархомъ, если бы царствованіе Комнена было продолжительнымъ, мы не знаемъ и отъ всякихъ гаданій воздерживаемся,—знаемъ лишь одинъ фактъ, но не мало-важный: Комнену пришлось царствовать недолго, такъ что, считая и то время, въ теченіе котораго онъ царствовалъ, имѣя патріархомъ Михаила Керуларія, правительство Исаака Комнена продолжалось всего два года (1057—1059), и главными виновниками этой кратковременности царствованія были патріархъ Константинъ Лихудъ и философъ Михайлъ Пселль. Императоръ про-

---

¹⁾ См. выше, стр. 104—105.

студился на охотѣ и опасно заболѣлъ. Къ больному являлся между прочимъ Пселлъ, который, какъ энциклопедистъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, въ томъ числѣ и въ медицинѣ, участвовалъ съ придворнымъ врачомъ въ установленіи діагноза болѣзни. Распространился слухъ, что онъ умираетъ. Къ больному собрались: царица съ дочерью и братъ Іоаннъ съ сыномъ. Прощаясь съ умирающимъ, по ихъ мѣтнію, царемъ, они просили его распорядиться царствомъ. Около того же времени явился патріархъ Константинъ Лихудъ и сталъ уговаривать царя постричься въ монахи. Царь изъявилъ на то свое желаніе; императрица же, узнавъ объ этомъ и заподозривъ, что онъ дѣйствуетъ по чужому внушенію, обратилась къ Пселлу, въ присутствіи императора, съ гнѣвнымъ упрекомъ: «много обязаны тебѣ, философъ, за совѣтъ; хорошо ты намъ отплатилъ, убѣдивъ императора перейти къ монашеской жизни». Пселлъ старался увѣрить императрицу, что онъ тутъ не при чемъ, и спросилъ, дѣйствительно ли желаніе монашества явилось у царя вслѣдствіе чьего либо совѣта. На это Комнень отвѣтила: «она, по своей женской манерѣ, удерживаетъ насъ отъ лучшей жизни и готова обвинить всѣхъ прежде, чѣмъ меня». Слѣдуетъ затѣмъ совѣщаніе царя съ Пселломъ, результатъ котораго былъ неожиданный и необыкновенный: царь назначилъ своимъ преемникомъ не брата, не племянника, не дочь, которая могла бы выйти замужъ и возвести своего мужа на императорскій престолъ, а чужого ему человѣка, Константина Дуку, имя котораго часто упоминалось нами выше, какъ мужа племянницы Керуларія Евдокии. Но только что сдѣлалось извѣстно это рѣшеніе, какъ здоровье Исаака стало поправляться, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ возникло сомнѣніе, слѣдуетъ ли ему постригаться въ монахи и отказываться отъ престола. Однако, уже и Пселлъ, и патріархъ напрягли всѣ усилія къ тому, чтобы склонить Комнена не замѣнять своему первоначальному намѣренію. Мало того, чтобы отрѣзать всякій путь къ отступленію, Пселлъ (конечно въ общеніи съ патріархомъ), на томъ основаніи, что царь на словахъ уже назначилъ своимъ преемникомъ Константина Дуку, посадилъ послѣдняго на царскій престолъ, обулъ его въ пурпурныя туфли и собралъ сановниковъ, которые, провозгласивъ Дуку обычное славословіе, *eo ipso* признали его императоромъ. Послѣ этого

Комнениу ничего не оставалось, какъ постричься и удалиться въ Студійскій монастырь ¹⁾).

— Оба наши русскіе ученые, изслѣдовавшіе византійскую исторію за время царствованія Комнена, г. Скабалановичъ и г. Безобразовъ, не имѣютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что отреченіе и постриженіе Исаака Комнена было послѣдствіемъ злостной интриги,—только почему то главнымъ руководителемъ этой интриги считаютъ Пселла, а патриарха Константина Лихуда готовы оставить въ сторонѣ отъ нея. Интрига дѣйствительно была поведена искусно, и сцена разыграна мастерски. Философъ установилъ діагнозъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго; патриархъ явился затѣмъ уговаривать царя постричься, въ расчетъ на то, что прямой, честный, не привыкшій кривить душой, Исаакъ Комнень—разу у него будетъ исторгнуто обѣщаніе постричься—исполнить свое обѣщаніе; а если будетъ колебаться, можно будетъ принять и болѣе дѣйствительныя мѣры. Пселлъ хорошо зналъ характеръ Комнена, предлагая, въ присутствіи императрицы вопросъ, не подь постороннимъ ли вліаніемъ данъ обѣтъ,—зналъ, что гордый Комнень отвѣтитъ отрицательно. Затѣмъ оба совѣтника, и патриархъ, и философъ, опять-таки рассчитывая на впечатлительность готовящагося къ смерти императора, предложили ему объявить своимъ преемникомъ Константина Дуку, при чемъ, можетъ быть, въ видѣ аргумента, указано было на то, что назначеніемъ Дуки загладится вина императора предъ умершимъ патриархомъ Михаиломъ Керуларіемъ. Личностію Дуки заинтересованъ былъ, конечно, не столько Пселлъ, который, напротивъ, имѣлъ основательныя причины бояться и стóрониться его, сколько патриархъ, котораго и нужно считать главнымъ руководителемъ интриги, имѣвшей цѣлью убрать съ императорскаго престола нежелательнаго императора и очистить мѣсто для лица, давно уже намѣченнаго покойнымъ Керуларіемъ. Пселла легко было привлечь къ этому плану указаніемъ на то, что содѣйствіе его патриарху и Дуки избавитъ его отъ всякихъ опасеній за будущее, которыя могли

¹⁾ *Безобразовъ*, М. Пселлъ, стр. 90—92.

²⁾ *Скабалановичъ*, Визант. госуд. и церк. 87.

³⁾ *Безобразовъ*, 93.

бы смущать философа при мысли, что и онъ далеко не безгрѣшенъ по отношенію къ памяти умершаго патріарха. Какъ ни искусился Пселлъ въ политикѣ, все-таки не возможно предположить, чтобы онъ самъ рѣшился устраивать государственный переворотъ, сажать Дуку на престолъ и надѣвать на него императорскую обувь, приглашать сановниковъ и устраивать торжественное превозглашеніе Дуки императоромъ въ такое время, когда самъ Комнень еще колебался и готовъ былъ взять назадъ свое отреченіе,— все это, повторяемъ, невозможно бы было предположить, если бы за Пселломъ не скрывался патріархъ Константинъ Лихудъ.

Съ Константиномъ Дукой зошелъ на престолъ человекъ, котораго давно уже желалъ видѣть на немъ покойный патріархъ Михаилъ Керуларій, и который не могъ быть непріятель преемнику его Константину Лихуду. Константинъ Дука отказался отъ смѣлой финансовой политики Исаака; при всей его бережливости, скупости и заботливости о казенныхъ интересахъ, онъ былъ, по выраженію Атталіота, монахолюбецъ (*φιλόμοναυος*) ¹⁾. Та же самая репутация осталась у церковныхъ писателей за его сыномъ Михаиломъ Дукой (Параплинекомъ), не смотря на то, что министръ Михаила Дуки Никифорица, безсовѣстный грабитель и лихоимецъ, не щадилъ, повидимому, и монастырей; очевидно, незаконны дѣяствія министра объяснялись, по выраженію покойнаго академика Васильевскаго ²⁾, жадностію и злонавіемъ всемогущаго временщика, а не правительственною системою Дука. Не лишень историческаго интереса конецъ Михаила Дуки: свергнутый съ престола, онъ вступилъ въ духовное званіе и дослужился до сана митрополита. Въ особенноти два документа изъ царствованія Константина Дуки даютъ намъ возможность уловить духъ церковно-государственныхъ отношеній за это время. Первый документъ есть хризовуль Константина Дуки, вызванный вопросомъ о томъ, могутъ ли митрополиты, почтенные отъ царя титулами синкелловъ и протосинкелловъ, занимать мѣсто выше всѣхъ остальныхъ митрополитовъ, въ силу этихъ именно, дарованныхъ царемъ титуловъ (вопросъ о мѣстахъ вообще довольно часто возникалъ въ средѣ византійской

¹⁾ Attal. стр. 76.

²⁾ Ж. М. Н. Просв. ч. 202, апр. 415.

ієрархіи). По указанному поводу, императоръ высказалъ принципиальное положеніе, не совсѣмъ обыкновенное для византійскаго базилевса. «Какую имѣеть власть царь или даруемое имъ званіе политическаго характера переименовывать «троны» (т. е. архіерейскія кафедры), которые установилъ Богъ чрезъ святыхъ и всехвальныхъ апостоловъ и богоносныхъ отцовъ? Ибо если царь стоитъ со страхомъ и трепетомъ (вѣдь и царь человѣкъ) въ то время, когда іерей сидитъ, то какимъ образомъ стоящій сидящему можетъ даровать высшій тронъ? — и это можно сказать не только о митрополитахъ и архіепископахъ, но и о бѣдномъ священникѣ, запрягающемъ воловъ и пасущемъ стадо. Наконецъ въ церкви, гдѣ есть святѣйшій и вселенскій патріархъ, на соборахъ, на застѣданіяхъ, въ судахъ, на кафедрахъ и проч. каждый будетъ имѣть тотъ тронъ, который дала ему Святая Премудрость, которая есть Слово Бога и Господа. И кому Она дала тронъ, у того кто можетъ отнять или кто можетъ лишить его? А во дворцѣ (т. е. въ порядкѣ свѣтскаго управления) каждый будетъ имѣть честь, опредѣленную ему въ синклитѣ (т. е. на основаніи царямъ пожалованныхъ титуловъ) ¹⁾.—Другой документъ, въ которомъ также ярко выступаетъ высокая оцѣнка священства сравнительно съ царствомъ и съ свѣтскимъ порядкомъ, есть синодальное опредѣленіе патріарха Константина Лихуда. Дѣло идетъ о священникѣ,

---

¹⁾ „Καὶ τί ἐξουσίαν ἔχει ὁ βασιλεὺς, ἢ τὸ συγγλητικὸν ἀξίωμα ἀμβειβειν θρόνους, οὓς ὁ Θεὸς διὰ τῶν ἁγίων καὶ πανευφήμεων ἀποστόλων καὶ τῶν θεοφόρων πατέρων ἔταξε; Τοῦ γὰρ βασιλέως ἱσταμένου μετὰ φόβου καὶ τρόμου, εἰάν ἐστιν ἄνθρωπος ὁ βασιλεὺς, καθεζομένου τοῦ ἱερέως, πῶς δύναται ὁ ἱστάμενος χαρίσασθαι τῷ καθεζομένῳ ὑψιότερον θρόνον, καὶ ὅποτε οὐχὶ μόνον ἐπὶ τῶν μητροπολιτῶν, καὶ ἀρχιεπισκόπων τοῦτο γίνεται, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ ἱερέως πτωχοῦ Ζευηλατοῦντος ἢ καὶ ποιμένουτος.... Λοιπὸν ἐν μὲν τῇ ἐκκλησίᾳ, ἐνθα καὶ ὁ ἀγιώτατος καὶ δικουμενικὸς πατριάρχης τυγχάνει, ἐν τε συνόδοις, καὶ στασεσι, καὶ δικαστηρίοις, ἐν τε καθέδραις, καὶ τοῖς λοιποῖς ἔξει τὸν θρόνον ἕκαστος ὃν δέδωκεν αὐτῷ ἢ ἁγία Σοφία, ἣτις ἐστὶν ὁ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Κυρίου. Καὶ ὡπερ δέδωκεν ἐκεῖνος θρόνον, τίς ἀφαιρήσεται ἐξ αὐτοῦ καὶ ἀποστερήσεται; Ἐν δὲ τῷ παλατίῳ ἔξει τὴν τιμὴν ἕκαστος τὴν ἐν τῇ συγκλήτῳ τυπωθεῖσαν αὐτῷ“. Ралли и Потли, Свнт. V, 275. *Zachariae von Lingenthal, Jus graeco-romanicum*, P. III, pag. 328—324.

который подстрекнулъ своихъ сыновей присоединиться къ остальнымъ членамъ сельской общины и такимъ образомъ содѣйствовалъ совершению убійства нѣкоего Халвеоупа Катакалона, постольку слѣдовательно и самъ сдѣлался виновнымъ въ убійствѣ. Въ синодальномъ опредѣленіи, состоявшемся по этому поводу, любопытны и аргументація, и обоснованный на ней выводъ. О благоговѣніи въ храмахъ предшествующихъ законодателей, говорится въ опредѣленіи, мы знаемъ какъ изъ многого другого, такъ въ особенности изъ благочестія, обращеннаго на человеколюбіе. Ибо они людямъ, потерявшимъ всякую надежду на жизнь вслѣдствіе тяжести учиненныхъ ими преступленій, открыли ограду божественной и великой церкви, такъ что если кому либо изъ нихъ удастся ея достигнуть, законодатели освобождаютъ ихъ отъ всякой отвѣтственности и наказанія, рассуждая, что самое достиженіе ими храма было не безъ Божіею промышленіемъ и спасеніемъ. *А такъ какъ духовныя лица суть плотомерныя образы храма Бога, бывъ посвящены ему, то, если кто либо изъ нихъ впадетъ въ мерзость убійства, по извѣденіи ихъ съ степеней священства, они проводятъ жизнь, насколько еще имъ суждено жить, извергнутые въ толпу мірянъ. Таковое изверженіе должно быть для нихъ достаточнымъ искупленіемъ совершеннаго ими убійства ¹⁾.*— Это любопытное сравненіе священника, какъ въ нѣкоторомъ родѣ храма, съ храмомъ въ собственномъ смыслѣ и распространеніе санкціонированнаго законодателями права церковнаго убѣжища въ отношеніи къ прибѣгавшимъ въ церковную ограду преступ-

¹⁾ „Тὴν ἀνωθεν τῶν νομοθετῶν περὶ τὰ τέμνη εὐλάβειαν, ἔστι μὲν καὶ διὰ πολλῶν ἐτέρων, πολλῷ δὲ μᾶλλον, ὅς τῳ τὴν πρὸς τὸν φιάνθρωπον εὐσέβειαν ἐπιδείκνυνται· τοῖς γὰρ ἀφηρημένοις πᾶσαν ἐλπίδα ζωῆς μετέθει τῶν πλημμεληθέντων αὐτοῖς, τοὺς τῆς θείας καὶ μεγάλης ἐκκλησίας ἤνοιξαν περιβόλους· ὡν εἰ φθάσαιεν ἐντὸς γενέσθαι τινές, πάσης ἀφιάσιν αὐτοὺς ἐνοχῆς καὶ κακώσεως, τὴν εἰς τὸ ἱερόν αὐτῶν ἀφιξίν οὐκ ἄνευ θείας προνοίας καὶ σωτηρίας κρίναντες γίνεσθαι. Οὕτω δὴ οὖν, καὶ εἰ τινες τῶν ἱερωμένων εἰς τὸ τῆς ἀνδροφονίας ἐκκυλισθεῖεν μύσος, ἐπεὶ ναὸς Θεοῦ εἰσι τρόπον τινά, καθιερωθέντες αὐτῷ, τοῦ τῆς ἱερωσύνης βαθμοῦ καταγόμενοι διατελοῦσιν εἰς τὸ τῶν λαϊκῶν ἔξεταζόμενοι πλῆθος, μεχρὶς ἂν ἡ παρούσα τούτοις ἐπιμετρήται ζωῆ, ἀρκοῦν εἶλασμα τοῦ φόβου τὴν τοιαύτην ἐκπτώσιν ἔχοντες“. Сидт. V, 49.

никамъ на священниковъ, какъ представлявшихъ собою храмъ же, посвященный Богу, съ тѣмъ окончательнымъ отсюда выводомъ, что преступный священникъ, подобно воспользовавшемуся церковнымъ убѣжищемъ обыкновенному преступнику, становится неприкосновеннымъ для всякаго свѣтскаго суда и наказанія, искупая свое преступленіе единственно изверженіемъ изъ духовнаго чина, столь же ясно свидѣтельствуемъ о высокомъ полетѣ идеи священства при патріархѣ Константиѣ Лихудѣ, какъ и вышеприведенный хризовулъ Константина Дуки.

Лихудъ занималъ патріаршую кафедру въ теченіе пяти лѣтъ. Преемникомъ его былъ Іоаннъ Ксифилинъ, котораго мы также имѣемъ основаніе отнести къ тѣмъ «другимъ», которые слѣдовали примѣру Керуларія и продолжали его политику. Ксифилинъ еще въ царствованіе Мономаха состоялъ въ партіи Керуларія и Лихуда, занимая должность номофилакса, т. е. учителя юридической школы, основанной при Мономахъ, а также начальника приказа гражданскихъ дѣлъ. Когда Лихудъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, вскорѣ за его паденіемъ послѣдовало и паденіе Ксифилина ¹⁾). Возведеніе послѣдняго въ патріархи, по смерти Лихуда, можетъ свидѣтельствовать лишь о вѣрности правительства Дуки керуларіевскимъ традиціямъ ²⁾). О томъ же, по крайней мѣрѣ косвеннымъ образомъ, свидѣтельствуемъ дошедшая до насъ копія съ рѣшенія этого патріарха во вопросу, возбужденному однимъ митрополитомъ о бракѣ въ 7-й степени свойства. Одинъ изъ братьевъ желалъ вступить въ бракъ съ двоюродною племянницей жены другого своего брата. Дѣло было на разсмотрѣніи константинопольскаго хартофилакса, который рѣшилъ, что бракъ невозможенъ. Недовольные обратились къ императору, но императоръ (Михаилъ Параниаксъ, сынъ Константина Дуки), воздержался отъ перѣрѣшенія дѣла и выразился въ своемъ рескриптѣ: «опредѣленное достопочтеннѣйшимъ хартофилаксомъ, тѣмъ болѣе по вопросу о препятствіи къ браку, остается такъ, какъ оно опредѣлено. ³⁾).

---

¹⁾ См. *Безобразовъ*, Мих. Пселль, стр. 19, 42—44.

²⁾ Пселль пережилъ всѣхъ тронъ и всѣмъ троицъ сочинилъ посмертвныя панегирики, изданныя Саею въ IV т. его „Средневѣковой бібліотека“.

³⁾ Сивтама, Рали и Папли, V, стр. 55. Цахаріе (*Ius graeco-romanum*,

Можно сказать навѣрное, что Левъ Мудрый, Константинъ Порфирородный, Василий II, не говоря о Никифорѣ Фокѣ, не ограничились бы такимъ законическимъ подтвержденіемъ суда патриаршаго хартофилакса. Любопытна еще новелла Никифора Ботаниата, занимавшаго императорскій престолъ въ промежутокъ времени между сыномъ Константина Дуки, Михаиломъ Паралинакомъ, и Алексѣемъ I Комненомъ, племянникомъ Исаака, съ 1081 года утвердившимъ уже болѣе, чѣмъ на цѣлое столѣтіе, династію Комненовъ на византійскомъ престолѣ и продолжавшимъ традиціи не Керуларія и Дука, а Исаака. Въ новеллѣ Никифора Ботаниата подтверждаются синодальныя опредѣленія, состоявшіяся при патриархѣ Іоаннѣ Кокидилѣ¹⁾. Ботаниатъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что не повинующіеся божественнымъ и синодальнымъ законамъ суть противники Богу, отступники отъ Него, ибо синодальные законы, даже и противъ воли, ведутъ людей къ лучшему. Къ синодальнымъ опредѣленіямъ императоръ *присоединяетъ и свое подтвержденное опредѣленіе, какъ содѣйствующій и участвующій* въ томъ, что прекрасно постановлено епископами и патриархомъ²⁾, а за нарушение опредѣленія грозитъ анаемой и исключеніемъ изъ великой церкви. Слѣдовательно императоръ представляетъ себя какъ бы членомъ синода и скорѣе изъ этого сочленства выводитъ свое право имѣть голосъ по данному вопросу, чѣмъ изъ своей верховной императорской власти.

Не лишено также историческаго интереса свидѣніе, сообщаемое намъ Вальсамовомъ въ адресованномъ имъ на имя начальника судовъ (*ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων*) посланіи, въ которомъ трактуется объ

P. III, pag. 331) ошибочно далъ заголовокъ этому рѣскрипту: *de nuptiis ob affinitatem quinti gradus prohibendis*“.

¹⁾ Сивтагма V, 277—279; *Zachariae*, Ins gr. rom. III p. 338—340.

²⁾ „Ἐἰ γοῦν ἅπαντας ὁ θεῖος νόμος καὶ συνοδικὸς καταναγκάζει καὶ μὴ βουλομένους μεταφέρεσθαι πρὸς τὰ κρείττονα, ὡς ἂν μὴ τῆς συνόδου τῆς θείας ψήφου ἔξοστρακίζονται, πολλῶ γε μᾶλλον ἄξιόν ἐστι μετα τῆς ψηφοφορίας τῆς συνοδικῆς καὶ ἀρχιερατικῆς καὶ τὸν κρατοῦντα ἐπιψηφίζεσθαι, καὶ ὡσπερ δὴ συμπράττειν καὶ συνεδριάζειν τοῖς καλῶς παρὰ τῶν ἱερωτάτων καὶ θειοτάτων ἀρχιερέων καὶ αὐτοῦ τοῦ πανιέρου πατριάρχου ψηφισθεῖσι τε καὶ δικονομηθεῖσι καλῶς“.

ежегодной раздачѣ патриархомъ еиміамъ въ день оглашенія ¹⁾. Изъ словъ Вальсамона оказывается, что въ его время существовалъ обычай, по которому патриархи въ тѣ дни, когда бывають оглашенія (*κατήχησις*), раздавали еиміамъ (*εὐμιάματα*). Но этотъ обычай, по словамъ Вальсамона, не древняго происхожденія; ранѣе существовалъ другой обычай и не въ какія нибудь миеологическія времена до Евклида, или въ росказняхъ баснословящихъ старужъ. О немъ знали (во второй половинѣ XII в.), еще нѣкоторые, въ живыхъ находившіеся, сенаторы; онъ практиковался еще *въ царствованіе Константина Дуки* и состоялъ въ томъ, что какъ *въ домъ Божіемъ* (т. е. въ Соборной церкви), такъ и *въ императорскомъ дворцѣ, верховная власть божественныхъ самодержавцевъ и великіе патриарховъ* выражались между прочимъ *въ ежегодной раздачѣ ругъ и ваи* (т. е. золотыхъ монетъ и пальмовыхъ вѣтвей). Наличные патриархи и цари, по словамъ Вальсамона, ежегодно садялись и этою раздачей располагали подданныхъ къ привязанности. — Когда возникъ этотъ обычай, въ которомъ находилъ наглядное выраженіе параллелизмъ двухъ властей, мы не знаемъ. Можетъ быть, древность его не восходитъ далѣе царствованія Константина Мономаха, имя котораго упоминается Вальсамономъ въ видѣ аргумента, рассчитаннаго на то, чтобы адресатъ, *начальникъ судовъ*, не имѣлъ никакихъ сомнѣній относительно разсматриваемаго обычая. Канонистъ указываетъ именно на два закона Константина Мономаха, опредѣлившіе должностное положеніе начальника судовъ и номофиакса и вмѣнившіе въ обязанность этимъ должностнымъ лицамъ, между прочимъ, ежегодно представлять известное количество золота для ругъ и обычныхъ ваи. Если это такъ, то традиція изъ времени Керуларія поддерживалась въ царствованіе Константина Дуки при обоихъ патриархахъ Лихудѣ и Ксиофилиѣ.

Отъ какого времени ведетъ свое начало выше упоминавшійся ²⁾ обычай, по которому хартофилаксъ константинопольскаго патриарха носилъ «золотую тиару» и въ процессіяхъ ѣхалъ верхомъ съ царственностью пышностью, точныхъ историческихъ извѣстій нѣтъ. Но судя по тому, что обычай этотъ представлялъ собою

¹⁾ Сянтагма Ралли и Патли, IV, 323.

²⁾ См. выше стр. 129.

выводъ изъ дарственной грамоты Константина Великаго, можно не рискуя впасть въ ошибку, относить его возникновеніе ко времени Керуларія же, а упраздненіе его даже къ болѣе позднему времени, чѣмъ упраздненіе обычая раздачи золотыхъ и пальмовыхъ вѣтвей, какъ объ этомъ можно заключать изъ словъ того же Вальсамона. Въ его «разсужденіи о двухъ должностяхъ хартофилакса и протекдива» сообщается, что и въ его еще время «златотканная тіара», находилась въ хранилищѣ (χιβώτιον) хартофилакса, хотя, по выраженію проф. Павлова, она хранилась уже тутъ въ то время, какъ «антикъ», безвозвратно изъятый изъ употребленія ¹⁾. Самъ Вальсамонъ видимо скорбитъ о томъ, что ему не приходится, въ званіи хартофилакса, украшать свою голову златотканной тіарой и выѣзжать съ царственной помпой. Онъ закликаетъ адресата, къ которому писано его разсужденіе, самою истинною, братскою любовью и религіознымъ чувствомъ къ Богу согласиться съ тѣмъ, что ничего не можетъ быть величественнѣе зрѣлища, когда хартофилаксъ ѣдетъ чрезъ площадь на лошахъ, съ златотканною тіарой на головѣ, украшенный бѣлымъ полотенцемъ, по обычаю патриаршему, и въ сопровожденіи стражи ²⁾.

Вальсамонъ жилъ при Комменахъ, и какая въ его время наступила пережѣна въ принципиальной оцннкѣ отношеній между священствомъ и царствомъ, не только сравнительно съ міровоззрѣніемъ Керуларія, но и съ эпанагогой, видно изъ «разсужденія» самого же Вальсамона о патриаршихъ привилегіяхъ. Въ этомъ разсужденіи есть такое мѣсто: «*почечіе императоровъ простирается на просвѣщеніе и укрѣпленіе души и тѣла, высокая же должность патриарховъ ограничивается только одною душевною пользою, ибо они очень мало заботятся о тѣлесномъ удобствѣ*» ³⁾. Отсюда, по словамъ Вальсамона, объясняется тотъ фактъ,

---

¹⁾ Павловъ, Подложная дарств. грамота Константина В. въ Сборн. неизд. памятниковъ виз. ц. пр. стр. 68 въ примѣч.

²⁾ Сивтагма, IV, 540.

³⁾ Сивт. IV, 545: «τῶν μὲν αὐτοκρατόρων ἡ ἀρωγὴ πρὸς φωτισμὸν καὶ οὐσασιν ἐπεκτείνεται ψυχῆς τε καὶ σώματος, τὸ δὲ μεγαλεῖον τῶν πατριάρχων εἰς μόνην ψυχὴν ἐστενοχώρηται λυσιτέλειαν (ὀλίγη γὰρ τοῦτοις ἐστὶ φροντίς εὐπαθείας σωματικῆς)».

что императору предносится свѣтильникъ, украшенный двойнымъ золотымъ вѣнчикомъ, а свѣтильники императрицы и патріарха уграшаются лишь зубцами въ одинъ рядъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что т. я. византизмъ не былъ неподвижною величиною не только со времени Константина В. и Θεодосія В., но и со времени Юстиніана, а подвергался влияніямъ времени и проходилъ или испытывалъ разныя стадіи и формаци. Въ особенности періодъ времени отъ второй половины IX в. до Комненовъ, съ высшею точкою развитія при Керуларіѣ, представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ стадій и формаций.

Въ настоящее время для насъ было бы дѣломъ довольно безплоднымъ задаваться вопросами о томъ, произошелъ ли бы разрывъ между восточною и западною церковью безъ Керуларія, какъ опредѣлились бы отношенія между востокомъ и западомъ, если бы разрыва при Керуларіѣ не было, и выступила ли бы римская церковь уже тогда съ тою тенденціей романизированія, которая стала отличать ее послѣ разрыва? Задавая себѣ подобные вопросы, мы могли бы съ равнымъ основаніемъ пойти дальше въ глубь исторіи и спрашивать себя: что было бы, если бы востокъ не открылъ наступленія противъ запада въ лицѣ трульскаго собора и патріарха Фотія, если бы иконоборцы не заставили папу броситься въ объятія франковъ, если бы не была восстановлена римская имперія на западѣ и т. д.? Достаточно того, что всемірная исторія шла такъ, а не иначе. Это, конечно, не избавляетъ изучающаго исторію отъ обязанности устанавливать внутреннюю связь между явленіями и оцѣнивать дѣятельность тѣхъ лицъ, которые выступали на аренѣ исторіи, какъ главные виновники событій. При этой оцѣнкѣ личной дѣятельности, нужно принимать въ соображеніе не только обозначившіяся въ послѣдующемъ ходѣ исторіи важныя послѣдствія, но и личные мотивы, которые въ данный моментъ служили опредѣляющими для дѣйствующихъ лицъ. Греческій историкъ Димитракопуло поставилъ огромную историческую заслугу патріарха Михаила Керуларія въ томъ, что, благодаря проведенному имъ раздѣленію церковей, спасена была греческая народность. Весьма возможно, что съ

русской точки зрѣнія нашлись бы и болѣе важныя послѣдствія раздѣленія церквей, чѣмъ сохраненіе греческой народности. Но Лоранъ довольно давно уже сказалъ, что въ исторіи человѣкъ хочетъ не того, чего желаетъ Богъ, и Богъ желаетъ не того, чего хочетъ человѣкъ. Человѣкъ могъ руководиться мотивами своего личнаго честолюбія и дѣйствовать не безупречными средствами, а Богъ обращаетъ сдѣланное человекомъ къ инымъ послѣдствіямъ, о которыхъ человѣкъ не думалъ въ то время, когда дѣйствовалъ. И если эти послѣдствія оказались не бесполезными для человѣчества, то вѣдь и всякій вообще урокъ, хотя бы и самый прискорбный, обращается Промысломъ Божиимъ на пользу же человѣчеству, и о личныхъ заслугахъ дѣятелей, по винѣ которыхъ совершились прискорбныя событія, говорить весьма затруднительно....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе.....	1
Глава I. Обстоятельства, предшествовавшія раздѣленію церкви при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.....	7
Глава II. Разрывъ востока съ западомъ при патріархѣ Михаилѣ Керуларіѣ.....	29
Глава III. Отношеніе патріарха Михаила Керуларія къ императорской власти послѣ разрыва съ Римомъ.....	79

П О П Р А В К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
8	2 снизу въ текстѣ	не вѣдая	не вѣдая,
12	прим. 1	Ευκωσι	Ευκωσι.
23	4 сверху	По словѣмъ	По словѣмъ
38	10 сверху	князя	князя
—	20 сверху	удеямъ	іудеямъ
49	6 сверху въ прим.	μετριότης	μετριότης
78 и 79	послѣдняя снизу и первая сверху	начавшій, послѣ длиннаго перерыва, рядъ православныхъ патріарховъ	почти что начавшій только, послѣ длиннаго перерыва, и то опять не надолго, рядъ дѣйствительныхъ, а не титулярныхъ, православныхъ патріарховъ
101	5 сверху	употребилъ. хитрость.	употребилъ хитрость.
117	3 снизу въ прим.	ἀμαυροτέρων	ἀμαυροτέρων
—	2 снизу въ прим.	τῆς	τῆς
118	въ прим.	παρά	παρά
126	6 сверху	σιγκлинта	σιγκлинта
139	4 сверху	ἀνάγκη	ἀνάγκης
148	1 сверху	неизвѣстно;	съ точностію неизвѣстно;
149	9 снизу	уже	туть уже
151	19 сверху	Парапинексомъ	Парапинаксомъ
155	1 въ примѣч. 2-мъ	συνόδικος	συνόδικος
